

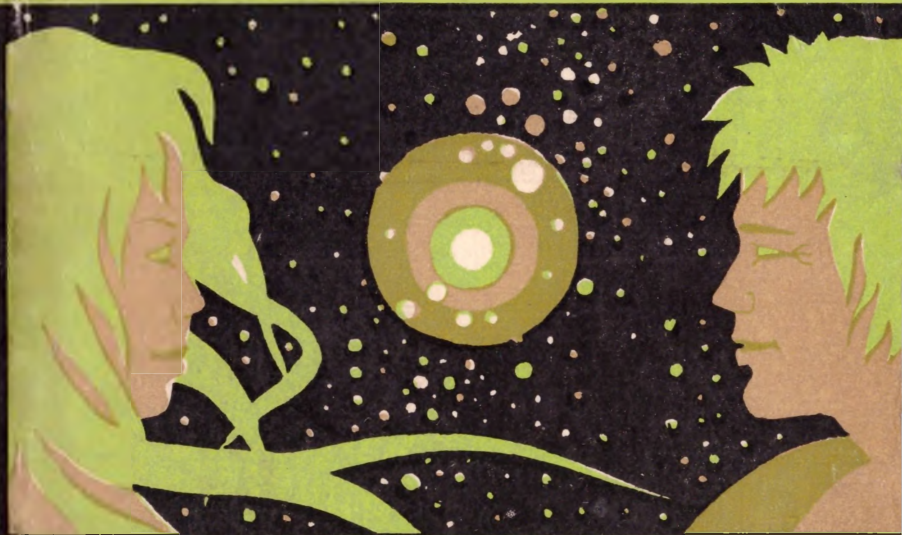
Зарубежная

фантастика

ПЯТЬ ЗЕЛЕННЫХ ЛУН

Сборник
научно-фантастических
рассказов

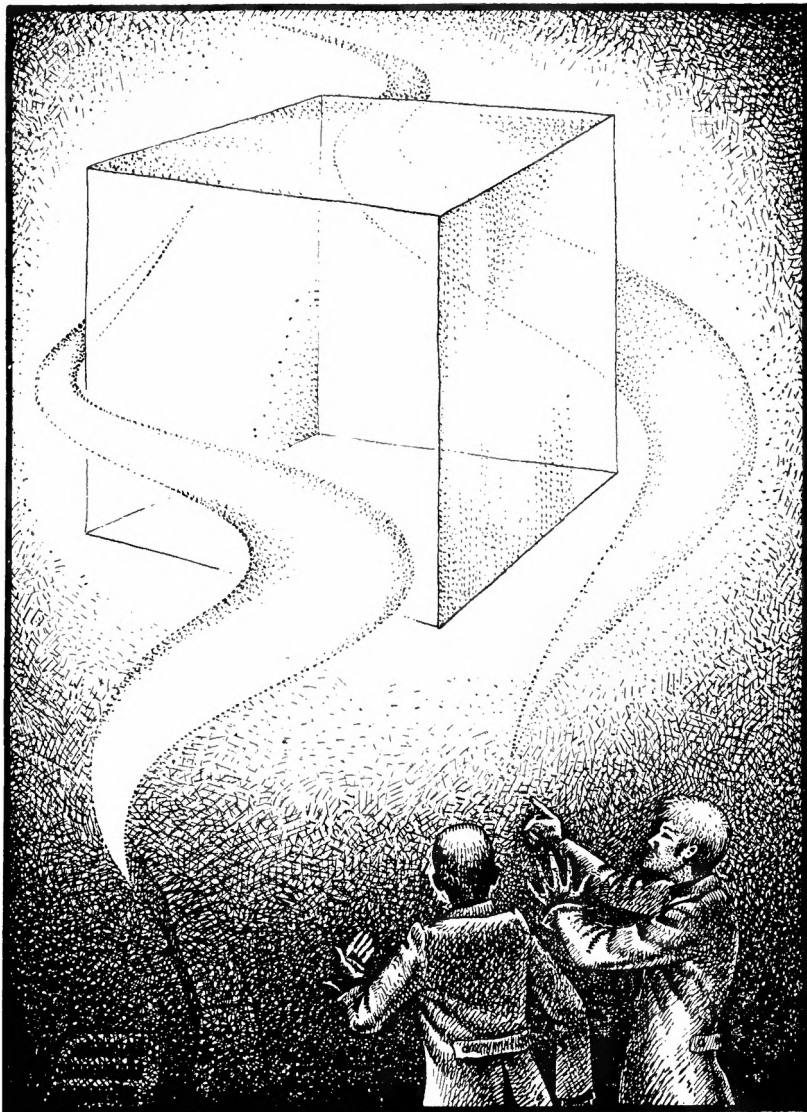
ИЗДАТЕЛЬСТВО · МИР · МОСКВА

Зарубежная

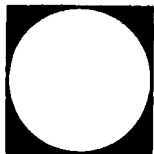

фантастика

Зарубежная

фантастика

ПЯТЬ ЗЕЛЕННЫХ ЛУН

Сборник
научно-фантастических
рассказов

Составитель Р. РЫБКИН
Предисловие В. РЕВИЧА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1978

- П99** **Пять зеленых лун. Сборник науч.-фантаст. рассказов. Пер. с англ., фр., ит., болг. Сост. Р. Рыбкин. Предисл. Вс. Ревича. М., «Мир», 1978**

340 с. (Зарубежная фантастика)

В сборник научно-фантастических рассказов писателей разных стран включены произведения, отражающие все основные темы научной фантастики: путешествия во времени, контакты с инопланетными цивилизациями, работы, фантастические изобретения. Среди разнообразных по манере и стилю рассказов немало юмористических.

Наряду с хорошо известными писателями-фантастами — А. Азимовым, С. Корнблатом, К. Саймаком, М. Лейнстером — читатель найдет и новые для себя имена: В. Димитрова, П. Гамарра, Дж. Айкен, К. Леруре и др.

П $\frac{70304-179}{041(01)-78}$ 179—78

Сб. 3

Редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы

Есть контакт!.. Нет контакта...

Когда заводят речь о фантастике, то слово Контакт начинают писать с большой буквы, подразумевая под ним встречу земного человечества с разумными существами из иных миров, — это, вероятно, самый распространенный сюжет в фантастической литературе XX века. Истоки его мы можем отыскать еще в глубокой древности, но по-настоящему тема столкновения двух цивилизаций раскрыла свои потенциальные возможности в произведении, с которого, по сути, и начинается современная фантастика, — в «Войне миров» Герберта Джорджа Уэллса.

С тех пор с завидной регулярностью появляются романы, повести и рассказы, в которых с той же завидной регулярностью на нашу планету высаживаются одиночные экипажи или, наоборот, несметные полчища пришельцев, иной раз весьма агрессивных, а иной раз настроенных очень дружелюбно. В других книгах земляне отправляются в гости к обитателям галактических просторов — от вполне похожих на людей (правда, почти всегда отличающихся цветом кожи) до причудливых или даже чудовищных жизненных форм, вроде океана разумной плазмы в лемовском «Солярисе».

Что же определяет такую устойчивость темы инопланетян?

Конечно, она сама по себе, как ничто другое, порождает воображение, ибо при всех бесконечно разно-

образных свершениях природы самым удивительным остается все-таки возникновение разума. Недаром время от времени поднимается шум по поводу якобы виденных кем-то мифических «летающих тарелок». Подготовленные научной фантастикой люди охотно готовы поверить в возможность встречи с братьями по разуму. Вместе с тем в последнее время появилась достаточно грустная гипотеза известного советского астрофизика И. Шкловского, заявившего, вопреки своим некоторым прежним высказываниям, об уникальности земной жизни, об одиночестве человека во Вселенной. В этой гипотезе, безусловно, есть позитивное начало: если допустить, что ученый прав, то с какой же бережливостью мы должны относиться ко всем завоеваниям человеческого разума! Без людей Земли в природе не останется никого, кто мог бы осмыслить и понять ее самое. Я, правда, думаю, что если бы даже завтра в нашей или соседних галактиках были открыты десятки обитаемых миров, то это ничуть бы не уменьшило ценности и уникальности человеческого опыта. И еще я полагаю, что гипотезе И. Шкловского навсегда суждено остаться гипотезой. Она может быть опровергнута буквально в течение одного дня, но никогда не будет доказана, потому что в человеке всегда будет жить надежда отыскать разумных партнеров, как бы далеко ни отодвинулись границы, до которых доберутся щупальца наших приборов.

Что же касается литературы, и в первую очередь научной фантастики, то на нее взгляды И. Шкловского никакого влияния оказать не смогут, причем отнюдь не из-за общефилософских или логических умозаключений: если, дескать, инопланетян нет и быть не может, то и писать о них не стоит. Дело в том, что на плечи пришельцев (если позволительно так сказать) фантастика возложила иную задачу, которая не

имеет непосредственного отношения к научным теориям, но зато прямо связана с литературой, с ее идеологическим смыслом, с целями, ради которых и создаются произведения изящной словесности.

Литературу, как и искусство в целом, интересует прежде всего человек. Представители же иных миров служат по большей части неким «кривым» зеркалом: в нем люди могут увидеть самих себя с необыкновенной, непривычной стороны и, быть может, рассмотреть в отражении такие подробности, такие штрихи — приятные или неприятные, — которые при обычном разглядывании и не заметишь. Даже если звездные пришельцы не живописуются подробно или вообще не возникают перед глазами читателя, сам факт их появления позволяет писателю выстроить такую модель человеческого поведения с чрезвычайно острыми углами, мимо которой нельзя пройти, не уколовшись и не задумавшись над важнейшими проблемами бытия. Что такое человек? Что есть истинно человеческое в человеке? Что представляет собой наша мораль? Каков социальный смысл гуманизма? Какова истинная ценность общественного устройства? В последнем вопросе заложено чрезвычайно плодотворное критическое зерно, которое активно используется прогрессивными западными писателями-фантастами при оценке различных этических и социальных институтов своего общества.

Итак, взгляд на человека со стороны... В предлагаемом читателю сборнике научно-фантастических рассказов американских, английских, французских, итальянских, болгарских фантастов можно найти разнообразные повороты темы контактов, которые в целом складываются в некую картину не столько даже того общества, которое авторы пытаются изобразить, сколько того, в котором эти произведения были написаны.

С этой точки зрения весьма показательна повелла английской писательницы Джоан Айкен «Пять зеленых лун», давшая название сборнику и написанная, как и многие другие помещенные в нем рассказы, в юмористическом ключе. Что, кроме улыбки, может вызвать наивный эмигрант, прилетевший, а точнее, сбежавший на Землю от прелестей марсианской урбанизации? Он на редкость благодарный соискатель политического убежища. Все на Земле приводит его в умиление, даже пуговицы, ибо на Марсе пуговиц нет, а есть «только специальные застёжки». К тому же сам Онил добр и прямодушен, словом имеет массу ангельских достоинств, на что писательница указывает весьма недвусмысленно, снабжая своего героя крылышками за спиной. Казалось бы, что еще надо людям, где еще им сыскать более внимательного собеседника, более умного советчика? Оказывается, однако, что именно эти его качества и не устраивают обывателей маленького городка, который межпланетный путешественник имел несчастье выбрать для своего первого контакта с землянами. Они создают вокруг Онила атмосферу травли, и он вынужден покинуть негостеприимную Землю. Так что юмор писательницы на проверку оказывается совсем не таким уж и веселым. И кто усомнится в том, что вовсе не марсиане и не проблемы космонавтики интересуют автора!

Для западной фантастики характерна также тема пришельцев, по каким-либо причинам вынужденных задержаться на Земле и скрывать свое истинное лицо, притворяясь обыкновенными людьми. Чего только не приходится им делать, чтобы добыть средства к существованию, даже выступать в ярмарочных балаганах (рассказ «Фургон» французского писателя Кристиана Леурье). Как правило, они томятся в атмосфере пошлости и обыденности окружающей жизни, хотя любят и жалеют людей и всячески стремятся им по-

мочь. Легко догадаться, что в таком сюжете писателя прежде всего привлекает контраст. Он очень резко очерчен в рассказе американца Зенны Гендерсона «Что-то блестящее...», где пришельцы поданы через восприятие бедной, голодной девочки. Ей, в своей маленькой жизни не знавшей ничего хорошего, сказочным кажется сверкающий мир, куда уходят ее добрые старики-соседи. Впрочем, это действительно сказка, более далекая, более недоступная, чем любое волшебное королевство. При таком подходе к пришельцам тема лишается своего философского, глобального, героического смысла, а сами инопланетяне выступают в роли синей птицы, мечты, несбыточной и неосуществимой.

Еще больше «снижает» тему космических гостей известный итальянский писатель Джанни Родари (рассказ «Принц-Пломбир»), доводя ее до забавного фарса из жизни итальянского города.

В противовес этим писателям Уильям Моррисон (рассказ «Лечение») поднимает тему контактов, стремясь доказать, что между людьми и любыми разумными созданиями могут и должны быть совсем иные, истинно товарищеские взаимоотношения. Такой поворот в западной фантастике встречается реже, но без него картина была бы неполной. Моррисон пишет о том, какими прекрасными могут быть проявления гуманизма, вкладывая в это понятие самый широкий смысл. Носителями гуманизма выступают в его рассказе инопланетяне.

Намного благородней человеческой оказалась и душа милого детеныша с далекой планеты, обладающего удивительным умением останавливать время (рассказ «На берегу» Маршалла Кинга). Он настолько незлопамятное создание, что ценой собственной жизни спасает от гибели группу землян, бесцеремонно, с низменными целями ворвавшихся на его пла-

нету, хотя сами люди пытались засадить его в ящик и ранили пистолетным выстрелом. Зло, предательство, жестокость просто не существуют в его сознании: он воспринимает действия непрошенных гостей как игру, пусть даже ему не понятную. На фоне этого ребенка, тянущегося к людям, гнусность поведения космических пиратов проступает особенно рельефно. Впрочем, у двух из них все же просыпается совесть. Тем самым автор пытается утвердить мысль о том, что добро должно вызвать ответное добро...

Есть в современной фантастике еще одна распространенная тема — искусственный разум. На первый взгляд может показаться, что в отличие от пришельцев, которых никто не видел и с которыми никто никаких контактов не устанавливал, роботы — это, так сказать, более реальная фантастика. Ведь в какой-то мере они уже существуют в действительности, и вряд ли у кого вызывает сомнение тот факт, что в один прекрасный день ученые смогут (если, конечно, понадобится) создать достаточно совершенное подобие человека.

Фантасты же создали их давно — заботливых нянюшек, защитников людей или грубых громил, на выбор. Однако и в этом случае нетрудно прийти к выводу, что многочисленные роботы вводятся в фантастическое действие отнюдь не для того, чтобы восславить инженерный гений, и уж тем более не для того, чтобы «познакомить читателя с важными проблемами кибернетики», как писали некогда в предисловиях к книгам о роботах. Совсем не случайно фантасты чаще всего придают своим искусственным «героям» человекоподобную внешность, подчас неотличимую от облика их создателей. С чисто технической точки зрения, столь экстравагантная форма самоор-

ганизирующегося автомата с множеством ненужных «архитектурных излишеств» не только не целесообразна, но в большинстве случаев бессмысленна, а порой даже вредна. Ну зачем, спрашивается, роботу волосы? Зато для фантастики возможность создания электронно-синтетического двойника человека оказалась неоценимой находкой, такой же, как и человекоподобные пришельцы. Идейные функции двух популярных героев научной фантастики становятся мало-различимыми. Это новая грань той же темы контакта, анализа поведения земного человека на «rendez-vous».

Литературный отец роботов, Карел Чапек, придумал их как орудие возмездия строю, возжелавшему дешевых и покорных рабов. Уже его роботы повели себя как люди.

Вспомним знаменитые законы роботехники, сформулированные Айзеком Азимовым в книге «Я, робот» (кстати, в настоящем сборнике читатель найдет остроумную пародию болгарского писателя Василя Димитрова на эту книгу; пародию, впрочем, обладающую и собственным, отнюдь не пародийным смыслом)! Разве эти законы всего лишь технологическая инструкция для полимерных верзил, а не сжатые до одной фразы предписания человеческой морали? «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». А человек может? То есть он, к сожалению, может, но разве он не должен вести себя так, чтобы быть достойным того нравственного императива, которым руководствуются азимовские роботы?!

Ситуация парадоксально переворачивается: подражать должен не робот человеку, по образу и подобию которого он сотворен, но человек — роботу. В самом деле, кто оказывается самым благородным, самым тонко переживающим обитателем маленького

американского городка в рассказе Клиффорда Саймака «Дурной пример»? Робот по имени Тобиас, который заслан в Мелвил благотворительной организацией с проникновенной педагогической целью: отвращать нестойкие личности от злоупотребления спиртными напитками, демонстрируя на собственном примере, к каким ужасающим последствиям это приводит. И хотя Тобиас не подвергает сомнению полезность своей миссии, его возвышенная «душа» жаждет иного — он хочет летать в космос, открывать новые земли, он жестоко страдает от необходимости появляться каждый день на глазах у людей в неподобающем виде. Но робот так устроен, что думает не о себе, а о других, и это со всей очевидностью проявляется в центральной сцене спасения двух людей из гибнущего автомобиля. Тобиас не имел права выдавать себя, но он *не смог* оставить людей в беде.

Как следует квалифицировать его поступок — как человека или как робота? И вообще, роботы ли перед нами и в этом рассказе, и двух других небольших рассказах — «Виртуоз» Герберта Голдстоуна и «Необходимое условие» Айзека Азимова? Не правильнее ли предположить, что это всего-навсего участники литературного маскарада, которые, как это и положено в данном случае, скрываются под масками, иногда полностью совпадающими с человеческим обликом (так было с Тобиасом), а иногда вовсе на него непохожими. Например, Мультивак в «Необходимом условии» — гигантский компьютер, управляющий экономикой всей планеты. И тем не менее это маска. Ведь машине всжливость ни к чему.

Отказываясь от блестящей музыкальной карьеры на том основании, что искусственные создания лишены способности чувствовать и понимать музыку, робот Ролло вопреки смыслу своего поступка опять-таки действует не как бездушный автомат, а истинно

по-человечески, ибо только человек способен на деликатность и самоотверженность.

Конечно, не всегда — особенно в западной фантастике — взаимоотношения человека и робота складываются столь идиллически. Случается, высокие договаривающиеся стороны могут и не поладить между собой. В той конфликтной ситуации, которую изобразила Милдред Клипгермен в юмореске «Победоносный рецепт», верх над суперсовременной машиной одержала женщина, защищая свое человеческое первородство от натиска безликой автоматизации и стандартизации. В данном случае перед нами шутка, но можно без труда вспомнить множество произведений, где люди и роботы сражались между собой не на жизнь, а на смерть. И дело здесь совсем не в псевдонаучных размышлениях о том, будто искусственный разум со временем станет более совершенным, нежели породивший его разум человека, и будет только ждать своего часа, дабы вытеснить несовершенных прародителей с лица Земли. Суть в том, что за сражениями человека и робота скрываются вполне определенные социально-исторические коллизии, возможные только в определенных общественно-экономических формациях.

Когда машины остаются машинами, которым ни к чему такое нефункциональное понятие, как душа, то людям не стоит передоверять им свои судьбы, иначе человеку может стать действительно плохо. Своей мертвенной, античеловеческой логикой компьютеры-крючкотворы способны довести невинного человека до смертного приговора, так как они не в состоянии уразуметь неоднозначность человеческой речи и письма и уж тем более лишены чувства юмора (рассказ «Машины не спорят» Гордона Диксона). Человек вообще теряется в насквозь автоматизированном, непонятном и враждебном ему мире. Даже обычные ли-

нии метро, бесконечно множась и путаясь, способны превратиться в топологическую систему высшего порядка, где могут исчезнуть целые поезда с ничего не подозревающими пассажирами (юмореска Дейча «Лента Мёбиуса»).

Сделаем еще один шаг и раздвинем дальше сферу фантастических контактов, которые могут осуществляться или не осуществляться. Речь пойдет о произведениях, повествующих о судьбах гениальных открытий и изобретателей. Если между землянами и пришельцами дружеские и деловые связи устанавливаются не так уж редко, а недоразумения, которые возникают со свихнувшимися роботами, почти всегда разрешаются в пользу людей, то кто рискнет назвать хотя бы один рассказ в современной западной фантастике, где великий изобретатель сумел бы благополучно донести свое детище до страждущего человечества? Вот уж когда перед нами была бы ни на чем не основанная выдумка, а писатели, будь они хоть трижды фантастами, в таких делах стремятся сохранить верность правде жизни. Герой, или как минимум его открытие, всегда гибнет под ударами злых сил.

Труднее всего оказывается устанавливать контакты типа «люди — люди». Гениальный математик-самоучка Гомес из одноименного рассказа патриарха американской фантастики Сирила Корнבלата находит свое счастье, женившись на любимой девушке. Чтобы обрести душевный покой, человек не должен быть в разладе с собственной совестью, и, добиваясь желанного равновесия, Гомес вынужден отказаться от другого счастья — счастья стать подлинным ученым. А ведь из него мог выйти новый Эйнштейн, он мог сделаться всемирно известным физиком, Нобелев-

ским лауреатом, богатым человеком... Для этого ему надо было всего лишь не стирать с доски найденную формулу единого поля и не притворяться, будто у него внезапно улетучились математические способности. (Между прочим, заправили из Пентагона, прибравшие было юношу к рукам, сравнительно легко отпускают его, с готовностью поверив в обман, — им с самого начала претило обхаживать полуграмотного пуэрториканца, судомойку из дешевого ресторанчика.) У Гомеса хватило силы и ума, чтобы поступиться блестящим будущим, едва он догадался о возможных последствиях своего открытия. Остается только горько пожалеть о том, что гомесы в западной фантастике встречаются чаще, чем в жизни. Быть может, мы тогда не имели бы такого «достижения человеческого разума», как американская нейтронная бомба.

Если в рассказе Корнблата чуть ли не рождественский «happy end», то у коллег Гомеса по гениальному изобретательству в юмористическом рассказе Мюррея Лейпстера «На двенадцатый день» и особенно в совсем неюмористическом рассказе «Дождик, дождик, перестань...» Джеймса Кокса дела обстоят не так благополучно. Впрочем, возвращаясь к «Гомесу», спросим: что же это за счастливый конец, если человечество в результате лишилось и выдающегося открытия и выдающегося ученого? Да, что-то очень неладно в том «датском королевстве», где отношения между людьми извращены до такой степени.

В рассказе же Джудит Меррил «Сквозь гордость, тоску и утраты» утверждается другой тип контактов между людьми. Несмотря на трагическое расставание героев, их связывают отношения подлинной любви, они готовы жертвовать собой во имя близкого человека. Чтобы муж смог осуществить заветную мечту и улететь на Марс, героиня вынуждена солгать ему —

ведь узнай Уилл истинную причину ее отказа отправиться вместе с ним, он бы, не колеблясь, остался. Сходные мотивы встречались и в советской фантастике, например в романе И. Давыдова «Я вернусь через тысячу лет». Однако разница между упомянутыми произведениями существенна, и она заключается в противоположности социальной обстановки, окружающей героев. У советского писателя «молодые моряки Вселенной» рвутся в космос, окрыленные великой целью, а персонажам западной фантастики больше всего хочется оставить вконец опустылевшую Землю.

И наконец, несколько слов о рассказе Джека Льюиса «Кто у кого украл», в котором, правда, речь идет не о контактах и тому подобных серьезных вещах, а всего лишь... о научной фантастике, да и то в несерьезном тоне. О той не лучшей части научной фантастики, которая так запуталась во временных сдвигах и сверхсветовых скоростях, так закольцевалась в бесконечно повторяющихся сюжетах, что теперь и вправду нелегко разобраться, кто и что у кого украл, кто был первооткрывателем золотых фантастических жил, кто прилежным последователем, ведущим дополнительные разработки, а кто и откровенным компилятором, довольствующимся случайными кусочками, забытыми на месте полностью выработанного рудника...

Всеволод Ревич

А. Дж. Дейч

Лента Мёбиуса

(научно-фантастическая юмореска)

От станции Парк-стрит линии метро расходились во все стороны, образуя сложную, хитроумно переплетенную сеть. Запасный путь связывал линию Личмир с линией Эшмонт для поездов, идущих в южную часть города, и с линией Форест-хилл — для поездов, следующих на север. Линии Гарвард и Бруклин соединялись туннелем, пересекавшимся на большой глубине с линией Кенмор, и в часы «пик» на эту линию переводился каждый второй поезд, идущий обратным маршрутом на Энглстон. Возле Филдс-корнер линия Кенмор соединялась с туннелем Маверик и, выходя на поверхность, связывала Сколлэй-сквер с наземной линией Копли. Затем она снова уходила под землю и у Бойлстона соединялась с линией Кембридж. Пригородная кольцевая линия Бойлстон соединяла на четырех уровнях все семь главных линий метрополитена. Она была открыта, как вы помните, третьего марта, и с тех пор поезда могли беспрепятственно достигать любой станции сети.

В субботние дни на всех линиях курсировали двести двадцать семь поездов, перевозивших около полутора миллионов пассажиров. Поезд, исчезнувший четвертого марта с линии Кембридж — Дорче-

стер, имел номер 86. Сначала никто не заметил его исчезновения. В вечерние часы «пик» на этой линии поток пассажиров был чуть немногим больше обычного. Но толпа есть толпа. Лишь в семь тридцать вечера диспетчерские табло стали запрашивать восемьдесят шестой, однако прошло целых три дня, прежде чем кто-то из диспетчеров наконец заявил о его исчезновении. Контролер на Милк-стрит-кросс попросил дежурного линии Гарвард подать еще один дополнительный поезд к концу хоккейного матча. Дежурный передал заявку в парк. Диспетчер вызвал на линию поезд 87, который, как обычно, в десять вечера ушел в парк. Но даже и тогда диспетчер не обнаружил исчезновения восемьдесят шестого.

На следующее утро в часы наибольшего притока пассажиров Джек О'Брайен с диспетчерского пункта на Парк-стрит соединился с Уорреном Суини из парка на Форест-хилл и попросил дать на линию Кембридж дополнительный поезд. Поездов не было, и Суини решил по табельной доске проверить, есть ли свободные поезда и бригады. И тут он обнаружил, что машинист Галлахер по окончании смены не перевесил номерка. Перевесив номерок Галлахера, Суини прикрепил к нему записку — смена Галлахера началась в десять утра. В десять тридцать Суини снова был у табельной доски — номерок и записка висели на прежнем месте. Недовольно ворча, Суини направился к дежурному и потребовал выяснить, почему Галлахер опоздал на работу. Дежурный ответил, что вообще не видел его в это утро. Тут-то Суини и заинтересовался, кто еще, кроме Галлахера, обслуживал восемьдесят шестой. Не прошло и двух минут, как он уже знал, что кондуктор Доркин тоже не отметил уход с работы, а сегодня у Доркина выходной. Только в одиннадцать тридцать Суини наконец понял, что потерял поезд.

Следующие полтора часа он провел на телефоне, обзванивая диспетчеров, контролеров и дежурных на всех линиях метрополитена. Вернувшись в час тридцать с обеда, он снова сел на телефон. Заканчивая смену в половине пятого, он, не на шутку озадаченный, доложил обо всем в главное управление. До полуночи не смолкали телефоны во всех туннелях и депо городского метрополитена, и только после двенадцати ночи наконец решились потревожить главного управляющего и позвонили ему домой.

Шестого марта технику главного диспетчерского пункта первому пришла мысль связать исчезновение поезда с неожиданно большим количеством объявлений о розыске пропавших родственников, появившихся в тот день в газетах. О своих догадках он сообщил кое-кому из газеты «Транскрипт», и уже в полдень три газеты опубликовали экстренные выпуски. Так эта история получила огласку.

Келвин Уайт, главный управляющий городского метрополитена, провел всю первую половину дня в полицейском управлении. Были опрошены жена Галлахера и жена Доркина. Но они ничего не могли сказать, кроме того, что их мужья ушли на работу четвертого утром и домой не возвращались. Во второй половине дня городская полиция уже знала, что вместе с поездом исчезло по меньшей мере триста пятьдесят бостонцев. Телефоны системы, не переставая, трезвонили. Уайт чуть не лопался от бессильного гнева, но поезд словно растаял в воздухе или провалился в преисподнюю.

Роджер Тьюпело, математик из Гарвардского университета, появился на сцене шестого марта. Поздно вечером, позвонив Уайту домой, он сообщил, что у него имеются кое-какие догадки насчет исчезнувшего поезда. Взяв такси, Тьюпело прибыл к Уайту в пригород Ньютон, и здесь в доме последнего состоя-

лась первая беседа математика с главным управляющим по поводу исчезнувшего поезда № 86.

Уайт был человеком неглупым, достаточно образованным, опытным администратором и от природы не был лишен воображения.

— Понять не могу, о чем вы толкуете! — горячился он.

Тьюпело решил при всех обстоятельствах сохранять спокойствие и не выходить из себя.

— Это очень трудно понять, мистер Уайт, не спору. И недоумение ваше вполне законно. Но это — единственное объяснение, которое можно дать. Поезд вместе с пассажирами действительно исчез. Но метро — замкнутая система. Поезд не мог ее покинуть, он где-то на линии.

Уайт снова повысил голос.

— Говорю вам, мистер Тьюпело, что поезда на линии нет. Нет! Нельзя потерять поезд с сотнями пассажиров, словно иголку в стоге сена. Прочесана вся система. Неужели вы думаете, что мне интересно прятать где-то целый поезд?

— Разумеется, нет. Но давайте рассуждать здраво. Мы знаем, что четвертого марта в 8.40 утра поезд шел к станции Кембридж. За несколько минут до этого времени на станциях Вашингтон и Парк-стрит в него сели примерно шестьдесят пассажиров и несколько человек, очевидно, сошли. И это все, что нам известно. Никто из тех, кто ехал до станции Кендолл, Центральная или Кембридж, не доехал до нужного ему пункта. На конечную станцию Кембридж поезд не прибыл.

— Все это я и без вас знаю, мистер Тьюпело, — еле сдерживаясь, прорычал Уайт. — В туннеле под рекой он внезапно превратился в пароход и уплыл в Африку.

— Нет, мистер Уайт. Я все время пытаюсь вам объяснить: он достиг узла.

Лицо Уайта зловеще побагровело.

— Какого еще узла?! — взорвался он. — Все пути нашей системы в образцовом порядке, никаких препятствий, поезда курсируют бесперебойно.

— Вы опять меня не поняли. Узел — это не препятствие. Это особенность, полюс высшего порядка.

Все объяснения Тьюпело в тот вечер ни к чему не привели. Келвин Уайт по-прежнему ничего не понимал. Однако в два часа ночи он наконец разрешил математику познакомиться с планом городского метрополитена. Но сначала он позвонил в полицию, которая, однако, ничем не смогла ему помочь в его первой неудачной попытке постичь такую премудрость, как топология, а потом связался с главным управлением. Тьюпело, взяв такси, отправился туда и до утра просидел над планами и картами бостонского метро. Потом, наскоро выпив кофе и съев бутерброд, он снова отправился к Уайту, на этот раз в его контору.

Когда он вошел, управляющий говорил по телефону. Речь шла о том, чтобы провести еще одно, более тщательное обследование всего туннеля Дорчестер — Кембридж под рекой Чарльз. Когда разговор был наконец окончен, Уайт с раздражением бросил трубку на рычаг и уставился в Тьюпело свирепым взглядом. Математик первым нарушил молчание.

— Мне кажется, во всем виновата новая линия, — сказал он.

Уайт вцепился руками в край стола, тщательно пытаясь найти в своем лексиконе слова, которые наименее обидели бы ученого.

— Доктор Тьюпело, — сказал он наконец. — Я всю ночь ломал голову над этой вашей теорией и, признаться, так ни черта в ней и не понял. При чем здесь еще линия Бойлстон?

— Помните, что я говорил вам вчера о свойствах связности сети? — спокойно спросил Тьюпело. — Помните лист Мёбиуса, который мы с вами сделали, — односторонняя поверхность с одним берегом? Помните это? — Он достал из кармана небольшую стеклянную бутылку Клейна и положил ее на стол.

Уайт тяжело откинулся на спинку кресла и тупо уставился на математика. По лицу его, быстро сменяя друг друга, промелькнули гнев, растерянность, отчаяние и полная покорность судьбе. А Тьюпело продолжал:

— Мистер Уайт, ваша система метро представляет собой сеть огромной топологической сложности. Она была крайне сложной еще до введения в строй линии Бойлстон. Система необычайно высокой связности. Новая линия сделала систему поистине уникальной. Я и сам еще толком не все понимаю, но, по-моему, дело вот в чем: линия Бойлстон сделала связность настолько высокой, что я не представляю, как ее вычислить. Мне кажется, связность стала бесконечной.

Управляющий слышал все это, словно во сне. Глаза его были прикованы к бутылке Клейна.

— Лист Мёбиуса, — продолжал Тьюпело, — обладает необычайными свойствами, потому что он имеет лишь одну сторону. Бутылка Клейна топологически более сложна, потому что она еще и замкнута. Топологи знают поверхности куда более сложные, по сравнению с которыми и лист Мёбиуса, и бутылка Клейна — просто детские игрушки. Сеть бесконечной связности топологически может быть чертовски сложной. Вы представляете, какие у нее могут быть свойства?

И после долгой паузы Тьюпело добавил:

— Я тоже не представляю. По правде говоря, ваша система метро с пригородным кольцом Бойл-

стон выше моего понимания. Я могу только предполагать.

Уайт наконец оторвал взгляд от стола: он почувствовал неудержимый приступ гнева.

— И после этого вы еще называете себя математиком, профессор Тьюпело? — возмущенно воскликнул он.

Тьюпело едва удержался от того, чтобы не расхохотаться. Он вдруг особенно остро почувствовал всю нелепость и комизм ситуации. Но постарался скрыть улыбку.

— Я не тополог. Право же, мистер Уайт, в этом вопросе я такой же новичок, как и вы. Математика — это обширная область. Я лично занимаюсь алгеброй.

Искренность, с которой математик сделал это признание, несколько умилировала Уайта.

— Ну тогда, — начал он, — раз вы в этом не разбираетесь, нам, пожалуй, следует пригласить специалиста-тополога. Есть такие в Бостоне?

— И да, и нет, — ответил Тьюпело. — Лучший в мире специалист работает в Технологическом институте.

Рука Уайта потянулась к телефону.

— Его имя? — спросил он. — Мы сейчас же свяжем вас с ним.

— Зовут его Меррит Тэрнболл. Связаться с ним невозможно. Я пытаюсь уже три дня.

— Его нет в городе? — спросил Уайт. — Мы немедленно его разыщем.

— Я не знаю, где он. Профессор Тэрнболл холост, живет в клубе «Брэттл». Он не появлялся там с утра четвертого марта.

На этот раз Уайт оказался куда понятливей.

— Он был в этом поезде? — спросил он сдавленным голосом.

— Не знаю,— ответил математик.— А что думаете вы?

Воцарилось долгое молчание. Уайт недоуменно смотрел то на математика, то на маленькую стеклянную бутылочку на столе.

— Ни черта не понимаю! — наконец воскликнул он.— Мы обшарили всю систему. Поезд никуда не мог исчезнуть.

— Он не исчез. Он все еще на линии,— ответил Тьюпело.

— Где же он тогда?

Тьюпело пожал плечами.

— Для него не существует реального «где». Система не реализуется в трехмерном пространстве. Она двумерна, если не хуже.

— Как же нам пайти поезд?

— Боюсь, что мы этого не сможем сделать,— ответил Тьюпело.

Последовала еще одна долгая пауза. Уайт нарушил ее громким проклятием и, вскочив, со злостью сбросил со стола бутылку Клейна, которая отлетела далеко в угол.

— Вы просто сумасшедший, профессор! — закричал он.— Между двенадцатью ночи и шестью утра мы очистим все линии от поездов. Триста человек осмотрят каждый дюйм пути на протяжении всех ста восьмидесяти трех миль. Мы найдем поезд! А теперь прошу извинить меня.— И он с раздражением посмотрел на доктора Тьюпело.

Тьюпело вышел. Он чувствовал себя усталым и разбитым. Машинально шагая по Вашингтон-стрит, он направился к станции метро. Начав спускаться по лестнице, он вдруг словно опомнился и резко остановился. Оглянувшись по сторонам, Тьюпело повернул обратно, быстро взбежал по лестнице наверх и кликнул такси. Приехав домой, он выпил двойную

порцию виски и, как подкошенный, рухнул на кровать.

В три тридцать пополудни он прочел студентам, как обычно, лекцию по курсу «Алгебра полей и колец». Вечером, наскоро поужинав в ресторане и вернувшись домой, он снова попытался проанализировать свойства связности сети бостонского метро. Но, как и прежде, эта попытка окончилась неудачей. Однако математик сделал несколько важных выводов для себя. В одиннадцать вечера он позвонил Уайту в главное управление метрополитена.

— Мне кажется, вам может понадобиться моя консультация сегодня ночью, когда вы начнете осмотр линий, — сказал он. — Могу я приехать?

Главный управляющий отнюдь не любезно встретил это предложение. Он ответил математику, что управление бостонского метрополитена само намерено справиться с этой ерундовой задачей, не прибегая к помощи всяких свихнувшихся профессоров, считающих, что поезда метро могут запросто прыгать в четвертое измерение. Тьюпело ничего не оставалось, как примириться с грубым отказом. Он лег спать. В четыре утра его разбудил телефонный звонок. Звонил полный раскаяния Келвин Уайт.

— Я, пожалуй, несколько погорячился, профессор, — заикаясь от смущения, промямлил он. — Ваша помощь нам действительно необходима. Смогли бы вы сейчас приехать на станцию Милк-стрит-кросс?

Тьюпело охотно согласился. Меньше всего он собирался торжествовать сейчас победу. Вызвав такси, он менее чем через полчаса был на указанной станции. Спустившись на платформу верхнего яруса метро, он увидел, что туннель ярко освещен, как обычно в часы работы метрополитена, но платформа пуста и лишь в дальнем ее конце собралась небольшая, человек в семь, группа людей. Подойдя поближе, он за-

метил среди них двух полицейских чинов. У платформы стоял одинокий головной вагон поезда, передняя его дверь была открыта, вагон ярко освещен, но пуст. Заслышав шаги профессора, Уайт обернулся и смущенно приветствовал Тьюпело.

— Благодарю, что приехали, профессор,— сказал он, протягивая руку.— Господа, это доктор Роджер Тьюпело из Гарвардского университета. Профессор, разрешите представить вам мистера Кеннеди, нашего главного инженера, а это мистер Уилсон, личный представитель мэра города, и доктор Ганнот из Госпиталя милосердия.— Уайт не счел нужным представить машиниста и двух полицейских чинов.

— Очень приятно,— ответил Тьюпело.— Есть какие-нибудь результаты, мистер Уайт?

Управляющий смущенно переглянулся со своими коллегами.

— Как сказать... Пожалуй, да, доктор Тьюпело,— наконец ответил он.— Мне кажется, кое-какие результаты у нас все же есть.

— Вы видели поезд?

— Да,— ответил Уайт.— То есть почти видели. Во всяком случае, мы знаем, что он на линии.— Все шестеро утвердительно кивнули.

Математика ничуть не удивило это сообщение. Поезд должен был находиться на линии, ведь вся система метро представляла собой замкнутую сеть.

— Расскажите подробнее,— попросил он.

— Я видел красный свет светофора,— осмелился вставить слово машинист.— На пересечении, сразу же перед станцией Копли.

— Линия была полностью очищена от всех поездов, кроме вот этого,— перебил его Уайт и указал на вагон.— Мы разъезжали по системе часа четыре. Вдруг Эдмундс увидел красный свет у станции Копли и, разумеется, затормозил. Я решил, что просто

светофор неисправен, и велел ему продолжать движение, но тут мы услышали, как стрелку пересекает другой поезд.

— Вы его видели? — спросил математик.

— Мы не могли его видеть. Пересечение за поворотом. Но мы его слышали. Нет сомнения в том, что он прошел через станцию Копли. Это мог быть только восемьдесят шестой. Кроме нашего вагона, на линии поездов нет.

— Что было потом?

— Зажегся желтый свет, и Эдмундс дал полный ход.

— Вы поехали за ним вдогонку?

— Нет. Мы не знали, в каком направлении он прошел. Должно быть, мы поехали совсем в другом.

— Когда это было?

— Первый раз в час тридцать восемь...

— Значит, вы встретились с ним еще раз? — спросил Тьюпело.

— Да, но уже в другом месте. Мы снова остановились перед светофором у станции Южная. Это было в два пятнадцать. А потом еще в три двадцать восемь...

Тьюпело не дал ему закончить.

— А в два пятнадцать вы видели поезд?

— На этот раз мы даже не слышали его. Эдмундс попробовал было догнать его, но, должно быть, он свернул на Бойлстонское кольцо.

— А что было в три двадцать восемь?

— Снова красный свет. На этот раз у Парк-стрит. Мы слышали, как он прошел над нами.

— И вы опять его не видели?

— Нет. За светофором туннель круто идет под уклон. Но мы хорошо слышали его. Я только одного не понимаю, доктор Тьюпело, как может поезд пять дней ходить по линии и никто его ни разу не видел?..

Голос Уайта замер, он предупреждающе поднял руку. Вдалеке нарастал гул быстро приближающегося поезда; гул превратился в оглушительный грохот, когда поезд промчался где-то под платформой; она завибрировала, задрожала под ногами.

— Вот, вот он! — закричал Уайт. — Он прошел прямо под посом у тех, кто там, внизу! — Он повернулся и побежал по лестнице, ведущей на платформу нижнего яруса. За ним последовали все, кроме Тьюпело. Ему казалось, он знает, чем все это кончится. И он не ошибся. Не успел Уайт добежать до лестницы, как навстречу ему торопливо поднялся полицейский, дежуривший на нижней платформе.

— Вы видели его? — возбужденно воскликнул он.

Уайт остановился. Замерли в испуге и остальные.

— Вы видели поезд? — снова спросил полицейский; двое служащих метрополитена, дежуривших вместе с ним, тоже поднялись наверх.

— Что случилось? — ничего не понимая, спросил мистер Уилсон.

— Да видели вы наконец поезд? — раздраженно выкрикнул Кеннеди.

— Конечно, нет, — ответил полицейский. — Ведь он прошел мимо вашей платформы.

— Ничего подобного! — разъярился Уайт. — Он прошел внизу!

Семеро во главе с Уайтом готовы были испепелить взглядами тех троих, что поднялись с нижней платформы. Тьюпело подошел к Уайту и тронул его за локоть.

— Поезд невозможно увидеть, мистер Уайт, — сказал он тихо.

Уайт ошалело уставился на него.

— Но вы ведь сами слышали его! Он прошел там, внизу...

— Давайте зайдем в вагон, мистер Уайт, — пред-

ложил Тьюпело.— Там нам будет удобнее разговаривать.

Уайт покорно кивнул головой, затем, повернувшись к полицейскому и двум другим, дежурившим на нижней платформе, почти умоляющим голосом спросил:

— Вы действительно его не видели?

— Мы слышали его, это верно,— ответил полицейский.— Он прошел вот здесь, по этой линии, и вроде как бы вот в ту сторону.— И он указал большим пальцем через плечо.

— Идите вниз, Мэлони,— приказал ему полицейский чин из группы Уайта. Мэлони растерянно почесал затылок, повернулся и исчез внизу. За ним последовали двое дежурных. Тьюпело направился к вагону. Молча заняв свои места в вагоне, все выжидающе уставились на математика.

— Вы вызвали меня, надеюсь, не для того, чтобы сообщить, что нашли пропавший поезд, не так ли? — начал Тьюпело и посмотрел на Уайта.— То, что произошло сейчас, случилось впервые?

Уайт заерзал на сиденье и покосился на главного инженера.

— Не совсем,— уклончиво начал он,— мы заметили и раньше кое-какие непонятные вещи.

— Например? — настороженно и резко спросил Тьюпело.

— Ну, например, красный сигнал светофора. Обходчики возле станции Кендолл видели красный свет почти тогда же, когда мы видели его у Южной.

— Дальше.

— Суини позвонил из Форест-хилла на линии Парк-стрит. Он слышал шум поезда спустя две минуты после того, как мы слышали его на станции Копли. А между станциями двадцать восемь миль рельсового пути.

— Дело в том, доктор Тьюпело,— вмешался мистер Уилсон,— что за последние четыре часа несколько человек одновременно в самых разных пунктах видели красный свет светофора и слышали шум поезда. Такое впечатление, что он прошел одновременно по нескольким станциям.

— Это вполне возможно,— заметил Тьюпело.

— К нам все время поступают донесения о всяких странностях,— добавил инженер.— Люди не то чтобы сами видели их, но непонятные вещи происходят одновременно в двух-трех пунктах, порой находящихся друг от друга на порядочном расстоянии. Поезд действительно на рельсах. Может, расцепились вагоны?

— Вы уверены, что он на рельсах, мистер Кеннеди? — спросил Тьюпело.

— Совершенно уверен,— ответил главный инженер.— Приборы показывают расход электроэнергии. Поезд потребляет энергию непрерывно, всю ночь. В три тридцать мы разорвали цепь и прекратили подачу энергии.

— И что же произошло?

— Ничего,— ответил Уайт.— Представьте себе, ничего. Электроэнергия не подавалась двадцать минут. И за эти двадцать минут ни один из тех двухсот пятидесяти человек, что ведут наблюдение, не видел красных сигналов и не слышал шума поезда. Но не прошло и пяти минут после того, как мы включили ток, как поступили первые донесения. Их было сразу два: одно из Арлингтона, другое из Эглстона.

Когда Уайт умолк, воцарилось долгое молчание. Внизу было слышно, как один дежурный окликнул другого. Тьюпело посмотрел на часы — было двадцать минут шестого.

— Короче говоря, доктор Тьюпело,— наконец сказал главный управляющий,— мы вынуждены

признать, что, пожалуй, вы были правы с вашей теорией.

— Благодарю вас, господа,— ответил Тьюпело. Врач откашлялся.

— А как пассажиры? — начал он.— Есть ли у вас какие-либо соображения относительно...

— Никаких,— перебил его Тьюпело.

— Что же нам теперь делать, доктор Тьюпело? — спросил представитель мэра.

— Не знаю. А что вы предлагаете?

— Как я понял из объяснений мистера Уайта,— продолжал мистер Уилсон,— поезд в некотором роде... как бы это сказать... перешел в другое измерение. Его, собственно, уже нет в системе метрополитена. Он исчез. Это верно?

— До известной степени.

— И это, так сказать... э-э-э... странное явление — результат некоторых математических свойств, связанных с введением в действие линии Бойлстон?

— Совершенно верно.

— И у нас нет никаких возможностей вернуть поезд из этого... этого измерения?

— Такие возможности мне неизвестны.

Мистер Уилсон решил, что настало время ему взять бразды правления в свои руки.

— В таком случае, господа,— заявил он,— план действий совершенно ясен. Прежде всего мы должны закрыть новую линию, чтобы прекратить все эти чудеса. Затем, поскольку поезд действительно исчез, несмотря на красные сигналы светофора и этот шум, мы можем возобновить нормальное движение поездов на линиях. Во всяком случае, опасности столкновения не существует, а это, кажется, больше всего вас пугало, Уайт. Что касается пропавшего поезда и пассажиров... — тут он сделал какой-то неопределенный жест в пространство.— Вы со мной согласны,

доктор Тьюпело? — Мистер Уилсон повернулся к математике.

Тьюпело медленно покачал головой.

— Не совсем, мистер Уилсон, — ответил он. — Учитите, что я сам еще толком не понимаю всего, что произошло. Очень жаль, что мы не можем найти кого-нибудь, кто смог бы все это объяснить. Единственный человек, кто мог бы это сделать, — профессор Тэрнболл из Технологического института, но он находился в исчезнувшем поезде. Во всяком случае, если вам надо проверить мои выводы, вы можете передать их на заключение специалистам. Я свяжу вас с некоторыми из них.

Теперь относительно поисков исчезнувшего поезда. Я не считаю эту задачу безнадежной. Имеется некоторая вероятность, как мне кажется, что поезд в конце концов вернется из непространственной части системы, где он сейчас находится, в ее пространственную часть. Поскольку эта непространственная часть абсолютно недосягаема, мы, к сожалению, не можем ни ускорить этот переход, ни хотя бы предсказать, когда он произойдет. Однако всякая возможность перехода будет исключена, если вы закроете линию Бойлстон. Именно эта линия и делает всю систему существенно особой. Если эта особенность исчезнет, поезд никогда не вернется. Вам понятно?

Разумеется, всем им трудно было хоть что-либо из этого понять, но они утвердительно закивали головами. Тьюпело продолжал:

— Что же касается нормального движения поездов по всей системе, пока исчезнувший поезд находится в непространственной части сети, то я могу лишь изложить вам факты, как я их понимаю, а делать выводы и принимать решения предоставляю вам самим. Как я уже сказал, невозможно предугадать, когда произойдет переход из непространствен-

ной части в пространственную. Мы не можем предсказать, когда и где это произойдет. Более того, с вероятностью пятьдесят процентов поезд в результате такого перехода окажется совсем на другой линии. И тогда возможно столкновение.

— Чтобы исключить такую возможность, доктор Тьюпело, не следует ли нам, оставив Бойлстонскую линию открытой, просто не пускать по ней поезда? — спросил главный инженер. — Тогда, если исчезнувший поезд наконец и появится, он не сможет столкнуться с другими.

— Эта предосторожность ничего вам не даст, мистер Кеннеди, — ответил Тьюпело. — Видите ли, поезд может появиться на любой линии системы. Это верно, что причиной нынешних топологических затруднений является новая линия Бойлстон. Но теперь и вся система обладает бесконечной связностью. Иными словами, указанные топологические свойства — это свойства, порожденные новой линией Бойлстон, но теперь они стали свойствами всей системы. Вспомните, первое превращение поезда произошло в точке между станциями Парковая и Кендолл, а от них до линии Бойлстон расстояние более трех миль.

У вас может возникнуть еще такой вопрос: если возобновить движение на всех линиях, кроме Бойлстонской, не может ли случиться, что исчезнет еще какой-нибудь поезд? Не знаю точно, каков ответ, но думаю, что он отрицательный. Мне кажется, здесь действует принцип исключения, по которому только один поезд может находиться в непространственной части сети.

Доктор поднялся со своего места.

— Профессор Тьюпело, — робко начал он, — когда поезд появится, будут ли пассажиры...

— Я ничего не могу вам сказать о пассажирах, — снова резко перебил его Тьюпело. — Топология таки-

ми вопросами не занимается. — Он быстро обвел взглядом семь усталых, недовольных физиономий. — Прошу извинить меня, господа, — сказал он, несколько смягчившись. — Я просто ничего не знаю о пассажирах. — А затем, обращаясь к Уайту, добавил: — Мне кажется, сегодня я больше ничем не могу вам помочь. В случае чего вы знаете, как меня найти.

И, круто повернувшись, он вышел из вагона и поднялся по лестнице из метро. На улице занималась заря, растворившая ночные тени.

Об этом импровизированном совещании в одиночном вагоне метро в газетах ничего не сообщалось. Не сообщалось в них и о результатах долгой ночной вахты в туннелях бостонского метрополитена. В течение всей следующей недели Тьюпело присутствовал еще на четырех уже более официальных совещаниях с участием Келвина Уайта и других представителей городских властей. На двух из них присутствовали также специалисты-топологи. Из Филадельфии приехал Орнстайн, из Чикаго — Кашта, из Лос-Анджелеса — Майкелис. Математики не смогли прийти к единому мнению. Никто из них не поддержал точку зрения Тьюпело, хотя Кашта согласился, что в ней есть рациональное зерно. Орнстайн утверждал, что конечная сеть не может иметь бесконечную связность, но не мог доказать этого и не мог вычислить фактическую связность системы. Майкелис просто заявил, что все это досужие домыслы, не имеющие ничего общего с топологией. Он утверждал, что, раз поезд в системе обнаружить не удалось, значит, система незамкнута или, во всяком случае, хотя бы один раз замкнутость была нарушена.

Но чем глубже анализировал Тьюпело эту проблему, тем больше убеждался в правильности своего

первоначального вывода. С точки зрения топологии система представляет собой семейство многомерных сетей, каждая из которых имеет бесчисленное множество дисконтинуумов. Но окончательное строение этой новой пространственно-гиперпространственной сети ему никак не удавалось выяснить. Он занимался этим, не отрываясь, целую неделю. Затем другие дела заставили его отложить решение проблемы. Он собирался вернуться к ней весной, когда закончатся занятия со студентами.

Тем временем система метро действовала, словно ничего не произошло. Главный управляющий и представитель мэра почти забыли о неприятных переживаниях той знаменательной ночи, когда они возглавляли обследование линий бостонского метро, и теперь уже несколько иначе объясняли все, что видели или, вернее, не видели тогда. Но газеты и общественность продолжали высказывать самые невероятные предположения и наседали на Уайта, требуя объяснений. Кое-кто из родственников исчезнувших пассажиров подал в суд на управление бостонского метрополитена. Вмешалось правительство и решило провести тщательное расследование. На заседаниях конгресса конгрессмены гневно обличали друг друга. В печать проникла в довольно искаженном виде версия доктора Тьюпело. Но он хранил молчание, и интерес к этому постепенно угас.

Проходили недели, наконец прошел месяц. Правительственная комиссия закончила расследование. Сообщения о нем с первой полосы газет перешли на вторую, затем на двадцать третью, а затем и вовсе исчезли. Пропавшие не возвращались. Их оплакивали недолго.

Однажды в середине апреля Тьюпело снова спустился в метро и проехал от станции Чарльз-стрит до станции Гарвард. Он сидел прямо и напряженно на

переднем сиденье головного вагона и смотрел, как летят навстречу рельсы и размыкаются серые стены туннеля. Поезд дважды останавливался перед светом, и в эти минуты Тьюпело невольно думал: где же этот встречный поезд — за поворотом или в другом измерении? Из какого-то безотчетного любопытства ему вдруг захотелось, чтобы принцип исключения оказался ошибкой и его поезд тоже попал в четвертое измерение. Но ничего подобного, разумеется, не случилось, и он благополучно прибыл на станцию Гарвард. Из всех пассажиров, пожалуй, только ему одному поездка показалась необычной.

На следующей неделе он снова совершил такую же поездку, потом еще одну. Как эксперимент они ничего не дали да и не казались уже столь волнующими, как первая. Тьюпело стал сомневаться в правильности своего вывода. В мае он возобновил свои ежедневные поездки в университет на метро, садясь каждый раз на станции Бэкон-хилл, неподалеку от своей квартиры. Он больше не думал о сером извилистом туннеле за окнами вагона; в поезде он обычно просматривал утренний выпуск газеты или читал рефераты из «Математикл ревьюз».

Но однажды утром, оторвав глаза от газеты, он вдруг почувствовал неладное. Подавив нарастающий страх, сжав его в себе до отказа, как пружину, он быстро глянул в окно. Свет из окон вагона освещал черные и серые полосы — пятна на мелькавших мимо стенах туннеля. Колеса отбивали знакомый ритм. Поезд обогнул поворот и проехал стрелку, которую Тьюпело хорошо запомнил. Он лихорадочно стал припоминать, как сел в поезд на станции Чарльз, вспомнил станцию Кендолл, девушку на плакате, рекламирующем мороженое, и встречный поезд, шедший от станции Центральная.

Он посмотрел на своего соседа, державшего коробку для завтрака на коленях. Все места в вагоне были заняты, многие пассажиры стояли, держась за поручни. Нарушая правила, у дверей курил какой-то парень с мучнисто-белым лицом. Две девицы оживленно обсуждали свои дела. Впереди молодая мать журила сынишку, еще дальше мужчина читал газету. Над его головой рекламный плакат расхваливал флоридские апельсины.

Тьюпело посмотрел на мужчину с газетой и усилением воли снова подавил неприятное чувство страха, почти похожее на панику. Он стал внимательно разглядывать сидящего впереди пассажира. Кто он? Брюнет с проседью, круглый череп, низкий неровный пробор, вялая, бледная кожа, черты лица невыразительные, толстая шея, одет в серый в полоску костюм. Пока Тьюпело разглядывал его, мужчина прогнал муху, севшую ему на левый висок, и слегка качнулся от толчка поезда. Газета, которую он читал, была сложена по вертикали. Газета! Она была за март месяц.

Тьюпело быстро взглянул на своего соседа. У того тоже на коленях лежала свернутая газета, но она была за сегодняшнее число. Тьюпело оглянулся на пассажиров, сидящих сзади. Молодой парень читал спортивную страницу газеты «Транскрипт» — номер за четвертое марта. Глаза Тьюпело быстро обежали вагон — около десятка пассажиров читали газеты полуторамесячной давности.

Тьюпело вскочил. Его сосед тихонько чертыхнулся, когда математик невежливо протиснулся мимо него и бросился в другой конец вагона, где вдруг дернул за шнур сигнала. Пронзительно заскрежетали тормоза, и поезд остановился. Пассажиры негодующе уставились на Тьюпело. В другом конце вагона открылась дверь, и из нее выскочил высокий тощий

человек в синей форме. Тьюпело не дал ему произнести ни слова.

— Доркин? — задыхаясь, выкрикнул он.

Кондуктор остановился, открыл рот.

— Серьезное происшествие, Доркин! — громко произнес Тьюпело, стараясь, чтобы его голос перекрыл недовольный ропот пассажиров. — Немедленно вызовите сюда Галлахера.

Доркин четырежды дернул шнур сигнала.

— Что произошло? — наконец спросил он.

Тьюпело словно и не слышал его вопроса.

— Где вы были, Доркин? — спросил он.

На лице кондуктора отразилось полное недоумение.

— В соседнем вагоне, а что слу...

Тьюпело не дал ему закончить. Взглянув на свои часы, он крикнул, обращаясь к пассажирам:

— Сегодня 17 мая, время — девять часов десять минут утра!

Его слова были встречены недоуменным молчанием. Пассажиры удивленно переглядывались.

— Посмотрите на дату ваших газет! — крикнул им Тьюпело. — Ваших газет!

Пассажиры взволнованно загудели. И пока они разглядывали друг у друга газеты, гул становился все громче. Тьюпело, взяв Доркина за локоть, отвел его в конец вагона.

— Который час, по-вашему? — спросил он.

— Восемь двадцать одна, — ответил Доркин, посмотрев на свои часы.

— Откройте, — сказал Тьюпело, кивком указывая на переднюю дверь. — Выпустите меня. Где здесь телефон?

Доркин беспрекословно выполнил приказание Тьюпело. Он показал на телефон в нише туннеля в ста шагах от остановившегося поезда. Тьюпело прыг-

нул вниз и побежал по узкому проходу между поездом и стеной туннеля.

— Главное управление! Главное! — крикнул он в трубку телефонистке. Пока он ждал соединения, позади их поезда по красному свету светофора остановился еще один поезд. По стене туннеля запрыгали лучи прожектора. Тьюпело видел, как с другой стороны поезда пробежал Галлахер.

— Дайте мне Уайта! — крикнул он, когда его соединили с главным управлением. — Срочно!

Очевидно, произошла какая-то заминка, его почему-то не соединяли. Он слышал, как в поезде нарастает гул недовольных голосов. В них слышались страх, возмущение, паника.

— Алло! — крикнул он в трубку. — Алло! Неотложный случай, тревога! Дайте мне немедленно Уайта!

— Я вместо него, — наконец послышался голос на другом конце провода. — Уайт сейчас занят.

— Восемьдесят шестой нашелся! — крикнул Тьюпело. — Он находится между станциями Центральная и Гарвард. Я не знаю, когда это произошло. Я сел в него на станции Чарльз-стрит десять минут назад и ничего не заметил.

На другом конце провода кто-то с трудом глотнул воздух.

— Пассажиры? — наконец сдавленно прохрипел голос в трубке.

— Те, что здесь, все живы-здоровы, — ответил Тьюпело. — Кое-кто, должно быть, уже сошел на станциях Кендолл и Центральная.

— Где они все были?

Тьюпело в недоумении опустил руку с телефонной трубкой, затем повесил трубку на рычаг и побежал к открытым дверям вагона.

Наконец кое-как удалось успокоить пассажиров

восстановить порядок, и поезд смог продолжить свой путь к станции Гарвард. На платформе его уже ждал наряд полиции, немедленно взявший под охрану всех пассажиров. Уайт прибыл на станцию еще до прихода поезда. Тьюпело сразу же увидел его на платформе.

Усталым жестом махнув в сторону пассажиров, Уайт спросил у Тьюпело:

— С ними действительно все в порядке?

— Абсолютно, — ответил математик. — Им и педомек, где они находились все это время.

— Удалось вам повидаться с профессором Тэрнболлом? — спросил управляющий.

— Нет. Должно быть, он вышел на станции Кендолл.

— Жаль, — сказал Уайт. — Мне совершенно необходимо с ним поговорить.

— И мне тоже, — сказал Тьюпело. — Кстати, сейчас самое время закрыть линию Бойлстон.

— Поздно, — ответил Уайт. — Двадцать пять минут назад между станциями Эглстон и Дорчестер исчез поезд номер 143.

Тьюпело, не решаясь посмотреть Уайту в лицо, опустил глаза.

— Мне во что бы то ни стало надо видеть Тэрнболла, — повторил Уайт.

Наконец Тьюпело поднял глаза и вымученно улыбнулся.

— Вы думаете, он сошел на станции Кендолл? — спросил он.

— Конечно. Где же еще? — ответил Уайт.

На берегу

Перни с хохотом и гиканьем бежал через лес, пока не выбился из сил. Тогда он бросился плашмя на голубой мох и издал радостный вопль, наслаждаясь ощущением полной свободы. Этот день принадлежит ему, и он наконец увидит океан.

Отдышавшись, Перни оглянулся. Никаких признаков деревни — он оставил ее далеко позади. Он вырвался из-под надзора братьев и родителей, и теперь ничто не мешает ему добраться до океана. А сейчас настал момент остановить время.

— Замрите! — крикнул он струе ручья и его оранжевым водоворотам. Он украдкой бросил взгляд по сторонам, притворившись, будто боится, как бы его не опередили.

— Ни с места! — приказал он тонкокрылым пчелам, что вились над пышной листвой.

— Остановитесь! — во весь голос скомандовал он летевшим низко над землей плотным фиолетовым облакам, в которых всегда топили верхушки деревьев, а это наводило на мысль, что на самом деле деревья, вероятно, куда выше, чем кажется.

Перни быстро оценил глазами обстановку. Все произошло в точности, как он предполагал: мутно-оранжевый поток ручья застыл, вода в крошечных

водовороты перестала вращаться; неподалеку от него у цветка пака замерла в воздухе пчела с только что опустившимися после взмаха крылышками. А над ним навис сотканный из клубящихся завитков с сияющими между ними просветами тяжелый покров установивших свой бег густых фиолетовых облаков.

И вот теперь, когда все вокруг превратилось в живую картину, Перни во весь дух помчался к океану.

«Хоть бы дни были подлинней!» — подумал он. Так много нужно посмотреть, а времени в обрез. Ему казалось, что из всех, кого он знал, лишь один он не видел чудес побережья. Рассказы его братьев и их друзей не давали ему покоя с тех пор, как он себя помнил. Столько раз он слышал эти захватывающие повествования, что сейчас, когда он еще бежал по лесу, ему с такой ясностью представилась эта волшебная страна, точно он уже в ней находился. Там он увидит небольшой холм из окаменелых бревен, на котором можно славно порезвиться, сам океан с волнами выше, чем дом, забавных трехногих трипонов, не переставая жующих водоросли, и множество других удивительных существ, которых можно встретить только на берегу океана.

Он так уверенно, скачками, неся вперед, словно ему принадлежал весь мир. «А разве не так?» — подумал он. Разве сегодня ему не исполнилось пять лет? Перни с жалостью вспомнил о четырехлетних и даже о тех, кому только четыре с половиной года, потому что они совсем еще малыши и никогда не осмелятся потихоньку улизнуть из дома и в одиночку отправиться к океану. Но когда тебе уже полных пять лет!..

— А вас, мисс Пчелка, я освобожу, вот увиди-те — на деле это докажу.

Если на пути ему попадалось какое-нибудь неподвижно повисшее в воздухе насекомое из тех, что

собирают цветочную пыльцу, он старался не задеть его или чем-то еще помешать ему довести до конца прерванные остановкой времени действия. Перни знал, что, как только он вновь приведет время в движение, все сущее тут же возобновит свою деятельность именно с того мгновения, когда она была приостановлена.

Почувяв в воздухе пронзительную свежесть, он понял, что уже близок океан, и пульс его забился чаще от предвкушения скорой встречи. Чтобы не испортить день, который, судя по всему, обещал столько удовольствий, Перни предпочел не вспоминать о том, что ему строго-настрого запретили останавливать время для облегчения путешествий на большие расстояния от дома. Он предпочел не вспоминать о том, какое великое множество раз ему объясняли, что на час остановки времени уходит больше энергии, чем на бег без отдыха в течение недели. Он предпочел не вспоминать общеизвестную истину, что «дети, которые останавливают время в отсутствие взрослых, могут не успеть пожалеть о своем поступке».

Запрятав эти мысли подальше, он представил в своем воображении, какие восторженные похвалы услышит от родных и друзей, когда те узнают о его смелом путешествии.

Путешествие было длинным, а время все еще не двигалось. Перни приостановился, чтобы сорвать несколько плодов с деревьев, росших вдоль тропинки. В этот благословенный день он съест их на завтрак. С плодами под мышкой он пробежал еще несколько шагов и вдруг остановился как вкопанный.

Он стоял на вершине скалистого бугра, а перед ним простирался могучий океан.

Перни был настолько подавлен величием открывшейся перед ним картины, что вместо радостного «ура!» из его горла вырвался лишь слабый писк. Оке-

ан был готов к действию, его застывшие волны ждали команды Перни, чтобы возобновить свое извечное наступление на сушу — подошло время прилива. Вдоль береговой полосы замерли волны прибоя — одни, уже разбившиеся, взметнулись к небу неподвижными столбами белых брызг, другие, свернувшись в гладкие оранжевые завитки, еще только собирались обрушиться на берег.

И со всех сторон, куда бы он ни бросил взгляд, его окружали новые друзья! Над ним висела в воздухе стайка спор, застигнутых остановкой времени в тот момент, когда они плавно, по касательной, опускались на берег. Перни наслушался рассказов об этих веселых ручных существах. Сегодня, пока его братья в школе, играть с ними будет он один. Чуть подальше, на берегу, двое каких-то двуногих животных, направляясь в его сторону, широко шагнули, да так на ходу и застыли, не успев приземлиться. Позади этих двух на некотором от них расстоянии неподвижно стояло еще восемь таких же существ в смешных позах, точно в тот миг, когда остановилось время, они оживленно жестикулировали. А там, где океан, уже иссякая, тонким слоем воды едва прикрывал песок, стояли уморительные трипоны, те самые трехногие забавники, которые прославились тем, что без передышки жевали водоросли.

— Привет! — крикнул Перни.

Никакого отклика, ничто не изменилось. И тут он вспомнил, что для природы он «мертв»: он все еще отгорожен от мира силовым полем остановки времени и обзирает окружающее как бы изнутри непропицаемой капсулы. Пока он не приведет время в движение, весь мир будет для него живой картиной, ничто не певельнется, не дрогнет.

— Привет вам! — слова крикнул он, на этот раз особо настроившись и сконцентрировав мысли на том,

что время должно возобновить свое движение. И оно двинулось! В тот же миг вокруг него все ожило. Он услышал грохот прибоя, ощутил едкую влагу долежавших до него брызг и увидел, как каждый из его новых друзей стал дальше заниматься тем делом, которое он, Перни, приостановил, когда еще был в лесу.

И он знал, что там, в лесу, в этот момент вновь заструился ручеек, понеслись над долиной гонимые ветром фиолетовые облака, а пчелы в том же темпе, что и до остановки времени, замахали своими нежными крылышками и принялись снова собирать цветочную пыльцу. Ручей, облака и насекомые включились в жизнь, не претерпев за период бездействия никаких изменений, и как ни в чем не бывало продолжили свою деятельность. Ведь Перни останавливал время, а не жизненные процессы природы.

Он обежал преграждавшую путь скалу и ринулся вниз с песчаного откоса к трипонам, которые только что для него ожили.

— А я умею стоять на голове!

Он положил на землю свой завтрак и, став на голову, заболтал ногами в воздухе, стремясь удержать равновесие. Он знал, что, наверно, никогда в жизни не стоял на голове хуже, чем сейчас, потому что ослабел и чувствовал легкое головокружение. Остановка времени уже подточила его силы, но он несколько не пал духом и был по-прежнему счастлив.

Трипон нашел, что Перни блестяще исполнил акробатический этюд. Перестав жевать, он приветственно вильнул задом и тут же вновь принялся за еду.

Перни забегал с места на место, стараясь рассмотреть все сразу, ничего не упустить. Он искал глазами стайку спор, чтобы с ними поздороваться, но они, мягко спланировав, уже опустились на берег довольно далеко от него. Тогда он подскочил к одно-

му из двуногих, тому, что был ближе других, и только собрался крикнуть ему «привет!», как вдруг услышал, что эти существа сами издают какие-то звуки.

— ... и теперь, Бенсон, возможности мои безграничны. Эта планета — семнадцатая. Я полноправный владелец семнадцати планет!

— Это надо же! Целых семнадцать планет. А скажите-ка, Форбс, на кой черт они вам сдались? Вы что, намерены развесить их по стенам вашей берлоги в Сан-Диего?

— Привет, давайте во что-нибудь сыграем, а?

В ответ на это предложение существа лишь с недоумением взглянули в сторону Перни и залопотали дальше. Он бросился к тому месту на берегу, где оставил свой завтрак, схватил плоды, бегом вернулся к своим новым друзьям и потащился следом за ними.

— У меня с собой завтрак. Вас угостить?

— Бенсон, скажите своим людям, чтобы они перестали таращиться на пейзаж и принимались за работу. Я вложил капитал в эту экспедицию не для того, чтобы обеспечить вашим прихлебалам отдых на природе.

Животные так внезапно остановились, что Перни чуть не запутался у них в ногах.

— Минуточку, Форбс, не кипятитесь. Послушайте, что я вам скажу. Никто не отрицает, что вы организовали эту экспедицию и взяли на себя все связанные с нею расходы. Меня же вы паняли, чтобы я доставил вас на эту планету, подобрав самый квалифицированный экипаж на Земле. Что я и сделал. Однако моя работа еще не закончена. Я отвечаю за безопасность людей — это пока мы здесь находимся — и за обратный рейс.

— Совершенно верно. Так вот, раз уж на вас такая ответственность, заставьте своих людей работать. Пусть они принесут флаг. Посмотрите-ка воп туда,

на тех ублюдков, которые вошли в воду и затеяли игру с какой-то трехногой устрицей!

— О господи, да разве ж вы не человек? Ведь мы находимся на этой планете каких-нибудь двадцать минут! Естественно, что им хочется оглядеться. Они были почти уверены, что найдут здесь диких свирепых животных, а на самом деле нас тут встретили причудливые маленькие существа, которые радостно бросаются к нам, словно к родным братьям после долгой разлуки. Прежде чем мы застолбим для вас эту планету, дайте людям одну-две минуты поглазеть вокруг.

— Ба! Тоже мне дети нашлись, черт их дери.

Одно из животных попыталось отшвырнуть ногой неотступно следовавшего за ними Перни, но промакнулось.

— Бенсон, избавьте меня наконец от этого пучеглазого кенгуру!

Новая игра привела Перни в восторг, он радостно взвизгнул и стал на голову. Теперь удалявшиеся от него существа предстали перед ним в перевернутом виде.

Он уже не старался идти рядом с ними. Почему они так быстро передвигаются? Что их гонит? Он сел на песок и принялся за свой завтрак, но тут к нему, издавая резкие, взволнованные звуки, приблизилось еще трое таких же существ, по всей видимости, догонявших тех двоих, которые ушли вперед. Когда они поравнялись с ним, он протянул им плоды.

— Могу с вами поделиться, хотите?

Никто даже не взглянул в его сторону.

Играть было намного интереснее, чем есть. Он прервал завтрак и пошел по берегу туда, где остановились эти существа.

— Капитан Бенсон! Майлс обнаружил, что где-то поблизости мощный источник радиации. Сейчас

он пытается определить его точное местонахождение.

— Вот видите, Форбс. Ваша новая недвижимая собственность принесет вам такое несметное богатство, что следующую свою планету вы без всяких хлопот просто купите. Если не ошибаюсь, тогда их у вас будет восемнадцать.

— Эка невидаль — радиация! Мы находили низкосортную радиоактивную руду на каждой открытой мною планете; то же будет и с этой. Сейчас меня интересует флаг. Давайте-ка, Бенсон, его установим. Да заодно подберем подходящий камень и прикрепим к нему доску с моим именем.

— За дело, мальчики. Чем скорее мы установим здесь флаг мистера Форбса и застолбим для него эту планету, тем быстрее освободимся и займемся осмотром окрестностей. Пошевеливайтесь!

Трое отправились назад к остальным, стоявшим группой в отдалении, а двое первых продолжили свой путь. Перни не отставал ни на шаг.

— Вот вам, Бенсон, и материал для основания флагштока, прямо у вас под носом. Взгляните на это нагромождение камней.

— Их нельзя использовать. Это же окаменелые стволы деревьев. Верхние лежат слишком высоко, снести их на берег нам не под силу, а если мы потревожим нижние, все сооружение развалится и бревна обрушатся нам на головы.

— Это уж вам решать. Только запомните одно. Я хочу, чтобы флагшток был сделан на совесть. Он должен простоять по крайней мере...

— Не волнуйтесь, Форбс, ваш памятник мы воздвигнем. Но почему вы придаете такое значение флагу? Чтобы застолбить планету, недостаточно установить на ней флаг. Для этого требуется еще многое другое.

— Да, да. Очень многое. Но я позаботился, чтобы были выполнены все предписанные законом правила. Что же касается флага... Ну, если можно так выразиться, Бенсон, он олицетворяет империю. Империю Форбса. На каждом моем флаге написано слово «ФОРБС», которое является символом прогресса. Коли вам угодно, назовите это сентиментальностью.

— Успокойтесь, не назову. На своем веку я повидал немало флагов, украшающих недвижимую собственность.

— Проклятье! Да перестанете вы наконец считать это погоней за недвижимой собственностью? Я делаю великое дело. Великое! Я открываю для человечества новые земли.

— Разумеется! Однако, если мне не изменяет память, вы разработали свою маленькую хитроумную систему условий, соблюдение которых делает вас владельцем не только планет, но и тех простаков, что покупают на этих планетах земельные участки.

— Черт бы вас побрал! За такие слова с вас следовало бы спустить шкуру. Ведь благодаря таким, как я, вашим космолетам есть куда летать. Ведь именно такие, как я, вкладывают бешеные деньги в подобные рискованные предприятия, давая возможность вашей братии вырваться на волю из стандартных многоквартирных домов. Вам это никогда не приходило в голову?

— Сдается мне, что этак через полгода вы свой капитал утроните.

Они остановились, остановился и Перни. Поначалу ему интересно было вслушиваться в издаваемые ими звуки, но когда эти звуки потеряли для него прелесть новизны, а двуногие существа по-прежнему не обращали на него внимания, он, прыгая рядом с ними, стал беседовать сам с собой, довольный тем, что находится в их обществе.

Позади них слышались новые звуки, и, обернувшись, Перни увидел, что к ним бегут все остальные.

— Капитан Бенсон! Вот флаг, сэр. И Майлс со сцинтиллятором. Он говорит, что, если двигаться в этом направлении, радиация усиливается!

— Какие показатели, Майлс?

— Прибор точно обезумел, капитан. Стрелка вот-вот выскочит за край шкалы.

Перни заметил, что одно из существ со всех сторон обвело его каким-то маленьким ящиком. Благодарный за оказанное ему внимание, он стал на голову.

— А вы так сумеете?

Их реакция привела Перни в восторг — существа стали издавать совершенно удивительные звуки, и он был полностью удовлетворен.

— Назад, капитан! Источник радиации прямо под боком. Эта пичуга создает фон почище атомного реактора.

— Дай-ка взглянуть, Майлс. Ого, будь я проклят! Как, по-твоему, что...

Сейчас все они отступили от Перни, образовав постепенно расширявшийся круг, и ему трудно было судить, хочется ли им, чтобы он повторил свой номер. Тогда он рискнул продемонстрировать новый фокус: постоял на одной ноге.

— Бенсон, я должен заполучить это животное! Посадите его в ящик.

— Опомнитесь, Форбс. Всемирный закон запрещает...

— Эта планета принадлежит мне, и закон тут — мое слово. Посадите его в ящик.

— В присутствии свидетелей — членов моего экипажа — я официально протестую...

— Бог мой, да как не захватить с собой такой образец фауны. Радиоактивные животные! Они же на-

верняка способны размножаться. И возможно, что этих тварей здесь тысячи, где-нибудь совсем недалеко отсюда. Вспомните о тех идиотах, которые на Земле трясутся над своими атомными реакторами. Ха! Меня осадят толпы вкладчиков, только отбивайся. Что вы теперь скажете, Бенсон,— доходное это дело открывать новые земли или нет?

— Не торопитесь с выводами. Поскольку этот малыш радиоактивен, он представляет большую опасность для здоровья членов экипажа...

— Послушайте! Вы собирались поместить в свинцовый ящик образцы минералов, какая же вам разница? Посадите в этот ящик его.

— Он погибнет.

— По условиям контракта, Бенсон, вы обязаны мне подчиняться! К тому же вы сейчас находитесь в моих владениях. Посадите его в ящик!

Перни почувствовал усталость. Сперва остановка времени, потом вот это. И хотя день принес ему гораздо больше радостных переживаний, чем он надеялся, уже начало сказываться напряжение. Измученный, но счастливый, он улегся на землю в центре круга, ожидая, что теперь его друзья покажут ему какие-нибудь свои фокусы.

Долго ждать ему не пришлось. Окружавшие его существа расступились, и в круг, неся какой-то ящик, вошли еще двое. Перни сел, чтобы лучше видеть представление.

— Черт возьми, капитан, а не взять ли мне его просто так, голыми руками? Похоже, он не собирается дать деру.

— Не стоит рисковать, Ксейбот. Хоть ты и в защитном костюме, никто не знает, на что этот малыш способен. Лучше поймай его арканом, это надежнее.

— Готов поклясться, что он понимает, о чем мы говорим. Посмотрите, какие у него глаза.

— Прекратить разговоры, все внимание на веревку.

— Иди сюда, малыш. Давай, живей. Ты же у нас умница!

Эти звуки привели Перни в замешательство. В глосе существа, державшего веревку, он уловил просительные интонации, но не понял, чего от него хотят. Склонив голову набок, он заерзал от нетерпения.

Он увидел быстро разворачивающиеся в воздухе витки веревки и летящую в его сторону петлю аркана, и, прежде чем он осознал, что делает, Перни высочил из круга и пустился наутек.

Он несказанно удивился своему бегству. Что толкнуло его на этот поступок? Он терялся в догадках. Впервые в жизни он ощутил на мгновение необъяснимую резкую боль, которая тут же вызвала в нем желание как-то себя защитить.

Перни издали наблюдал за двуногими существами, которые столпились вокруг ящика — видно, сейчас их внимание привлекло что-то другое. Он сразу же пожалел, что сбежал, ведь из-за этого он наверняка упустил возможность участвовать в их игре.

— Постойте! — Перни помчался туда, где на песке лежал его недоеденный завтрак, схватил надкушенные плоды и подбежал к стоявшим группой существам. — У меня есть завтрак, хотите угоститься?

Группа распалась. Его друзья разбежались, вновь окружив его со всех сторон, и только сейчас Перни наконец понял, что им хочется загнать его в ящик. Он вошел в азарт и, решив подразнить их, подбежал к свинцовому ящику почти вплотную, а когда ближайший преследователь уже чуть было не втокнул его в этот ящик, ловко увернулся и отскочил на безопасное расстояние. Тут он услышал оглушительный грохот и почувствовал острую боль в ноге, точно в нее вонзилось горячее жало.

— Вы идиот, Форбс! Уберите свои пистолеты!

— Полюбуйтесь, мальчики. Главное — это верный глаз и смекалка. У него ведь только ранена конечность. А теперь хватайте его.

Боль в ноге была пустяком — Перни сразило мучительное смятение. Чем он провинился? И когда он увидел, что к нему опять летит петля аркана, Перни невольно остановил время. Он был достаточно сведущ, чтобы так бездумно не тратить свою энергию, но сейчас сработал рефлекс. Как только он почувствовал боль от неведомого жала, его сознание за какой-то миг перебрало все возможности в поисках выхода из создавшегося положения. Не найдя ничего приемлемого, оно приказало времени остановиться.

И все, что его окружало, вновь превратилось в живую картину. Петля неподвижно повисла над его головой, а веревка, извиваясь в воздухе, тянулась назад к одному из двуногих животных. Перни потащился к застывшим в разных позах существам, жалобно хныча от бессилия что-либо понять.

Проходя мимо одного двуногого, другого, третьего, он вначале старался не смотреть им в глаза, ибо был уверен, что сделал что-то дурное. Потом ему пришло на ум, что, если он на ходу искоса бросит на них взгляд, ему, быть может, удастся по каким-нибудь признакам разгадать их намерения. Он прохромал мимо того, что держал в руке маленький блестящий предмет, из одного конца которого струился дым — сейчас этот дым собрался в неподвижное облачко над головой животного. Он проковылял мимо существа с маленьким ящичком, тем самым, что совсем недавно, когда Перни приближался к нему, издавал шипящие звуки. Но все это ему ничего не объяснило. По дороге к холму Перни повстречал и трипопа, который, оправдывая свою репутацию непревзойденного лжута, был смешон даже в страхе. Испуганный грохотом,

он успел подпрыгнуть фута на четыре еще до остановки времени и сейчас висел в воздухе с торчащими из клюва водорослями, поджав свои три ноги, будто сидел на корточках.

Оставив позади это собрание разнообразных статуй, Перни, раздираемый противоречивыми желаниями, прихрамывая, стал подниматься на холм: его тянуло и уйти отсюда подальше, и остаться. Что за странное место, это побережье! Он недоумевал, почему раньше никто не рассказывал ему такие подробности об обитающих на берегу животных.

Взобравшись на вершину холма, он с глубоким сожалением посмотрел вниз на своих притихших друзей. Как бы ему хотелось в этот момент быть с ними! Но он уже понял, что их игры не для него. Ему оставалось только привести время в движение и пуститься в далекий путь домой. И хотя короткий день был уже на исходе, он знал, что ему нельзя воспользоваться остановкой времени для облегчения обратного путешествия. Неодолимая усталость и затуманенное сознание были тревожным сигналом, который оповещал о том, что он уже сильно злоупотребил своей способностью останавливать время.

Когда, повинуясь приказу Перни, время потекло дальше, существо, державшее в руке конец веревки, от изумления открыло рот, увидев, что петля упала на песок, а Перни и след простыл.

— Господи, да он... да он удрал!

Тогда существо с дымящимся предметом в руке пробежало несколько шагов до петли и уставилось на нее.

— Эй, вы, что тут происходит? Посадите же его наконец в этот ящик. И вообще, куда вы его дели?

То, что время возобновило свой ход, ничего не зна-

чило для тех, кто находился на берегу, потому что для них оно никогда не останавливалось. Их сознание восприняло только одно — перед ними на песке прыгало какое-то пушистое существо, которое вдруг в мгновение ока исчезло.

— Капитан, он что, невидимка? Где он?

— Взгляните навверх, капитан! Вон на те скалы. Не он ли это?

— Ну и ну, будь я проклят!

— Бенсон, вы мне за это ответите! А сейчас, раз вы так напартачили, я достану его оттуда своим способом.

— Погодите, Форбс, дайте подумать. В этом пушистом бесенке есть нечто такое, о чем нам следовало бы... Форбс! Я ведь предупреждал, чтобы вы не стреляли!

Перни подошел к краю плоской вершины холма, на которой были сложены окаменелые стволы деревьев, чтобы бросить последний взгляд на своих друзей. Когда он ступил на конец одного из бревен, оно под тяжестью его тела сдвинулось с места и заскользило вниз, увлекая за собой остальные. Вначале медленно, потом все быстрее и быстрее гигантские обрубки один за другим покатались вниз с небольшой высоты на прибрежный песок. Перни, объятый ужасом перед этим зрелищем, упал на землю. Душераздирающие вопли находившихся внизу животных довели его до истерики.

Бревна настигли и сбили с ног уже стоявших по щиколотку в воде. Тех, что остались на берегу, они вдавили в песок.

— Я же нечаянно! — закричал Перни. — Прости-те меня! Неужели вы не слышите?

Терзаясь стыдом, он в панике запрыгал взад-вперед над откосом.

— Вставайте! Ну пожалуйста!

Он с ужасом слушал доносившиеся с берега стоны.

— Вы же намокнете! Пожалуйста, встаньте!

Он задохнулся от гнева и жалости. Как он мог такое натворить? Ему до боли хотелось, чтобы его друзья поднялись на ноги, отряхнулись и сказали ему, что все в порядке. Но не в его власти было сделать так, чтобы это желание осуществилось.

Оранжевая приливная волна грозила накрыть лежащих в воде у берега.

Сбежав с холма, Перни стал молить их спасаться, пока не поздно. В издаваемых существами звуках он улавливал теперь новые нотки — нотки отчаяния в предчувствии близкой смерти.

— Родс! Кейбот! Вы меня слышите?

— Я не в состоянии шевельнуться, капитан. Моя нога, она... О господи, мы же вот-вот утонем!

— Кейбот, оглядись вокруг. Тебе не видно, движается ли хоть один из нас?

— На берегу людей завалило бревнами, капитан. А все остальные здесь, в воде...

— А Форбс? Ты не видишь Форбса? Может, он...

Эти звуки прервала небольшая волна, которая мягко перекатилась через голову существа.

Перни больше не мог ждать. Одно существо вода уже накрыла, и скоро та же участь постигнет других. Отбросив мысль о неизбежных для себя последствиях, он приказал времени остановиться.

Войдя в застывшие волны прибоя, Перни столкнул бревно с одного из пострадавших, потом вытащил его из воды на песок. Почти ослепнув от застилавших глаза слез, Перни делал свое дело медленно и с большой осторожностью. Он знал, что спешить не к чему — по крайней мере с тем, что касалось безопасности его друзей. В каком бы они сейчас ни были состоянии, ничто не изменится, пока он снова не при-

ведет в движение время. Он глубже погрузился в оранжевую жидкость, направляясь к торчавшей из воды руке, по которой можно было определить местонахождение затонувшего тела. Рука судорожно вцепилась в запутавшееся в бревнах белое полотнище огромного флага. Перни освободил существо и выволок его на берег.

Оказалось, что это то самое животное, у которого был блестящий предмет, выплюнувший дым.

Не обращая внимания на боль в раненой ноге, Перни одного за другим переправил на сушу всех лежавших в полосе прибоя. На берегу он принялся разбирать наваленные в беспорядке бревна, которые обрушились на тех, кто не успел отбежать в сторону. Он снял бревно с коленей одного существа, и оно так и осталось сидеть с застывшим, точно маска, искаженным от ужаса лицом. Когда Перни освободил от тяжелого обрубка другое существо, оно перевернулось, как каменное изваяние, и переменило позу. Окинув взглядом весь этот хаос, Перни заплакал от отчаяния.

Наконец наступил момент, когда все, что было в его силах, он уже сделал; он почувствовал, как его мозг заволакивается туманом.

Инстинкт подсказал ему, что, потеряй он сознание в период остановки времени, оно потечет дальше и все вокруг оживет... но только не он. Ибо тогда Перни умрет. Если ему не избежать обморока, он должен до этого успеть привести время в движение.

Волоча ноги, он с трудом взбирался по пологому склону невысокого холма, то и дело останавливаясь, чтобы прикинуть, не пора ли, пока не поздно, сдвинуть время с мертвой точки. С каждым шагом все больше слабея, он наконец достиг вершины холма и обернулся, чтобы еще разок взглянуть на оставшихся внизу.

Очень скоро он понял, до какой степени истощены его тело и мозг: когда он приказал времени возобновить движение, оно не повиновалось.

Сердце его упало. Перни не боялся смерти, он знал, что, если умрет, вновь заиграют волны океана. И его друзья займутся своими делами. Но он хотел увидеть собственными глазами, что они в безопасности.

Он попытался прояснить свое сознание, чтобы сконцентрировать мысли на последнем усилии. Перни знал, что время бесполезно подталкивать, оно не набирает скорость постепенно. Время либо движется, либо стоит. И он должен выбрать что-нибудь одно. Внезапно, до конца не осознав, как и когда это произошло, его мозг дал команду в полную силу...

Его друзья ожили. Тот, который зашевелился первым, лежал на животе и молотил кулаками по песку. У Перни точно камень с души свалился, когда это существо начало издавать звуки.

— Что это? Пусть кто-нибудь скажет, что со мной творится! Может, я свихнулся? Майлс! Чик! Что происходит?

— Иду, иду, Родс! Помоги нам бог... я ведь тоже это видел. Или мы сошли с ума, или эти проклятые бревна — живые!

— Да я не о бревнах. Я о нас. Как нам удалось выбраться из воды? Майлс, мы с тобой оба спятили.

— А я тебе говорю, что все дело в бревнах или обломках скалы — уж не знаю, как назвать эти глыбы. Я смотрел на них в упор. Они лежали на мне, а через долю секунды, глядишь, свалены грудой вон там, на берегу!

— Пошел к черту! Не бревна же вытащили нас из воды? Капитан Бенсон!

— У вас все в порядке, ребята?

— Да, сэр, но...

— Кто из вас видел, как это все произошло?

— Боюсь, что у нас неладно со зрением, капитан. Эти бревна...

— Понятно, понятно. Возьмите себя в руки. Нам нужно собрать остальных и как можно скорей унести отсюда ноги, не то будет поздно.

— А все-таки что же с нами стряслось, капитан?

— Тебе не кажется, Родс, что я тоже не прочь в этом разобраться? Эти бревна настолько древние, что обратились в камень. Всей нашей команде не поднять и один такой обрубок. Для этого нужна сверхчеловеческая сила.

— Что-то я не заметил тут ничего сверхчеловеческого. Те устрицы только и делают, что жуют водоросли...

— Ладно, хватит об этом. Давайте-ка поможем остальным. Кое-кто из наших ребят не может самостоятельно передвигаться. Кстати, где Форбс?

— Сидит в воде, капитан, и плачет, как малое дитя. Или смеется. Трудно сказать.

— Надо им заняться. Майлс, Чик, за мной! Форбс, вас не ранило?

— Ха-ха-ха! Семнадцать! Семнадцать! Семнадцать планет, Бенсон, и что бы я им ни приказал, они все выполняют! Эта вот соображает будь здоров. Видели, как она забросала нас камнями? Ха-ха!

— Чик, постарайся пайти его пистолет. Он либо себя пристрелит, либо кого-нибудь из нас. Свяжи ему руки и отведи на корабль. А мы ненадолго задержимся.

— Ха-ха-ха! Семнадцать! Бенсон, вы несете за это личную ответственность, так и знайте. Хи-хи!

Придя в сознание, Перни открыл глаза. Неужели его друзья уже ушли?

Он с трудом подполз к краю обрыва и залег между камнями, выбрав такое место, чтобы, оставаясь снизу невидимым, самому все видеть. Освещенные двумя лунами-близнецами, его друзья уходили по двое и по трое — слабые помогали ослабевшим до предела. Когда они исчезли за изгибом берега, его уши уловили заглушаемые шумом прибоя голоса двоих, которые, прикрывая отступление, шли позади остальных.

— Может так случиться, капитан, чтобы мы все одновременно сошли с ума?

— Может. Но мы в здравом рассудке.

— Хотел бы я в это верить.

— Видишь там, впереди, Форбса? Что ты о нем думаешь?

— Ему уже никогда не оправиться. Он чокнулся по-настоящему, разве нет?

— Правильно. Так вот, если бы ты свихнулся, ты бы не понимал, в каком Форбс состоянии; ты был бы точь-в-точь таким же. Ему кажется, что весь окружающий его мир сошел с рельсов, а тебе — что с рельсов сошел только ты. Ты в полном порядке, Кей-бот, не вешай носа.

— И все-таки мне что-то не верится.

— Скажи-ка, что из всего происшедшего было, потвоему, самым необычным?

— Вы, верно, шутите, сэр. Само собой то, как придавившие нас бревна мгновенно перенеслись в другое место...

— Да, конечно. А помимо этого?

— Как-то мне было ни до чего, сэр. Страх забрал, и очень уж я растерялся.

— А не заметил ли ты нашего маленького пучеглазого приятеля?

— Так вы о нем... Боюсь, что нет, капитан. Понимаете, я... я тогда думал больше о себе.

— Хм. Если б только я был уверен, что видел его. Если б нашелся среди нас хоть один человек, который его тоже видел...

— Прошу прощения, сэр, я не совсем вас понимаю.

— Черт побери, неужели ты не помнишь, что Форбс подстрелил его. Ранил его в ногу. Почему же при таких обстоятельствах этот пушистый бесенок мог вернуться к своим мучителям — к нам, когда нас завалило бревнами?

— Мне кажется, раз мы тогда как бы попали в ловушку, он сообразил, что нас нечего бояться... Извините, это, конечно, чушь. Видно, голова у меня еще плоховато варит.

— Ладно, забудем об этом. Ты сейчас пойдешь на корабль и подготовишь его к взлету. Я задержусь на несколько минут. Вернусь и еще раз все осмотрю. Понял? Хочу убедиться, что мы там никого не оставили.

— В этом нет нужды, капитан. Все они идут впереди нас. Я проверил.

— За это отвечаю я, Кейбот, а не ты. Отправляйся.

Перни лежал, набирая силы для долгого путешествия домой. Вдруг его тускнеющие глаза увидели, как одно из двуногих существ возвращается по берегу назад. Когда оно почти поравнялось с холмом, Перни услышал, что оно издает такие теперь знакомые ему звуки.

— Где ты?

Перни почти не обратил внимание на заигрывание своего приятеля: все равно ведь не поймешь, чего он хочет. Он попробовал представить себе, что ему скажут дома, когда он вернется.

— Мы совершили ужасную ошибку. Мы...

Звуки то почти стихали, то становились громче: существо медленно поворачивалось, и голос его уносился в разных направлениях. Перни видел, как оно подошло к груде сваленных бревен, осмотрело ее со всех сторон и даже попыталось под нее заглянуть.

— Если ты ранен, мне бы хотелось помочь тебе!

Сейчас луны-близнецы стояли высоко над горизонтом, и, когда их сияние пробивалось в просветы между клубами облаков, стоявшая на берегу фигура отбрасывала две тени. Уже мало что сознавая, Перни видел, как существо медленно покачало головой и зашагало в ту сторону, куда ушли остальные.

Слепнувшими глазами Перни смотрел на раскинувшийся перед ним простор океана. Берег опустел, и взгляд Перни был прикован к слабо мерцавшему в темноте белому квадрату, который покачивался на волнах. На нем — и это последнее, что Перни увидел в жизни, — было, как герб, выписано слово «ФОРБС».

Необходимое условие

Джек Уивер в полном отчаянии выбрался из недр Мультивака. Тодд Немерсон, сидевший у пульта, спросил:

— Ничего нового?

— Ничего, — сказал Уивер, — ничего, ничего, ровным счетом ничего! И совершенно непонятно, что же могло случиться.

— Тем не менее он не работает.

— Хорошо тебе рассуждать, сидя в кресле.

— Я не рассуждаю, я думаю.

— Он думает! — Уивер горько усмехнулся.

Немерсон беспокойно заерзал в кресле:

— А почему бы и нет? Шесть бригад кибернетиков носятся по коридорам Мультивака и за три дня ничего не отыскали. Почему бы ради разнообразия кому-то и не начать думать?

— Думай не думай, ничего не изменится. Надо найти поломку. Где-то, очевидно, произошло замыкание.

— Вряд ли все так просто, Джек.

— Кто говорит, что просто? Ты знаешь, сколько в нем миллионов ячеек и контактов?

— И все-таки ты неправ. Если бы речь шла о реле или контакте, Мультивак использовал бы резерв-

ные линии, сам бы уж как-нибудь отыскал неполадку и сумел бы поставить нас об этом в известность. Вся беда в том, что Мультивак не только не отвечает на вопросы, он не может сообщить нам, что с ним стряслось. А между тем, если мы не поможем ему, в городах начнется переполох. Мировая экономика координируется Мультиваком, и все об этом отлично знают.

— Кстати, я тоже знаю. Что это изменит?

— Думать надо. Мы что-то упускаем. Пойми, Джек, за последние сто лет все самые выдающиеся умы кибернетики старались усложнить Мультивак. Сегодня он может почти все — в том числе говорить и слушать нас. Практически по сложности он уже не уступает человеческому мозгу. Мы до сих пор не можем полностью разгадать человеческий мозг — почему же мы претендуем на полное понимание Мультивака?

— Ну вот, еще немного, и ты скажешь, что Мультивак разумен.

— А почему бы и нет? — Немерсон задумался. — Почему бы и нет? Можем ли мы утверждать, что Мультивак не пересек ту тонкую, условную черту, которая отделяет машину от мыслящего существа? Да и существует ли эта черта? Если мозг количественно сложнее Мультивака, а мы все продолжаем усложнять Мультивак, в какой точке...

Немерсон погрузился в молчание.

— К чему все это? — раздраженно спросил Уивер. — Даже допустим, что Мультивак разумен. Неужели это поможет нам найти поломку?

— Поможет, потому что мы сможем подойти к нему с человеческими мерками. Допустим, тебе задали вопрос, какой будет цена на пшеницу следующим летом, а ты не ответил. Почему ты не ответил?

— Потому что я этого не знаю! А Мультивак зна-

ет. Он, а не я обладает всей нужной информацией. Пользуясь этой информацией, он может предсказывать тенденции в политике, экономике или, к примеру, в метеорологии. И мы отлично знаем, что он может, — он это не раз делал.

— Ну хорошо. Тогда допустим, я задал тебе вопрос, ты знаешь ответ на него, но мне его не сообщаяешь. Почему? Потому что у меня опухоль мозга, — огрызнулся Уивер, — потому что я потерял сознание. Потому что я в стельку пьян. И наконец, черт побери, потому что я сломался! Именно это мы и стараемся установить. Мы пытаемся отыскать место, где произошла поломка. Мы пытаемся отыскать необходимое условие его работы.

— И не нашли. — Немерсон поднялся с кресла. — Послушай, Джек, на каком вопросе Мультивак замолчал?

-- Откуда мне помнить? Прокрутить тебе пленку?

— Не надо. Скажи, работая с Мультиваком, ты ведь ведешь с ним беседу?

— Так положено. Это терапия.

-- Да, да, конечно, терапия. Мы делаем вид, что Мультивак — разумное существо, чтобы не переживать: ах, машина умнее меня! Из металлического чудища делаем эдакого отца-батюшку.

— Объясняй это, как тебе удобнее.

— Но это же самообман, и ты отлично об этом знаешь! Такой сложный компьютер, как Мультивак, должен говорить и слушать. Недостаточно только закладывать в него вопросы и получать ответы. На определенном уровне сложности Мультивак должен казаться разумным, потому что он действительно разумен. Слушай, Джек, задай мне тот, последний вопрос. Я хочу испытать мою собственную реакцию на него.

-- Вот еще глупости, — отмахнулся Уивер.

— Прощу тебя.

Уивер был в полнейшем отчаянии и к тому же смертельно устал. Иначе он вряд ли подчинился бы такой просьбе. Он сделал вид, что закладывает программу в Мультивак, и начал говорить, как говорил всегда в такие минуты. Он высказал свое мнение о неполадках в сельском хозяйстве, вспомнил о новом уравнивании ракетной струи, о пятнах на Солнце...

Вначале он говорил через силу, но постепенно привычка взяла свое, и к тому моменту, когда он кончал работу, так увлекся, что чуть было не хлопнул Тодда Немерсона по груди, желая ему успеха.

— Ну хорошо, — закончил он. — Обработай информацию и быстренько выдай ответ.

Несколько секунд Джек Уивер стоял, глубоко дыша, вновь переживая волнение власти над самым гигантским и сложным творением человеческих рук и человеческого разума. Потом спохватился и смущенно пробормотал:

— Ну вот... вот и все.

— По крайней мере теперь я знаю, — сказал Немерсон, — почему я на месте Мультивака не стал бы тебе отвечать. Джек, очисти Мультивак. Попроси всех ремонтников выбраться изнутри. А потом снова заложи программу. Я сам буду говорить.

Уивер пожал плечами, повернулся к пульту управления Мультиваком, заполненному темными, немигающими циферблатами и потухшими лампами. По его приказу бригады кибернетиков одна за другой покинули машину.

Затем, вздохнув, он включил программное устройство. В двенадцатый раз за последние дни он пытался заставить Мультивак трудиться. Замигали огоньки на пульте управления. Где-то далеко об этом узнают корреспонденты, и разнесется слух о новой попытке. И люди во всем мире, столь во многом зависящем от Мультивака, затаят дыхание.

Пока Уивер закладывал программу, Немерсон начал говорить. Он говорил медленно, стараясь точно вспомнить слова Уивера и ожидая решительного момента, когда он найдет необходимое условие для работы компьютера.

Уивер кончил. В голосе Немерсона зазвучало волнение. Он сказал:

— Ну хорошо, Мультивак. Обработай информацию и выдай ответ. — Он сделал короткую паузу и добавил необходимое условие:

— Пожалуйста!

В то же мгновение включились все реле и контакты Мультивака.

И ничего удивительного.

Машина может чувствовать — когда она перестает быть машиной.

Уильям Моррисон

Лечение

Она проснулась, но не почувствовала желания узнать, где находится.

Сперва появилось ощущение: она существует, она жива, когда должна бы быть мертвой; потом — сознание того, что боль стала полновластной хозяйкой ее тела.

А потом мысль: «О боже, теперь я буду не просто некрасивой, а уродкой».

От этой мысли по ней прокатилась волна паники, но она была слишком усталой, чтобы долго испытывать какое бы то ни было чувство, и скоро заснула.

Потом, когда проснулась во второй раз, она задумалась: где же она теперь?

Понять это было невозможно. Вокруг мрак и молчание — мрак полный, молчание абсолютное. Она снова ощутила боль — тупую, равномерно разлившуюся по всему ее телу. Ныли ноги и ныли руки. Она попыталась их поднять и обнаружила, что они ее не слушаются. Попыталась согнуть пальцы — и тоже не смогла.

Она была парализована: ни один мускул ей не повиновался.

Безмолвие было таким полным, что наводило страх. Ни намека на шорох. До этого она находилась

© Перевод на русский язык, «Мир», 1978

на космическом корабле, но сейчас не было слышно никаких привычных звуков: ни скрежета, ни ударов металла о металл, ни голоса Фреда, ни даже медленного ритма собственного дыхания.

Потребовалась целая минута, чтобы она поняла, почему ничего не слышит; а когда поняла, то не могла в понятное поверить. Но скоро ей стало ясно, что она не ошиблась: такое безмолвие царит потому, что она оглохла.

А также стало ясно другое: мрак так непрогляден потому, что она ослепла.

И еще одна мысль: почему, чувствуя боль в руках и ногах, она в то же время не может ими двигать? Что за странная форма паралича?

Она гнала от себя ответ, но неодолимо, хотя и медленно, он обретал ясные очертания: это вовсе не паралич. Она не может двигать руками и ногами потому, что у нее их нет. Боли, которые она испытывает, — фантомные, они не вызваны никакими внешними раздражениями.

Когда все это дошло до нее окончательно, она впадала в обморочное состояние.

Очнувшись она против своей воли. Отчаянно, изо всех сил она попыталась не думать и не чувствовать — подобно тому, как уже не видели ее глаза и не слышали уши.

Но назойливо лезли в голову мысли: почему она жива? Почему не погибла при столкновении?

Фред наверняка погиб. Астероид появился совершенно неожиданно; столкновение было неизбежно. Чудо, что спаслась она, если это можно назвать спасением: безглазый, безрукий и безногий обрубок, лишенный всяких средств связи с внешним миром, она теперь была более мертвой, чем живой. И нельзя поверить, чтобы Фред тоже мог остаться в живых — так же, как и она.

Так лучше — Фреду не придется, глядя на нее, подавлять дрожь ужаса, не придется переживать из-за того, что стало с ним самим. Он всегда был красавцем, и для него увидеть себя искалеченным и обезображенным равносильно смерти.

Надо найти способ последовать за ним, убить себя. Конечно, это очень трудно, когда у тебя нет ни рук, ни ног, нет возможности узнать, где ты и что тебя окружает; но все равно, рано или поздно она что-нибудь придумает. Она слышала от кого-то, что люди душат себя, проглатывая собственный язык. Теперь, когда она вспомнила об этом, настроение ее поднялось. Она может попробовать это прямо сейчас, может...

Нет, не может. Она не поняла этого сразу, но поняла теперь: языка у нее нет.

Она не потеряла сознания, хотя желала этого всей душой. Она подумала: «Нужно просто напрячь волю, заставить себя умереть. Умри, беспомощный обрубок, оборви пытку; умри, умри, умри!..»

Но она не умерла, и через некоторое время ей пришла в голову новая мысль: кроме них с Фредом, на корабле никого не было, и не было никакого другого корабля где-либо вблизи. Кто же тогда не дал ей умереть? Кто подобрал ее искалеченное тело, остановил поток крови, стал лечить ее раны, сохранил ей жизнь? И для чего?

Безмолвие не давало ответа, и не давал ответа собственный ее разум.

Прошла целая вечность, и она вновь погрузилась в сон.

А когда проснулась, услышала голос:

— Вы чувствуете себя лучше?

«Я слышу! — мысленно закричала она. — Какой странный голос, с таким необычным акцентом. Вообразить что-нибудь похожее я бы никогда сама не

смогла — значит, я уже не глухая! А может, и не слепая? Может, это просто был кошмар и...»

— Я знаю, что ответить вы не можете. Но не бойтесь, скоро вы снова будете говорить.

Чей это голос? Не мужчины, но и не женщины. Странно хриплый, но с четкой артикуляцией, монотонный и вместе с тем приятный. Врач? Откуда он мог взяться?

— Ваш муж тоже жив. К счастью, и он, и вы попали к нам сразу после наступления смерти.

К счастью? Ее охватила ярость. Лучше бы вы дали нам умереть! Хватит того, что осталась в живых я, беспомощная калека, во всем зависящая от других. Но знать, что жив Фред, знать, что он увидит меня такой, какой я стала теперь — безобразной до ужаса... Нет, мне этого не вынести. Верните мне дар речи, и первое, о чем я попрошу, так это чтобы меня убили. Я не хочу жить!

— Возможно, желание смерти, которое вы сейчас испытываете, покинет вас, когда вы узнаете, что способность владеть конечностями и органами чувств будет вам возвращена. На это потребуется некоторое время, но сомнений в исходе нет никаких.

Что за бред?! Да, она знает, что врачи преуспели в создании искусственных рук и ног, ни в чем не уступающих естественным; но ей, если она правильно поняла, обещают вернуть собственные руки и ноги? И даже — она сама это слышала — собственные органы чувств! Значит, речь идет не об электронных заменителях ушей, глаз, а о...

Чушь, ей обещают невозможное. Говорят просто для поднятия духа, как принято среди врачей. Говорят, чтобы придать ей мужества, подбодрить. Но бороться не стоит — у нее не хватит для этого сил. Она хочет только умереть, и как можно скорее.

— Вероятно, вы уже поняли, что я не то существ-

во, которое бы вы назвали человеком. Но это не должно вас тревожить — мне не составит никакого труда восстановить вас в том виде, какой вы сами сочли бы правильным.

Голос умолк. Может, это и к лучшему — ей и так слишком много было сказано. К тому же она не может отвечать на вопросы и задавать свои, ведь их у нее столько!

Так, значит, это не человек?.. Но тогда кто? Почему он говорит на языке людей? Что он сделает с ней после того, как восстановит ее тело?

Она знала: существуют внеземные цивилизации, которым неведомо понятие красоты. У других же цивилизаций, если оно и есть, это понятие не имеет ничего общего с человеческим. Не сочтет ли говорившее с ней существо, что оно вполне ее восстановило, если, снабдив ее руками, ногами и глазами, одновременно придаст ей вид страшилища? Не станет ли оно при этом гордиться своим искусством — как когда-то гордились врачи на Земле, если им удавалось сохранить жизнь обезображенным калекам с плохо работающими органами? Не превратит ли оно ее в нечто такое, на что Фред будет смотреть с дрожью и омерзением?

Фред всегда был немного излишне чувствителен к внешности женщин. Выбор у него был большой, и до знакомства с ней он обращал внимание только на внешность. Она пикогда не могла понять, почему он на ней женился. Может, она выделялась тем, что среди всех его знакомых единственная не была красавицей? А может, в таком выборе скрывалась даже некоторая жестокость? Может, ему нужен был кто-то не слишком уверенный в себе, кто-то, на чью привязанность он мог рассчитывать в любых обстоятельствах? Она вспомнила, как пристально, бывало, смотрели люди на них: красавца-мужчину и некрасивую жеп-

щину, а потом перешептывались, в открытую удивляясь тому, что такой, как он, мог на ней жениться. Фреду это нравилось.

Да, ему просто нужна была некрасивая жена. Теперь у него будет безобразная. Устроит ли его такая замена?

Задавая себе многочисленные вопросы, она незаметно заснула, а потом просыпалась и засыпала снова и снова, много раз. А потом она опять услышала голос и, к своему удивлению, обнаружила, что в состоянии отвечать. Медленно, неуверенно, временами с мучительным трудом, но она могла говорить снова.

— Мы над вами работаем, — сказал голос. — Пока все идет очень неплохо.

— Я... я... Как я выгляжу?

— Еще не завершенной.

— Наверно, я... безобразная?

Последовала пауза.

— Нет, вы вовсе не безобразны. Во всяком случае, для меня. Просто вы еще не завершены.

— Мой муж был бы совсем другого мнения.

— Я не знаю, какого мнения был бы ваш муж. Вероятно, он не привык видеть незавершенные живые существа. Возможно, его привел бы в ужас даже его собственный вид.

— Я... я об этом не думала. Но он... мы выздоровеем оба?

— Никаких неразрешимых медицинских проблем ни в вашем, ни в его случае не возникает. Совершенно.

— Но почему... почему, раз это в ваших силах, вы до сих пор не восстановили мне зрение? Или вы... боитесь, что я увижу вас... и испугаюсь?

Снова пауза. Когда же зазвучал ответ, ей показалось, что говорящий улыбается.

— Пожалуй, нет. Нет, не поэтому.

— Тогда потому что... как вы сказали о Фреде... что я покажусь страшной самой себе?

— Это лишь одна из причин, но не главная. Понимаете ли, я в некотором смысле экспериментирую. Не тревожьтесь, пожалуйста, вы не превратитесь в чудовище — с биологией я знаком достаточно хорошо. Правда, о том, как устроены люди, я знаю меньше. Те знания, которыми я располагаю, я почерпнул в основном из ваших книг и при этом обнаружил, что в книгах этих есть некоторые неточности. Из-за этого мне приходится действовать медленно и очень осторожно. Допустим, я восстановлю какой-нибудь орган, и вдруг окажется, что он не того размера или не той формы или же вырабатывает не те гормоны. Я стараюсь по возможности избегать таких ошибок, а если они все же случаются, спешу исправить их до того, как наступят вредные последствия.

— Это не опасно?..

— Нисколько, уверяю вас. И внутренне, и внешне вы станете такой же, как были.

— Такой же... А смогу... смогу я иметь детей?

— Сможете. У нас нет половых различий, но мы знаем многие виды существ, у которых они есть, и знаем, как они для них важны. Поэтому я тщательно слежу за гормональным равновесием — как у вас, так и у вашего мужа.

— Спасибо... доктор. Но я все-таки не понимаю... почему вы не хотите восстановить мне зрение сейчас, не откладывая?

— Я не хочу дать вам глаза, которые будут недостаточно хорошо видеть, потому что тогда мне придется снова их удалять. И я не хочу, чтобы вы видели свои конечности, пока они не развились окончательно — это зрелище причинило бы вам ненужную боль. Только тогда, когда я буду уверен, что все восстановлено, как было, я примусь за ваши глаза.

— А мой муж?

— Он будет воссоздан таким же образом. Скоро его сюда перенесут, и вы с ним сможете разговаривать.

— И вы не хотите, чтобы он или я увидели друг друга... незавершенными?

— Лучше не надо. Могу уверить вас: когда я закончу лечение, вы станете почти точно такой же, какой были прежде. Когда придет это время, у вас будут глаза и вы сможете ими видеть.

Она молчала, и он заговорил снова:

— У вашего мужа были и другие вопросы. Вы тоже можете их задать.

— Простите, доктор.. Я отвлеклась. Что вы сказали?

Он повторил, и она ответила:

— Других вопросов у меня нет. Вот только... Нет, пока я их задавать не стану. Что хотел знать мой муж?

— Кто мы — я и мне подобные. Как случилось, что мы подобрали вас и спасли. Почему мы это сделали. Что намерены с вами сделать, когда вы будете восстановлены.

— Да, я тоже обо всем этом думала.

— Я могу ответить только на часть ваших вопросов — надеюсь, мой ответ хоть в какой-то степени вас удовлетворит. Наша цивилизация, как вы, возможно, уже поняли, несколько опередила вашу. Мы раньше начали, — словно извиняясь, сказал он.

— Если вы способны восстанавливать не только конечности, но и глаза, вы опередили нас на тысячи лет.

— Мы можем и многое другое, но об этом не стоит сейчас говорить. Скажу только, что я врач разведывательной экспедиции. Нам уже приходилось вступать в контакт с людьми, и теперь мы стараемся, чтобы

они нас не видели, — мы не хотим вызывать в них тревогу или растерянность.

— Но почему же тогда вы нас спасли?

— Тут была катастрофа — из ряда вон выходящий случай. Мы не люди, но нам, как вы, возможно, сказали бы, свойственна человечность. Мы не любим смотреть, как умирают живые существа. Случайно наш корабль, когда все произошло, находился всего в нескольких тысячах миль от вашего. Мы увидели — и начали действовать. Как только вы будете восстановлены, мы оставим вас в таком месте, где ваши собраты скоро вас найдут, а сами отправимся дальше. Задачи нашей экспедиции будут к тому времени уже выполнены.

— Как только мы будем... Доктор, я стану точно такой, как прежде?

— В некоторых отношениях, возможно, даже более совершенной. Могу вас уверить, все ваши органы будут функционировать безупречно.

— Я не об этом. Я... Выглядеть я буду так же?

Наступила тишина, выражавшая, как ей показалось, его изумление, а потом она снова услышала его голос:

— Будете ли вы выглядеть так же? Это для вас... важно?

— Да... о да, очень важно! Важнее всего!

Наверно, теперь он смотрит на нее как на сумасшедшую. Внезапно она обрадовалась, что у нее нет глаз и она не видит его изумления. И презрения — она не сомневалась, что презрение он испытывает к ней тоже.

Он заговорил медленно:

— Я об этом как-то не задумывался, а сейчас начинаю понимать: ведь мы не знаем точно, как вы выглядели до катастрофы. Как же мы можем сделать вас точно такой, какой вы были?

— Не знаю как, но должны! Должны! — почти прокричала она и почувствовала, как заболели от напряжения новые мышцы горла.

— У вас начинается истерика, — сказал он. — Перестаньте об этом думать.

— Не могу — я только об этом и думаю! Я хочу выглядеть точно так же, как выглядела раньше!

Он ничего не сказал, и вдруг она почувствовала усталость. Только что она была такой встревоженной, взволнованной, а сейчас вдруг ею овладели усталость и сонливость. Ей хотелось заснуть, забыть обо всем. «Верно, он дал мне успокаивающее, — подумала она. — Сделал инъекцию? Иглы я не почувствовала, но, быть может, они обходятся без игл? Так или иначе, хорошо, что он это сделал. Потому что теперь я не буду думать...»

Она спала. А когда проснулась, услышала новый голос. Она его не узнала, но он сказал:

— Привет, Маргарет! Где ты?

— Кто это?.. Фред!

— Маргарет?

— Д-да.

— У тебя другой голос.

— У тебя тоже. Сначала я не могла понять, кто это говорит.

— Странно, как мы не подумали сразу, что голоса у нас теперь изменятся.

— Мы больше привыкли думать о том, как выглядим, — сказала она дрожащим голосом.

Он молчал, потому что думал о том же.

— Твой новый голос совсем не плох, — снова заговорила она. — Мне нравится — он стал глубже, звучнее прежнего. Очень подходит к твоему характеру. Врач хорошо поработал.

— Я сейчас думаю, нравится ли мне твой. Не знаю. Пожалуй, я из тех, кто предпочитает привычное.

— Потому-то я и не хочу, чтобы он хоть в чем-нибудь меня изменил.

Снова молчание.

— Фред! — окликнула она.

— Я здесь.

— Ты говорил с ним об этом?

— Заговорил он сам. Сказал, что ты тревожишься.

— А по-твоему, разве это не важно?

— Пожалуй, важно. Он сказал мне, что технически все будет сделано наилучшим образом — у нас будут правильные черты лица и безупречная кожа.

— Мне не это нужно, мне нужно мое собственное лицо с неправильными чертами! Голос не так важен, но мое лицо пусть мне вернут!

— Ты многого хочешь. Не достаточно ли он уже для нас сделал?

— Для меня — все равно что ничего, если он не вернет мне моего лица!.. Я веду себя глупо, да?

— М-м-м... Видишь ли...

— Я не хочу быть красивой, потому что знаю — этого не хочешь ты.

— Кто тебе сказал? — изумленно спросил он.

— Ты думаешь, что я, прожив с тобой два года, этого не поняла? Если бы тебе нужна была жена-красавица, ты бы на красавице и женился. Но ты выбрал меня — хотел быть красивее жены. Я знаю, что для тебя это важно — не пытайся отрицать.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Маргарет? Ты говоришь как-то возбужденно.

— Нет, очень логично. Будь я уродкой или красавицей, ты бы меня ненавидел. Если бы я была уродкой, люди бы жалели тебя, и ты бы этого не мог вынести, если бы я была красавицей, тебя, возмож-

но, рядом со мной перестали бы замечать. Я же просто некрасивая — как раз настолько, чтобы все удивлялись, как это ты мог жениться на такой заурядной женщине. Я будто специально создана для того, чтобы служить тебе фоном.

Он ответил не сразу:

— Мне и в голову не приходило, что ты обо мне такое думаешь. Очень глупо, Маргарет. Я женился на тебе, потому что тебя любил.

— Может быть. Но *почему* ты любил меня?

— Не будем в это углубляться, — примирительно сказал он. — Скажу одно, Маргарет: ты говоришь ерунду. Мне все равно, уродка ты или красавица... нет, если сказать правду, то не все равно, но внешность — это еще не самое главное. На мои чувства к тебе она почти не влияет. Я люблю тебя за твой характер, за твою личность — остальное для меня второстепенно.

— Фред, не надо меня обманывать. Я хочу быть такой же, как прежде, потому что знаю: именно такой я тебе нужна. Неужели нет никакого способа объяснить доктору, как мы выглядели раньше? У тебя хороший глаз — вернее, был. Может, ты ему как-нибудь нас опишешь?..

— Маргарет, будь разумной, ты же прекрасно знаешь, что по словесному описанию нельзя судить ни о чем, — голос его звучал почти умоляюще. — И хватит об этом, ладно? Я вовсе не против того, чтобы лицо у тебя было правильное, как с картинки из анатомического атласа, и...

— Вот именно с картинки! — взволнованно перебила она его. — Фред, помнишь стереоснимок, который мы сделали перед самым отлетом с Марса? Он должен был быть где-то на корабле...

— Но корабль разбит, дорогая, от него почти ничего не осталось.

— Раз они смогли подобрать нас живыми, значит, какие-то части остались неповрежденными. Может, снимок уцелел!

— Маргарет, ты требуешь невозможного. Мы не знаем, где сейчас наш корабль. Группа, в которую входит врач, проводит разведывательную экспедицию. Обломки нашего корабля остались далеко позади. Возвращаться ради того, чтобы их найти, никто не станет.

— Но ведь только так... только так можно... Другого способа нет!

Силы покинули ее. Будь у нее глаза, она бы заплакала, но сейчас плакала только ее душа.

Должно быть, его унесли, потому что никто не откликнулся на ее рыдания. А потом она вдруг почувствовала, что плакать не из-за чего. Более того, на душе у нее стало легко и весело, и неожиданно пронзила мысль: «Врач дал мне какого-то лекарства — он не хочет, чтобы я плакала. Хорошо, не буду. Буду думать только о приятном, буду радоваться...»

Вместо этого она заснула крепким, без сновидений, сном.

Проснувшись, она вспомнила о разговоре с Фредом, и ее охватило отчаяние. «Придется рассказать все врачу, — подумала она. — Может, он что-нибудь придумает. Да, я требую слишком многого, но без этого все, что он для меня сделал и делает, потеряет всякую ценность. Лучше умереть, чем стать не такой, какой я была!»

Но оказалось, что необходимости говорить с врачом нет, — он уже все знал от Фреда.

«Значит, и Фред признает, что это важно, — подумала она. — Больше он не сможет этого отрицать».

— Вы просите невозможного, — сказал врач.

— Невозможного? Вы даже не попытаетесь?..

— Ваш разбитый корабль остался в сотнях миллионов миль от нас. У экспедиции есть задачи, которые она обязана выполнить. Вернуться назад мы не можем. Мы не вправе тратить время на поиски стереоснимка, который к тому же вряд ли уцелел.

— Вы правы, доктор... Простите меня.

Похоже, он прочитал ее мысли, потому что добавил:

— Не стройте в отношении себя никаких планов, вам все равно не удастся причинить себе никакого физического вреда.

— Ничего, что-нибудь придумаю. Раньше ли, позже ли, но придумаю обязательно.

— Вы ведете себя неразумно. Мне бы хотелось знать, много ли существует людей, психологически вам подобных.

— Не знаю, мне все равно. Я знаю только одно: для меня это важно.

— Так расстраиваться из-за какого-то пустяка! Ведь насколько нам известно, внешние различия между любыми двумя человеческими особями одного пола совершенно незначительны. Вы должны научиться видеть вещи такими, какие они есть.

— Это для вас различия незначительны, потому что вы не знаете о людях — мужчинах и женщинах — ровным счетом ничего! Для Фреда же и для меня это вопрос жизни и смерти.

Сейчас впервые в ответе врача прозвучало некоторое раздражение:

— Вы как дети, но иногда ребенку следует уступить. Я подумаю, что можно сделать.

Но что можно тут сделать? Где-то в космосе несутся обломки корабля, а в них — стереоснимок, который даже не попытаются найти. Может, врач попросит, чтобы Фред описал ее? Самый лучший ху-

дожник на Земле не сумеет создать точный портрет по одному лишь описанию; чего же ждать от существа, для которого все мужчины на одно лицо и все женщины — тоже?

Она лежала, погруженная в свои мысли, и почти не замечала, как бежит время. Но постепенно она начала ощущать легкое покалывание, которое распространялось по всему телу. Прежняя боль медленно отступала и наконец исчезла совсем. Назвать болью то, что она чувствовала теперь, было никак нельзя. Скорее было даже приятно — казалось, кто-то мягко массирует ее тело, растягивает мышцы.

И вдруг она поняла: это растут новые руки и ноги. Значит, внутренние органы уже восстановлены и врач приступил к следующему этапу лечения.

Когда она это осознала, по щекам ее покатились слезы. «Слезы, — подумала она, — настоящие слезы, я их чувствую. У меня растут руки и ноги, и я снова могу плакать! Но до сих пор нет глаз... или, может быть, они тоже появились? Временами мне чудятся какие-то вспышки. Должно быть, он восстанавливает глаза медленно и сначала привел в порядок слезные протоки. Не забыть сказать ему, что глаза у меня были синие. Пусть я никогда не отличалась красотой, но глаза у меня были хорошие. Не хочу, чтобы они были другого цвета, — он не пойдет к моему лицу».

И в следующий раз, когда врач с ней заговорил, она попросила его об этом.

— Пусть будет, как вы хотите, — добродушно ответил он, словно убаюывая капризного ребенка.

— И еще, доктор, по поводу корабля...

— Это невозможно, я уже вам сказал. К тому же в этом нет и необходимости. — Он помолчал, будто

заранее предвкушая эффект, который произведут его слова. — Я просмотрел наш архив. Как и следовало ожидать, ваш разбитый корабль был тщательно обследован — мы надеялись получить информацию, которая помогла бы нам лучше понять землян. Во время поисков были найдены и взяты нами стереоснимки — около десятка.

— Десятка?! Но откуда?..

— Видимо, от волнения вы забыли, что снимков не один, а больше. Судя по всему, на них изображены вы и ваш муж. Но снимали, очевидно, в самых разных условиях и разными камерами, потому что даже я, хотя мое зрение и отлично от человеческого, замечаю в изображениях некоторые различия. Может быть, вы скажете, какое из них взять за образец?

— Лучше, если я поговорю об этом с мужем, — медленно произнесла она. — Можно... перенести его сюда?

— Конечно.

Она лежала и думала. Десяток стереоснимков! Она помнила только один, один-единственный. Конечно, были и другие снимки — во время медового месяца и после, — но те остались дома, на Марсе.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Фред новым голосом.

— Как-то странно — такое чувство, будто у меня растут руки и ноги.

— И у меня тоже. Наверно, скоро мы станем такими же, как прежде.

— Ты думаешь?

— Что ты имеешь в виду, Маргарет? — в его тоне сквозило неподдельное удивление, и она представила себе, как при этом он морщит лоб.

— Разве врач тебе не сказал? Они нашли на ко-

рабле стереоснимки и взяли их с собой. Теперь они могут восстановить наши лица.

— По-моему, именно этого ты и хотела?

— Но чего хочешь ты, Фред? Я помню только один снимок, а врач говорит, что напши около десятка. И по его словам, на каждом из них мое лицо отличается от предыдущих.

Фред молчал.

— Фред, они красивее меня?

— Ты не понимаешь, Маргарет.

— Все понимаю. Я хочу только знать... снимки были сделаны до нашей свадьбы или потом?

— Конечно, до. После свадьбы я ни с кем больше не встречался.

— Спасибо, милый.

Слова эти, сказанные ее новым голосом, прозвучали ядовито, и она себя одернула. «Я не должна так разговаривать, — пронеслось у нее в голове. — Я знаю Фреда, знаю его слабости, знала их до того, как вышла за него замуж. Нужно принимать его таким, какой он есть, и помочь ему, а не придирааться».

— Этих девушек я знал мало, и знакомства были недолгими, — снова заговорил он. — Внешне привлекательные, но в остальном не бог весть что. С тобой не сравнить.

— Не надо извиняться. — На этот раз голос ее прозвучал мягко, и ему показалось даже, что она улыбается. — Ты же не виноват, что нравился женщинам. Почему только ты не сказал мне про эти снимки раньше?

— Боялся, что ты будешь ревновать.

— Может, и поревновала бы, но это бы прошло. Скажи, Фред, а среди них есть кто-нибудь, кто особенно бы тебе нравился?

Ей показалось, что он насторожился. Сдержанным, бесстрастным голосом он сказал:

— Нет. А что?

— Просто я подумала: может, ты захочешь, чтобы меня сделали похожей на нее.

— Не говори глупостей, Маргарет! Я не хочу, чтобы ты была похожа на кого-нибудь другого. Не хочу больше видеть эти пустые лица!

— Но я думала...

— Скажу врачу, что остальные снимки они могут оставить себе. Пусть поместят в какой-нибудь музей вместе с другим хламом. Для меня они равным счетом ничего не значат уже давным-давно. Я и не выбросил их только потому, что совсем забыл о них.

— Хорошо, Фред, я попрошу врача, чтобы за образец он взял снимок, на котором мы вместе.

— Тот, крупным планом... Только смотри, чтобы он не перепутал!

— Постараюсь объяснить ему.

— А то в дрожь бросает, как подумаешь, что до конца жизни придется смотреть на какое-нибудь из этих пустых лиц. Только бы он не перепутал — я хочу видеть твое лицо, а не чье-то другое!

— Хорошо, милый.

Об одном, правда, она не подумала: на сколько же лет будут выглядеть они с Фредом? Врач ведь в этом не разбирается и может безо всякого дурного умысла сделать их старше, чем они есть. Пусть лучше делает помоложе, если сможет, но только бы не сделал старше.

И когда врач снова с ней заговорил, она сказала ему о своем желании. И ей опять показалось, что, говоря с ней, он сдерживает снисходительную улыбку.

— Хорошо, — сказал он, — вы будете выглядеть немного моложе, чем были, но не слишком, потому что, насколько я могу судить по вашим книгам, лучше, когда нет большого расхождения между наружностью человека и его истинным возрастом.

Она облегченно вздохнула. Все улажено. Все будет как прежде — может, даже чуточку лучше. Они с Фредом смогут вернуться к семейной жизни, твердо зная, что будут так же счастливы, как были до этого, — счастливы настолько, насколько некрасивая и мнительная жена может быть счастлива с красивцем мужем.

Теперь, когда с врачом все было улажено, время потянулось медленней прежнего. Руки и ноги у нее росли, глаза тоже восстанавливались. Она начала чувствовать основания пальцев и все чаще видела вспышки света — оживали глазные нервы. Иногда ощущались легкие боли, но теперь она понимала, что это боли роста, а значит, выздоровления, и была им рада.

И наконец настал день, когда врач сказал:

— Вы здоровы. Через сутки, если пользоваться принятой у вас мерой времени, я сниму повязки.

Ее новые глаза наполнились слезами.

— Доктор, как мне отблагодарить вас?

— Не нужно никакой благодарности — я занимаюсь своим делом.

— А что теперь будет с нами?

— Мы выбрали старый грузовой корабль землян, покинутый экипажем, привели его в порядок и перенесли в него запасы пищи, взятые с вашего корабля. Вы проснетесь внутри него и сможете вернуться на нем к своим собратьям.

— Но неужели я.. так и не смогу вас увидеть?

— Это было бы нежелательно. По некоторым соображениям мы предпочитаем не показываться. И по той же причине мы позаботимся о том, чтобы вы не унесли с собой ни одной сделанной нами вещи.

— Если бы я могла хотя бы пожать руку... сделать что-нибудь...

— У меня нет рук.

— Нет рук? Но как же вы тогда... как вам удается делать такие сложные операции?

— Я не вправе говорить об этом. Простите, что оставляю вас в неведении, но поступить иначе я не могу. Вы хотели бы поговорить с мужем до того, как заснуть?

— А обязательно нужно, чтобы я заснула? Я так взволнована... так хочется соскочить с постели, сорвать повязки и посмотреть на себя!

— Если я вас правильно понял, вы не очень стремитесь поговорить сейчас с мужем.

— Сперва я хочу себя увидеть!

— Вам придется немного подождать. Во время сна повысят тонус и силу ваших мышц и вы подвергнетесь заключительному медицинскому обследованию. Это очень важно.

Она хотела его перебить, но он остановил ее:

— Постарайтесь успокоиться. Я могу управлять вашими чувствами при помощи лекарств, но лучше, если вы справитесь с ними сами, — потом у вас появится возможность дать им выход. А теперь я должен вас оставить. Больше вы не услышите обо мне никогда.

— Никогда?

— Никогда. Прощайте.

На миг она почувствовала, как ко лбу ее прикоснулось что-то прохладное и шероховатое. Она попыталась поднять руку и дотронуться до лба, но не смогла и только сказала сквозь слезы:

— Прощайте, доктор!

Когда она заговорила снова, ответом ей было молчание.

Она заснула.

На этот раз пробуждение было другим. Еще не открывая глаз, она услышала скрежет и ровное негромкое гудение: работали привычные ракетные двигатели.

Когда она попыталась сесть, веки ее разомкнулись и она увидела, что пристегнута к койке предохранительными ремнями. Медленно, неуверенными движениями она начала отстегивать ремни. Отстегнув часть из них, остановилась и стала разглядывать свои руки — сильные, гибкие, красивые, покрытые легким загаром. Она несколько раз согнула и разогнула пальцы. Превосходные руки! Врач не обманул ее надежд.

Отстегнув последние ремни, Маргарет встала на ноги. Она ждала головокружения, но его не было. Никакого ощущения слабости, хотя оно было бы вполне естественным после такого долгого пребывания в постели. Она чувствовала себя великолепно.

Она оглядела свои ноги, тело — придиричливо, словно оглядывала ноги и тело незнакомой женщины. Сделала несколько шагов вперед, отступила назад. Да, он не обманул ее надежд. Тело было красивое, большего нельзя было ожидать. Но лицо?..

Она повернулась, ища глазами зеркало, и услышала:

— Маргарет!

С койки напротив поднимался Фред. Они впились взглядами друг в друга и замерли.

— В капитанской каюте должно быть зеркало, — после долгого молчания, запинаясь, проговорил Фред. — Я хочу себя увидеть.

Они нашли зеркало и остановились, глядя в него, переводя взгляд с одного лица на другое, и на этот раз молчание длилось дольше и было тягостней.

Каким изумительным художником оказался врач! С какой точностью, черту за чертой, воссоздал он их

лица! Форма и линия лба, волосы, высота скул, форма и цвет глаз, контуры носа, губ, подбородка — все было, как прежде. Все.

Кроме общего впечатления. Раньше она была некрасивой, теперь стала красавицей.

«Следовало предположить, что такое возможно, — думала она. — Случается, видишь двух сестер или мать и дочь с одинаковыми чертами, будто их лица отлиты в одной форме, — и все-таки одно из них уродливо, а другое прекрасно. Точно копировать черты лица могут многие художники, но немногим дано копировать уродство или красоту. Врач чуть-чуть ошибся — он сделал мое лицо лучше, чем оно было. А лицо Фреда — хуже. Теперь Фреда не назовешь красавцем. Правда, он и не урод: его лицо стало сильнее и значительнее. Но теперь я красивее. И примириться с этим он не захочет. Для нас все кончено».

Фред глядел на нее и улыбался до ушей.

— Ну и женушку я отхватил! Ты только посмотри на себя! Можно, немного погрущу?

— Фред, милый, какая жалость! — неуверенно проговорила она.

— Почему? Из-за того, что он дал тебе больше, чем ты просила, а мне меньше? Какая разница, все осталось в семье!

— Не надо притворяться, Фред, я знаю, каково тебе сейчас.

— Ничего ты не знаешь! Я просил его сделать тебя красивой. Я не был уверен, что он сможет, но все равно просил. И он сказал, что постарается.

— Ты просил его? Не может быть!

— Еще как может! Ты недовольна? Я надеялся, что он и меня не обидит, но... Послушай-ка, ты что, вышла за меня только из-за моей наружности?

— По-моему, ты должен знать из-за чего!

— И я тоже женился на тебе не из-за этого. Я ведь говорил об этом раньше, только ты мне не верила. Может, хоть теперь согласишься.

— Может быть... может, и вправду внешность не так уж важна, — с трудом проговорила она. — Возможно, я была неправа — не понимала, что важно, а что нет.

— Конечно, не понимала. Но из-за того, что считала себя некрасивой, ты всегда себя чувствовала неполноценной, а теперь у тебя не будет для этого никаких оснований. И быть может, теперь мы немного повзрослеем.

Она кивнула. Было так удивительно, что он обнимает ее руками, которых она никогда еще не касалась, целует губами, которые ее не целовали. «Но это неважно, — подумала она. — Важно знать, что, каков бы ни был наш облик, мы — это мы. Знать, что теперь ничто уже не омрачит наших отношений, — и все благодаря волшебнику доктору».

— Фред, — сказала она вдруг, по-прежнему прижимаясь щекой к его груди, — как, по-твоему, можно быть влюбленной в двоих сразу, если к тому же один из этих двоих... не человек, а неизвестно кто?

Фредрик Браун

Важная персона

Значит, так: жил на свете Хэнли, Ал Хэнли, и гляпули бы вы на него — ни за что бы не подумали, что он когда-нибудь сгодится на что-нибудь путное. А знали бы, как он жил, пока не прилетели эти даршане, так и вовсе не поверили бы, что будете — когда дочитаете — благодарны ему до гроба...

В тот день Хэнли был пьян. Не то чтобы данный факт относился к фактам исключительным — Хэнли вечно был пьян и поставил перед собой цель ни на миг не протрезвляться, хоть с некоторых пор это было и не очень легким делом. Денег у него давно не осталось и приятелей, у которых можно бы занять, тоже. А список знакомых истощился до того, что он считал удачей, если удавалось заполучить с них на день хотя бы центов по двадцать пять.

И наступили для Хэнли печальные времена, когда поневоле отшагаешь много миль, прежде чем столкнешься с кем-то хоть слегка знакомым, чтоб появилась надежда стрелкнуть монетку. А от долгих прогулок из головы выветриваются остатки хмеля — ну, не совсем выветриваются, но почти, — и оказался он в положении таком же, как Алиса в Зазеркалье: помните, когда она повстречалась с королевой и

пришлось бежать во всю мочь, чтобы просто оставаться на месте...

Попрошайничать у незнакомых — это был не выход. Фараоны держались начеку, и дело кончилось бы ночевкой в каталажке, где не дадут и капельки спиртного, а тогда уж лучше прямо в петлю. На той ступеньке, куда скатился Хэнли, двенадцать часов без выпивки — и пойдут такие лиловые кошмары, по сравнению с которыми белая горячка — легкий ветерок рядом с ураганом...

Белая горячка—это же галлюцинации, и только. Если ты не дурак, то прекрасно знаешь, что никаких галлюцинаций на самом деле нет. Иной раз они даже вроде развлечения — кому что нравится. А лиловые кошмары — это лиловые кошмары. Чтобы понять, что это такое, нужно выпить виски больше, чем обыкновенный смертный в состоянии в себя вместить, и нужно пить без просыпу годами, а потом лишиться спиртного вдруг и полностью, как лишают, например, в тюрьме.

От одной мысли о лиловых кошмарах Хэнли начало трясти. И он принялся трясти руку старому другу, закадычному приятелю — видел Хэнли этого приятеля всего-то пару-тройку раз и при обстоятельствах, не слишком для себя приятных... Звали старого друга Кидом Эгглстоном, и был он крупный, хоть и потрепанный мужчина, в прошлом боксер, а затем вышибала в кабаке, где Хэнли, разумеется, не мог с ним не познакомиться.

Однако вам не обязательно запоминать, ни кто он есть, ни как его зовут: все равно его, приятеля, не надолго хватит, по крайней мере не надолго в рамках нашего рассказа. Точнее, ровно через полторы минуты он издаст ужасный крик и лишится чувств, и мы с вами больше про него и не услышим.

И все же, коль на то пошло, должен вам заметить,

что, не закричи Кид Эгглстон и не лишишь он чувств, вы бы, может статься, не сидели, где сидите, и не читали, что читаете. Может статься, вы сейчас копали бы глау-руду в карьере под зеленым солнцем на другом конце Галактики. Уверяю вас, вам это вовсе не понравилось бы; не забывайте, что именно Хэнли спас вас — и до сих пор спасает — от подобной участи. Не судите его строго. Если бы Три и Девять забрали не его, а Кида, все, неровен час, повернулось бы иначе...

Три и Девять были пришельцами с планеты Дар, второй (и единственно пригодной для жизни) планеты вышеуказанного зеленого солнца на другом конце Галактики. Три и Девять — это, разумеется, не полные их имена. Имена у дариан — числа, и полное имя или номер у Три было 389 057 792 869 223. Во всяком случае, так этот номер выглядел бы в пересчете на десятичную систему.

Надеюсь, вы простите мне, что я называю одного из пришельцев Три, а второго — Девять и заставляю их таким же образом именовать друг друга. Сами они меня ни за что бы не простили. Обращаясь друг к другу, дариане каждый раз произносят полный номер, и любое сокращение почитается у них даже не невежливым, а прямо оскорбительным. Но при этом они и живут намного дольше нас. Им не жалко времени, а я спешу.

В тот момент, когда Хэнли упоенно тряс руку Кида, Три и Девять пребывали точнехонько над ними, на высоте примерно одной мили. Пребывали не в самолете и не в космической ракете, и уж, конечно, не в летающей тарелке. (Само собой, мне известно, что за штука эти тарелки, но про них как-нибудь в другой раз. Не хочу отвлекаться.) Дариане пребывали в кубе пространства-времени.

Вероятно, вы потребуе объяснений. Дариане обнаружили — дайте срок, и мы, может, сами обна-

ружм, — что Эйнштейн был прав. Материя не способна перемещаться со скоростью большей, чем скорость света, без превращения в энергию. А вам ведь не хотелось бы превратиться в энергию, не правда ли? Дарианам тоже — а исследования в Галактике они тем не менее начали, и начали давно.

Дело в том, что на Даре пришли к выводу: можно путешествовать со скоростью выше скорости света при условии синхронного передвижения во времени. То есть путешествовать не в пространстве как таковом, а в пространственно-временном континууме. И в своем полете от Дара до Земли путешественники благополучно покрыли расстояние в 163 тысячи световых лет. Но одновременно они переместились в прошлое на 1630 веков, так что время путешествия для них самих оказалось равным нулю. Потом, на пути домой, они переместились на 1630 веков в будущее и попали в пространственно-временном континууме в исходную точку. Надеюсь, вы разобрались, что я хотел сказать.

Словом, так или иначе, а куб парил, невидимый для землян, на высоте одной мили над Филадельфией (и не спрашивайте меня, почему над Филадельфией, — сам не представляю, как можно выбрать Филадельфию для чего бы то ни было вообще). Куб парил там уже четыре дня, а Три и Девять ловили и анализировали радиопередачи, пока не научились понимать их и разговаривать на том же языке.

Нет, конечно, ничего они не выяснили ни о нашей культуре, какова она на деле, ни о наших обычаях, каковы они в действительности. Сами посудите, мыслимое ли дело составить себе картину жизни на Земле, отведав каши из радиовикторин, мыльных опер, дешевых скетчей и ковбойских походов?

Правда, дариане не особенно интересовались, какая тут у нас культура, их заботило одно: чтобы она

не оказалась слишком развитой и не могла представлять для них угрозу, и за четыре дня они уверились, что угрозой и не пахнет. Трудно их винить, что они пришли к такому мнению, тем более что они правы.

— На посадку? — спросил Три.

— Пора, — сказал Девять.

Три обвинил своим телом рычаги управления.

— ...Ну да, я же видел, как ты дрался, — разглагольствовал Хэнли. — Ты был хорош на ринге, Кид. Не попадись тебе такой никудышный тренер, ты бы, знаешь, кем заделался!.. Было в тебе такое... хватка, вот что. А как насчет того, чтобы зайти на уголок и выпить?

— За чей счет, Хэнли? За твой или за мой?

— Понимаешь, Кид, я как раз поиздержался. Но не выпить мне нельзя — душа горит. Ради старой дружбы...

— Нужна тебе выпивка, как щучке зонтик. Ты и сейчас пьян, так уж лучше пойди проспись, покуда не допился до чертиков...

— Уже, — сказал Хэнли. — Да они мне ни о чем. Вон, полюбуйся, они же у тебя за спиной...

Вопреки всякой логике, Кид Эгглстон оглянулся. И тут же, издав пронзительный вопль, свалился без памяти. К ним приближались Три и Девять. А позади рисовались неопределенные очертания огромного куба — каждое ребро футов по двадцать, если не более. И этот куб был и в то же время как бы не был — жутковатое зрелище. Наверное, именно куба Кид и испугался.

Ведь в облике Три и Девять, право же, не было ничего пугающего. Червеобразные, длинной (если бы их вытянуть) футов по пятнадцать и толщиной в центральной части тела около фута, а на обоих концах заостренные, словно гвоздики. Приятного светлоголубого цвета — и без всяких видимых органов

чувств, так что и не разберешь, где у них голова, а где ноги; да это и не важно, потому что выглядят оба конца совершенно одинаково.

К тому же, хоть они и придвигались все ближе к Хэнли и распростертому на панели Киду, у них не удавалось различить ни переда, ни зада. Двигались они в своем нормальном свернутом положении, плывя в воздухе.

— Привет, ребята, — сказал Хэнли. — Напугали вы моего дружка, черт вас дери. А он бы мне поставил, прочитал бы мораль, а потом поставил. Так что с вас стаканчик...

— Реакция алогичная, — заметил Три, обращаясь к Девять. — И у другой особи тоже. Возьмем обоих?

— Незачем. Другая, правда, крупнее, но слишком уж слабенькая. К тому же нам и одной довольно. Пошли!

Хэнли отступил на шаг.

— Поставите выпить — тогда пойду. А нет — желаю знать, куда вы меня тащите...

— Мы посланы Даром...

— Даром? — переспросил Хэнли. — Даром только кошки мяукают. Так что никуда я с вами не пойду, если вы, сколько вас, не поставите мне выпить.

— Что он говорит? — осведомился Девять у Три. Три помахал одним концом в том смысле, что и сам не понял. — Будем брать его силой?

— А может, он пойдет добровольно. Существо, вы войдете в куб по доброй воле?

— А там есть что выпить?

— Там все есть. Просим вас войти...

И Хэнли приблизился и вошел. Он, конечно, не оченъ-то верил в этот призрачный куб, но терять ему было все равно нечего. А потом, раз уж допился до чертиков, лучше всего отнестись к ним с юмором. Куб

изнутри был твердым и теперь не казался ни прозрачным, ни призрачным. Три намотался на рычаги управления и легкими движениями обоих концов управлял чувствительными механизмами.

— Мы в подпространстве, — сообщил он. — Предлагаю сделать остановку, изучить добытый образец и установить, пригоден ли он для наших целей...

— Эй, ребята, а как насчет выпивки?

Хэнли начал не на шутку волноваться. Руки у него тряслись, по хребту то вверх, то вниз ползали мурашки.

— Мне кажется, он страдает, — заметил Де-вять. — Возможно, от голода или от жажды. Что пьют эти существа? Перекись водорода, как и мы?

— Бóльшая часть планеты покрыта, как мне представляется, водой с примесью хлористого натрия. Синтезировать для него такую воду?

— Не надо! — вскричал Хэнли. — И даже без соли — все равно не надо! Выпить хочу! Виски!

— Проанализировать его обмен веществ? — спросил Три. — С помощью интрафлуороскопа это можно сделать в одно мгновение... — Он размотался с рычагов и направился к машине странного вида. Замелькали огоньки. — Удивительно, — сказал он. — Обмен веществ у данного существа зависит от C_2H_5OH ...

— C_2H_5OH ?

— Именно так. От этилового спирта — по крайней мере, в основном. С некоторой добавкой H_2O и даже без хлористого натрия, наличествующего в здешних морях. Есть еще другие ингредиенты, но в минимальных дозах; по-видимому, это все, что он усваивал на протяжении последних месяцев. В крови и в клетках мозга 0,234 процента спирта. Представляется, что весь обмен веществ в его организме основан на C_2H_5OH ...

— Ребята, — взмолился Хэнли. — Я же так помру

от жажды. Ну, кончайте трепаться и налейте мне стаканчик.

— Потерпите, пожалуйста, — ответил Девять. — Сейчас я изготовлю все, что вам необходимо. Только настрою интрафлуороскоп на другой режим и еще подключу психометр...

Вновь замелькали огоньки, и Девять переместился в угол куба, где была лаборатория. Что-то там произошло, и спустя минуту он вернулся с колбой. В колбе плескалось почти две кварты прозрачной янтарной жидкости.

Хэнли принялся, потом пригубил и тяжело вздохнул.

— Я на том свете, — сообщил он. — Это же ультрапрималюкс, нектар богов. Такой шикарней выпивки просто не бывает...

Он сделал несколько больших глотков, и ему даже не обожгло горло.

— Что это за пойло, Девять? — поинтересовался Три.

— Сравнительно сложный состав, в точности соответствующий его потребностям. Пятьдесят процентов спирта, сорок пять воды. Остальные ингредиенты — пять процентов, но их довольно много: сюда входят в надлежащих пропорциях все витамины и соли, нужные его организму. Затем еще добавки в минимальных дозах, улучшающие вкусовые свойства, — по его стандартам. Для нас, дариан, вкус этой смеси был бы ужасен, даже если мы могли бы пить спирт или воду...

Хэнли снова вздохнул и опять хлебнул. Слегка покачнулся. Поглядел на Три и ухмыльнулся:

— А теперь я знаю, что вас тут нет. Не было и нет...

— Что он хочет сказать? — обратился Девять к Три.

— Мыслительные процессы у него, по-видимому, совершенно алогичны. Сомневаюсь, что из существ данного вида получатся сколько-нибудь приличные рабы. Но, конечно, мы еще проверим. Как ваше имя, существо?

— Что в имени тебе моем, приятель? — спросил Хэнли. — М-можете звать меня как вам угодно, я р-разрешаю... Вы мне сам-мые, сам-мые лучшие дря... Б-берите м-меня и вез-зите, к-куда хотите, т-только рзбдите, к-когда мы приедем, к-куда мы едем...

Он глотнул из колбы еще разочек и прилег на пол. Неповятные звуки, которые он теперь издавал, ни Три, ни Девять расшифровать не смогли. «Хррр... вззз.... хррр.... вззз...» — или что-то в этом роде. Они попытались растолкать его, но потерпели неудачу. Тогда они провели ряд новых наблюдений и поставили над Хэнли все опыты, какие могли придумать. Прошло несколько часов. Наконец он очнулся, сел и уставился на дарпан безумными глазами.

— Не верю, — сказал он. — Вас тут нету, одна видимость. Дайте выпить, Христа ради...

Ему вновь поднесли колбу — Девять восполнил убыль, и она опять была налита до краев. Хэнли выпил. И закрыл глаза в экстазе.

— Только не будите меня!

— Но вы и не спите.

— Тогда не давайте мне уснуть. Я понял теперь, что это такое. Амброзия, напиток богов...

— Богов? А кто это?

— Да нету их. Но они пьют амброзию. Сидят у себя на Олимпе и пьют...

— Мыслительные процессы совершенно алогичны, — заметил Три.

Хэнли поднял колбу и провозгласил:

— Кабак есть кабак, а рай есть рай, и с мест они не сойдут. За тех, кто в раю!

— Что такое рай?

Хэнли задумался.

— Рай — это когда заведешься, и надерешься, и пляешься, и валяешься, и все задаром...

— Даром? Что вам известно о Даре?

— Дар судьбы. Дар небес. Сегодня с виски, завтра — без. Пока вы меня не прогнали, ребята, ваше здоровье!

Он еще выпил.

— Слишком туп, чтобы приспособить его к чему-нибудь, кроме самых простых физических работ, — сделал вывод Три. — Но если он достаточно силен, мы все-таки рекомендуем вторжение на планету. Тут, вероятно, три-четыре миллиарда жителей. Нам нужен и неквалифицированный труд — три-четыре миллиарда принесут нам существенную помощь...

— Ура-а-а! — завопил Хэнли.

— Кажется, у него неважная координация, — задумчиво сказал Три. — Но, может быть, он действительно силен... Как вас зовут, существо?

— Зовите меня Ал, ребята.

Хэнли кое-как поднялся на ноги.

— Это ваше личное имя или наименование вида? И полное ли это наименование?

Хэнли прислонился к стенке и поразмышлял немного.

— Наименование вида, — заявил он. — А если полностью... Давайте-ка я вам по-латыни...

И припомнил по-латыни.

— Мы хотим испытать вас на выносливость. Бегайте от стены к стене, пока не устанете. А колбу с вашей пищей я тем временем подержу...

Девять попытался взять у Хэнли колбу, но тот судорожно вцепился в нее.

— Еще глоточек. Еще ма-аленький глоточек, и тогда я побегу. Право слово, побегу. Куда хотите...

— Быть может, он нуждается в своем питье, — сказал Три. — Дайте ему, Девять...

«А вдруг мне теперь перепадет не скоро», — решил Хэнли и прильнул к колбе. Потом он жизнерадостно сделал ручкой четверем дарианам, которые оказались перед ним.

— Валяй на скачки, ребята! Все скопом... Ставьте на меня. Выиграете как пить дать. Но сперва еще по ма-аленькой...

Он глотнул еще — на сей раз действительно по маленькой, унции две, не больше.

— Хватит, — сказал Три. — Теперь бегите.

Хэнли сделал два шага и плашмя растянулся на полу. Перевернулся на спину и остался лежать с блаженной улыбкой на лице.

— Невероятно! — воскликнул Три. — А он не пробует нас одурачить? Проверьте, Девять...

Девять проверил.

— Невероятно! — повторил он. — Воистину невероятно, но после столь незначительного напряжения образец впал в бессознательное состояние. Настолько бессознательное, что потерял всякую чувствительность к боли. И это не притворство. Данный вид не представляет для нас ни малейшей ценности. Готовьтесь к старту — мы возвращаемся. В соответствии с дополнительной инструкцией забираем его с собой как экземпляр для зоосада. Такую диковину нельзя не забрать. С точки зрения физиологии это самое странное существо, какое мы когда-либо обнаруживали на десятках миллионов обследованных планет...

Три обернулся вокруг рычагов управления и обоими концами стал приводить механизмы в действие. Минули 163 тысячи световых лет и 1630 веков и взаимно погасили друг друга с такой полнотой и точностью, что создалось впечатление, будто куб вообще не двигался ни во времени, ни в пространстве.

В столичном городе дариан, которые правят тысячами полезных планет и посетили миллионы бесполезных, например Землю, Ал Хэнли занимает просторную стеклянную клетку, установленную в зоосаде на самом почетном месте: ведь он, Хэнли, самый поразительный здесь экспонат.

Посреди клетки — бассейн, откуда он то и дело пьет и где, по слухам, даже купается. Бассейн проточный, постоянно наполненный до краев чудеснейшим напитком — напиток этот настолько же лучше лучшего земного виски, насколько лучшее земное виски лучше самого грязного и самого вонючего самогопа. Более того, в здешний напиток добавлены, без ущерба для вкуса, все витамины и соли, нужные экспонату для поддержания обмена веществ...

От напитка из бассейна не бывает ни похмелья, ни каких-то других неприятных последствий. И Хэнли получает от своего житья такое же наслаждение, как завсегдатаи зоосада от поведения Хэнли; они взирают на него в изумлении, а затем читают надпись на клетке. Надпись начинается с латинизированного наименования вида — того наименования, которое Хэнли припомнил для Три и Девять:

АЛКОГОЛИКУС АНОНИМУС

Основная пища — C_2H_5OH , слегка приправленный витаминами и минеральными солями. Иногда проявляет блестящие способности, но, как правило, полностью алогичен. Степень выносливости: может сделать, не падая, лишь несколько шагов. Коммерческая ценность равна нулю, однако весьма забавен как образчик самой странной формы жизни, обнаруженной в пределах Галактики. Место обитания: третья планета системы ИК 6547 — ХГ 908.

Хэнли и впрямь забавен, столь забавен, что дариане при помощи специальных процедур превратили его в практически бессмертное существо. И это здорово, потому что, если бы такой интересный зоологический экспонат взял да помер, они могли бы прилететь на Землю за новым. И могли бы случайно нарваться на вас или на меня, — а если вы или я в этот день по недоразумению окажемся трезвыми? Скверная получится штука.

Гомес

Все это случилось двадцать два года назад. В одно холодное октябрьское утро я получил от редакции задание. Ничего особенного, задание как задание — встретиться с доктором Шугарменом, деканом физического факультета в нашем университете. Не помню точно, что послужило поводом — какая-то годовщина чего-то такого: первого атомного реактора, испытаний атомной бомбы или, быть может, Нагасаки. Во всяком случае, в воскресной газете должен был быть разворот на эту тему.

Я нашел Шугармепа в его кабинете в квадратной готической башне, венчающей скромное здание физического факультета. Он стоял возле стрельчатой арки окна, неохотно впускавшего в комнату пронзительную глубину осеннего неба. Такой плотный толстячок с пухлыми щеками и двойным подбородком.

— Мистер Вильчек? — расплылся он. — Из «Трибюн»?

— Да, доктор Шугармен. Здравствуйте.

— Проходите, пожалуйста, садитесь. Что вас интересует?

— Доктор Шугармен, я хотел бы узнать ваше мнение по поводу наиболее серьезных проблем, связанных с атомной энергией, контролем над атомным

оружием и так далее. Что, по-вашему, здесь самое важное?

В его глазах мелькнула хитринка — сейчас он постарается сразить меня.

— Образование, — изрек он и откинулся назад в кресле — переждать, пока я приду в себя от неожиданности.

Я должным образом удивился.

— Это очень интересный и новый подход к проблеме, доктор Шугармен. Расскажите, пожалуйста, подробнее.

Он был преисполнен важности.

— Я хотел бы выразить беспокойство по поводу того, что широкая публика не понимает значения последних достижений науки. Люди недооценивают меня — я имею в виду, недооценивают науку, — потому что плохо представляют себе, что такое наука. Сейчас я покажу вам кое-что в подтверждение своих слов. — Он стал копаться в бумагах и вскоре протянул мне вырванный из блокнота разлинованный и покрытый ужасными каракулями листок. — Вот это письмо, представьте себе, было послано мне.

Я с трудом разобрал написанное карандашом послание.

12 октября

Уважаемый господин!

Хочу представить себя Вам, ученому-атомщику, как молодого человека 17 лет, с усердием изучающего математическую физику, чтобы прийти к ней до совершенства. Мое знание английского языка не есть совершенно потому что я в Нью-Йорке только один год как приехал из Пуэрто-Рико и из-за бедности папы и мамы должен мыть посуду в ресторане. Поэтому уважае-

мый господин простите несовершенный английский, который скоро станет лучше.

Я не решаюсь отнимать ваше драгоценное ученое время, но думаю вы ипогда можете отдать минуту такому как я. Мне трудно рассчитать сечение поглощения нейтронов обогащенной бором стали в реакторе, теорию которого я хочу разработать.

Реактор-размножитель требует для обогащенной бором стали

$$u = \frac{X}{I} + \frac{X^5}{I} + \frac{X^{10}}{I} + \frac{X^{15}}{I} + \dots,$$

по сравнению с сечением поглощения нейтронов в любом бетоне, с которым я потрудился познакомиться:

$$V = \frac{X^{1/5}}{I} + \frac{X}{I} + \frac{X^2}{I} + \frac{X^3}{I} + \dots$$

Отсюда получается уравнение

$$V^5 = u \frac{I - 2u + 4u^2 + 3u^3 + u^4}{I + 3u + 4u^3 + 2u^3 + u^4},$$

означающее только четырехкратный коэффициент размножения реактора. Интуитивно я не удовлетворился такой коэффициент и отрываю ваше время для помощи, где я ошибся. С самой искренней благодарностью

Х. Гомес.

Закусочная «Порто Белло»
124 улица, угол Авеню Св. Николаса
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Я рассмеялся и посочувствовал доктору Шугармену:

— Неплохой экземплярчик. Вам еще везет, что эти типы пишут письма. А у нас они прямо являются в редакцию, и вынь им да положижь самого главного. Кстати, могу ли я использовать это письмо? Нашим читателям полезно знать такие вещи.

Он подумал, а затем кивнул головой.

— Ладно, берите, только не ссылайтесь на меня. Напишите просто «известный физик» или что-нибудь в этом роде. Кстати, я считаю, что все это скорее грустно, чем смешно, но у вас свои задачи, я понимаю. Малый этот, по-видимому, чокнутый, но и он, впрочем, как многие другие, полагает, что наука — всего лишь набор фокусов, которыми может овладеть каждый...

Он еще долго распространялся на эту тему.

Я вернулся в редакцию и за двадцать минут накатал интервью. Гораздо больше времени и сил мне пришлось потратить, чтобы объяснить редактору воскресного выпуска, почему письмо Гомеса следует опубликовать на развороте, посвященном атомному юбилею. В конце концов он сдался. Письмо пришлось перепечатать, ибо пошли я его наборщикам в том виде, как оно было написано, нам не избежать бы забастовки.

В воскресенье, в четверть седьмого утра, меня разбудил бешеный стук кулаков в дверь моего номера в отеле. Еще не совсем проснувшись, я сунул ноги в тапочки, накинул халат и побрел к двери. Но те, за дверью, и не собирались ждать, пока я ее открою. Дверь распахнулась, и в комнату ввалились администратор, редактор воскресного выпуска и еще какой-то немолодой человек с застывшим лицом в сопровождении трех решительного вида молодчиков. Администратор что-то пробормотал и поспешил ретироваться, а остальные двинулись на меня единым фронтом.

— Босс, — промямлил я. — что с-с-лучилось?

Один из решительных молодчиков стал спиной к двери, другой — к окну, третий загородил вход в ванную. Их шеф, холодный и колкий, как иней, пригвоздил меня к месту, обратившись к редактору резким пачальственным тоном:

— Вы подтверждаете, что этот человек Вильчек? Редактор молча кивнул.

— Обыскать, — бросил старик.

Молодчик, стоявший у окна, умело принялся за дело, не обращая внимания на невразумительные вопросы, которые я все еще пытался задавать редактору. Редактор старательно избегал моих глаз.

Когда обыск был закончен, старик с застывшим лицом сказал:

— Я контр-адмирал Мак-Дональд, мистер Вильчек, заместитель начальника отдела безопасности Американской Комиссии по атомной энергии. Это ваша статья? — Мне в лицо полетела вырезка из газеты.

Я стал читать, спотыкаясь на каждом слове:

АТОМНУЮ ФИЗИКУ МОЖНО РАЗГРЫЗТЬ КАК ОРЕШЕК, ТАК ДУМАЕТ СЕМНАДЦА- ТИЛЕТНИЙ МОЙЩИК ПОСУДЫ

Письмо, полученное недавно одним известным физиком нашего города, подтверждает слова доктора Шугармена о том, что широкая публика плохо представляет себе трудности работы ученых (см. соседнюю колонку). Ниже мы публикуем это письмо вместе с «математическими выкладками».

«Уважаемый господин!

Хочу представить себя Вам, ученому-атомщику, как молодого человека 17 лет, в усердии изучающего...»

— Да, — сказал я, — это написал я, все, кроме заголовка. А в чем, собственно, дело?

— Здесь говорится, что письмо написано жителем Нью-Йорка, однако адрес его не указан. Объясните, почему?

Я сказал, стараясь сохранять спокойствие:

— Я опустил адрес, когда перепечатал письмо, прежде чем отдать его в набор. Мы в своей газете всегда так делаем. А в чем все-таки дело, не можете ли вы мне сказать?

Адмирал пропустил мой вопрос мимо ушей.

— Вы утверждаете, что имеется оригинал письма. Где он?

Я задумался.

— Кажется, я сунул его в карман брюк. Сейчас посмотрю.

И я направился к стулу, на спинке которого висел костюм.

— Ни с места! — сказал молодчик, что стоял у дверей ванной.

Я застыл на месте, а он принялся выворачивать карманы моего костюма. Письмо Гомеса лежало во внутреннем кармашке пиджака; он протянул его адмиралу. Мак-Дональд сравнил письмо с газетной вырезкой, затем спрятал и то, и другое у себя на груди.

— Благодарю за содействие, — холодно обратился он ко мне и редактору. — Но предупреждаю вас: все, что здесь происходило, не подлежит обсуждению и ни под каким видом не должно появляться в печати. Это вопрос государственной безопасности. До свидания.

С этими словами он направился к двери, сопровождаемый своими молодчиками. И тут мой редактор встрепенулся:

— Адмирал, все это завтра же попадет на первую страницу «Трибюн».

Адмирал побледнел. После долгого молчания он сказал:

— Надеюсь, вам известно, что наша страна в любой момент может быть вовлечена в глобальную войну. И что наши парни каждый день умирают в пограничных стычках. А все во имя того, чтобы защитить гражданское население, таких, как вы. Так неужели вам трудно держать язык за зубами, когда речь идет о государственной безопасности?

Редактор воскресного выпуска уселся на край кровати и закурил сигарету.

— Все, о чем вы говорите, мне хорошо известно, адмирал. Но мне известно также, что это свободная страна, и, чтобы она впредь оставалась свободной, газета не обойдет молчанием такое вопиющее нарушение закона, как обыск и конфискация документов без предъявления ордера.

Адмирал сказал:

— Поверьте моему слову офицера, что вы сослужите стране плохую службу, если поместите в газете отчет об этом событии.

Редактор мягко гнул свою линию:

— Ага, поверить вашему слову офицера. Вы ворвались сюда без ордера на обыск. Разве вы не знали, что это противозаконно? А ваш молодчик был готов стрелять, когда Вильчек хотел подойти к стулу.

При этих словах я покрылся холодным потом. Адмиралу, по-моему, тоже было не сладко. С видимым усилием он произнес:

— Приношу извинения за неожиданный визит и невежливое поведение. Меня оправдывает лишь важность происходящего. Могу я быть уверенным, господа, что вы будете хранить молчание?

— При одном условии, — сказал редактор. — Если «Трибюн» получит монопольное право на публикацию всех материалов, связанных с Гомесом. Зани-

маться этим будет мистер Вильчек, вы должны помогать ему во всем. Мы в свою очередь обязуемся ничего не печатать без вашего согласия и без одобрения цензуры вашего ведомства.

— Договорились, — неохотно согласился адмирал.

Мы с адмиралом летели в Нью-Йорк. Видно было, что все это ему очень не по душе, тем не менее он считал своим долгом рассказать мне следующее.

— Сегодня в три часа ночи мне позвонил председатель Комиссии по атомной энергии. А его перед этим разбудил доктор Монро из Комитета по науке. Доктор Монро работал допоздна и решил перед сном почитать воскресный номер «Трибюн». Ему на глаза попало письмо Гомеса, и он взорвался, как пороховой погреб. Дело в том, мистер Вильчек, что уравнение сечения поглощения нейтронов — как раз то, чем он занимается. Более того, это тщательно охраняемая государственная тайна в области атомной энергии. Каким-то образом Гомесу стало известно это уравнение.

Я почесал небритый подбородок.

— А не водите ли вы меня за нос, адмирал? Как могут три уравнения быть величайшей государственной тайной?

Адмирал колебался.

— Могу вам только сказать, что речь идет о реакторе-размножителе.

— Но ведь в письме об этом говорится в открытую. Не станете же вы утверждать, что Гомес не просто где-то раздобыл уравнения, но и кое-что в них понимает?

Адмирал мрачно ответил:

— Кто-то из наших потерял бдительность. Русские многое бы дали, чтобы увидеть эти уравнения.

И он замолчал, предоставив мне возможность гадать, пока самолет летел над Нью-Джерси, что бы все это могло значить. Наконец из кабины пилота слышалось:

— Приземляемся в Ньюарке через пять минут, сэр. Нас сажают вне очереди.

— Хорошо, — ответил адмирал, — передайте по радио, чтобы нас ждала машина гражданского образца.

— Гражданского? — удивился я.

— А какая же еще?! В том-то и дело, чтобы не привлекать ни малейшего внимания к этому Гомеру и его письму.

Мы приземлились, и вскоре впятером сидели в легковой машине, довольно скромной на вид; тем не менее это была последняя модель. От Ньюарка до испанского Гарлема в Нью-Йорке мы доехали без особых разговоров и происшествий.

Машина остановилась посреди унылого жилого квартала; «Порто Белло» оказалось магазином, в котором была еще и закусочная. Большеголовые дети сбегались к машине и набросились на нас:

— Мистер, мистер, можно я буду сторожить вашу машину? — слышалось со всех сторон.

Адмирал разразился длинной тирадой по-испански, чем несказанно удивил меня, а детей заставил разбежаться в разные стороны.

— Хиггинс, — скомандовал он, — проверьте, есть ли здесь черный ход.

Один из молодчиков вышел из машины и обогнул здание, сопровождаемый тяжелыми, безразличными взглядами женщин, сидящих на ступеньках и укутанных в черные шали. Через пять минут он вернулся и сказал, что черного хода нет.

— Внутрь войдут Вильчек и я, — распорядился адмирал. — Вы, Хиггинс, останетесь у входа и, если

увидите кого-либо, кто будет пытаться спастись бегством, возьмите его. Пошли, Вильчек.

В «Порто Белло» было не более десятка столиков, и все они были заняты в этот обеденный час; посетители, как по команде, воззрились на нас, едва мы вошли.

— Nueva York, отдел здравоохранения, синьора, — бросил адмирал женщине, сидевшей за примитивной кассой.

— А, — сказала она с явным неудовольствием. — Por favor, non aquí *. Туда идите, кухня, понимаете?

Она подозвала хорошенькую девушку-официантку, посадила ее за кассу, а сама повела нас на кухню, темную от дыма и пара. Там был старик повар и парнишка лет шестнадцати, мывший посуду; мы все еле-еле втиснулись в крохотную комнатку. Мак-Дональд и женщина быстро-быстро заспорили о чем-то по-испански. Адмирал хорошо исполнял свою роль. А я не спускал глаз с юнца у мойки, которому каким-то образом удалось завладеть одним из самых важных атомных секретов Соединенных Штатов Америки.

Гомесу едва ли можно было дать больше пятнадцати лет, хотя на самом деле ему было семнадцать. Он был невысокого роста, худенький и гибкий, с кожей цвета виргинского табака. Черные, блестящие, прямые волосы то и дело падали на влажный лоб. Он поминутно вытирал руки о фартук и резким движением убирал волосы со лба. Работал Гомес как заведенный: брал тарелку, опускал в воду, скреб, споласкивал, вытирал, ставил на стол — и все это с легкой улыбкой, которая, как я усвоил позже, никогда не покидала его лица, если дела шли хорошо. А по глазам было видно, что мысли его где-то далеко-да-

* Пожалуйста, это не здесь (*исп.*).

леко от закусочной «Порто Белло». Мне кажется, Гомес даже не заметил нашего появления. Вдруг мне в голову пришла совершенно сумасшедшая мысль...

Адмирал повернулся к нему.

— ¿Como se llama, chico? *

Гомес вздрогнул, на миг рука его, вытиравшая тарелку, застыла, но он тут же поставил тарелку на стол.

— Julio Gomes, señor. ¿Por que, por favor? ¿Que pasa **?

Он ничуть не испугался.

— Nueva York, отдел здравоохранения, — повторил адмирал, — con su permiso ***.

Он взял руки Гомеса в свои и сделал вид, что изучает их, неодобрительно покачивая головой и цокая языком. Затем решительно произнес:

— Vamanos, Julio. Siemto mucho. Usted esta muy enfermo ****.

И тут заговорили все разом: женщине не понравилось вторжение в ее заведение, повар был недоволен потерей мойщика посуды.

Адмирал встретил нападение во всеоружии и не остался в долгу. Через пять минут мы при всеобщем молчании вывели Гомеса из закусочной. Миловидная девушка, сидевшая за кассой, была едва жива от страха.

— Хулио... — испуганно сказала она, когда мы проходили, но он, казалось, не слышал.

Мы ехали к Фоли-сквер. Гомес в машине сидел спокойно; на его губах играла слабая улыбка, а глаза

* Как тебя зовут, парень? (исп.).

** Хулио Гомес, сеньор. А что, скажите, пожалуйста? Что случилось? (исп.).

*** С твоего разрешения (исп.).

**** Пойдешь с нами, Хулио. Грязные руки. Ты серьезно болен (исп.).

были устремлены куда-то вдаль, за тысячи километров от нас. Адмирал восседал рядом с ним, всем своим видом показывая, что ни о каких вопросах с моей стороны не может быть и речи.

Когда мы вышли из машины у Федерального управления, Гомес удивился:

— Это... Разве это больница?

Ему никто не ответил. Мы окружили его плотным кольцом, открыли перед ним дверь лифта. Согласитесь, идти вот так, словно под конвоем, это кого угодно может вывести из равновесия — меня-то уж точно! — ведь у нас всех совесть хоть в чем-то нечиста. Но этот парнишка, казалось, не понимал ничего. Я решил про себя, что он просто чокнутый или... У меня в голове снова промелькнула шальная мысль.

На стеклянной двери было написано: «Комиссия по атомной энергии США. Отдел безопасности и разведки». Когда вошел адмирал, а за ним мы, всех, кто сидел в комнате, будто громом поразило. Мак-Дональд, согнав начальника, уселся в его кресло, Гомеса поместил напротив, на посетительское место.

И началось!

Адмирал вытащил письмо и спросил по-английски:

— Это письмо тебе знакомо?

— Si, seguro. * Я написал его на прошлой неделе. Вот смешно-то как. Значит, я не болен, как вы сказали там, да?

Казалось, он вздохнул с облегчением.

— Нет. Где ты раздобыл эти уравнения?

Гомес с гордостью ответил:

— Я их вывел.

Адмирал презрительно хмыкнул:

* А как же (исп.).

— Мне время дорого, парень. Откуда у тебя эти уравнения?

Гомес забеспокоился.

— Вы не имеете права говорить, что я вру, — сказал он. — Я не такой умный, как ваши знаменитые ученые, *seguro*, могу делать ошибки. Пусть я отнимаю время у *profesor* Сухар-ман, но он нет право меня арестовать.

Адмиралу вся эта история начинала надоедать.

— Ну тогда скажи, как ты вывел эти уравнения.

— Ладно, — хмуро сказал Гомес. — Вы знаете, что Оппенгейм пять лет назад рассчитал случайное блуждание нейтрона в матричной механике, так, да? Я преобразовал эти уравнения от вида, предсказывающего траекторию, к виду, отпределяющему поперечное сечение, и проинтегрировал по поглощающей поверхности. Это дает ряд u и ряд V . Отсюда легко получить зависимость $u-V$. Не так?

Все с тем же скучающим видом адмирал спросил:

— Успели записать?

Я заметил, что один из его молодчиков стал stenografировать.

— Так точно, — сказал он.

Затем адмирал поднял трубку телефона.

— Говорит Мак-Дональд. Мне нужен доктор Майнз из Брукхейвенской лаборатории. Срочно. — Он обратился к Гомесу: — Доктор Майнз возглавляет отдел теоретической физики в Комиссии по атомной энергии. Я сейчас спрошу его, что он думает по поводу твоих уравнений. Полагаю, он сразу выведет тебя на чистую воду со всей этой болтовней. Тогда уж тебе придется признаться, откуда ты взял эти уравнения.

Гомес, казалось, совершенно перестал понимать, что от него хотят. Между тем адмирал говорил в трубку:

— Доктор Майнз? Это адмирал Мак-Дональд из Службы безопасности. Мне хотелось бы узнать ваше мнение вот о чем. — Он нетерпеливо щелкнул пальцами, и ему подали блокнот со стенографической записью.

— Некто сказал мне, что ему удалось получить одно отношение, — и он стал медленно читать, — взяв случайное блуждание нейтрона, рассчитанное в матричной механике Оппенгеймером, преобразовав его от вида, предсказывающего траекторию, к виду, определяющему поперечное сечение, и проинтегрировав по поглощающей поверхности.

В комнате стояла тишина, я ясно слышал возбужденный голос на другом конце провода. Тем временем все лицо адмирала, от бровей до шеи, медленно наливалось кровью. Голос в трубке умолк, и после долгой паузы адмирал ответил очень медленно и мягко:

— Нет, это не Ферми и не Спилард. Я не имею права сказать, кто. Не могли бы вы безотлагательно прибыть в Федеральное управление безопасности в Нью-Йорке? Мне... мне необходима ваша помощь.

Он устало повесил трубку и с крайне удрученным видом вышел из комнаты.

Его молодчики смотрели друг на друга с неподдельным удивлением. Один сказал:

— Пять лет я...

— Молчи, — оборвал его другой, глазами показывая на меня.

Гомес спросил с интересом:

— Что тут все-таки происходит? Странно все это, а?

— Не бойся, малыш, — успокоил его я, — похоже, что тебе удастся выпутаться.

— Молчать! — накинулся на меня охранник, и мне только и оставалось, что заткнуться.

Через некоторое время принесли кофе и бутербро-

ды, и мы принялись за еду. А еще через какое-то время вошел адмирал в сопровождении доктора Майнза, седовласого морщинистого янки из Коннектикута.

— Мистер Гомес, — начал Майнз с места в карьер, — адмирал сказал мне, что вы либо превосходно обученный русский шпион, либо феноменальный атомный физик-самоучка.

— Россия?! — заорал Гомес. — Он сошел с ума! Я американский гражданин Соединенных Штатов.

— Возможно, — согласился доктор Майнз. — Адмирал также сказал, что вы считаете зависимость $u-V$ очевидной. Я бы назвал это глубоким проникновением в теорию непрерывных дробей и умножения комплексных чисел.

Гомес попытался что-то ответить, но язык его не слушался. Когда он смог наконец выговорить: — *For favor*, можно мне лист бумаги? — глаза его буквально сияли.

Ему дали стопку бумаги, и пошло, и пошло...

Целых два часа Гомес и Майнз что-то непрерывно писали и говорили, говорили и писали. Майнз снял сначала пиджак, потом жилет, затем галстук. Бьюсь об заклад, что факт нашего присутствия едва ли доходил до его сознания. Что касается Гомеса, то он казался еще более отрешенным. Он не снимал пиджака, жилета и галстука. Но для него просто ничего не существовало, кроме этого скоростного обмена идеями посредством формул и кратких ясных математических терминов. Доктор Майнз вертелся в своем кресле, как юла; иногда его голос просто звенел от возбуждения. Гомес сидел тихонечко и все время что-то писал, приговаривая ровным, низким голосом и глядя прямо на доктора Майнза.

Наконец Майнз выпрямился, встал и сказал:

— Гомес, я больше ничего не соображаю, мне

нужно все это обдумать. — Он схватил в охапку свою одежду и направился к выходу. Только тут до него дошло, что мы все еще находимся в комнате.

— Ну что? — спросил адмирал мрачно.

Майнз улыбнулся:

— Он, конечно, настоящий физик.

— Хиггинс, отведите его в соседнюю комнату, — распорядился адмирал.

Гомес послушно дал себя увести, словно был под гипнозом.

Доктор Майнз не преминул съехидничать:

— Уж эта мне служба безопасности!

Адмирал проскрежетал:

— Попрошу вас об этом не беспокоиться, доктор Майнз. Служба безопасности находится в моей компетенции, а не в вашей. Этот молодой человек утверждает, будто он самостоятельно вывел эти уравнения. От вас требуется лишь выразить свое мнение по данному вопросу.

Доктор Майнз мгновенно стал серьезным.

— Да, — сказал он. — Это не вызывает никаких сомнений. Более того, я вынужден признаться, что мне было совсем нелегко следовать за мыслью Гомеса.

— Понимаю. — Адмирал натянуто улыбнулся. — Но не соблаговолите ли вы объяснить, как такое могло случиться?

— Нечто подобное уже бывало, адмирал, — возразил доктор Майнз. — По-видимому, вам не приходилось слышать о Рамануйяне?

— Нет.

— Так вот. Рамануйяна родился в 1887 году и умер в 1920. Это был бедный индеец, который дважды провалился на экзаменах в колледж и в конце концов стал мелким чиновником. Он сумел стать великим ученым, пользуясь всего лишь устаревшим

учебником математики. В 1913 году он послал несколько своих работ одному профессору в Кембридж. Его труды получили немедленное признание, а его самого вызвали в Англию и избрали членом Королевского Общества.

Адмирал с сомнением покачал головой.

— Такое случается, — продолжал Майнз. — Да-да, такое бывает. У Рамануйяны была лишь одна старая книга. А мы с вами живем в Нью-Йорке. К услугам Гомеса вся математика, какую он только может пожелать, и огромное количество незасекреченных и рассекреченных данных по ядерной физике. И конечно, гениальность. Как он прекрасно связывает все!.. Мне кажется, он имеет весьма смутное представление о том, как доказать правильность отдельных положений. Он просто видит связь между явлениями. Чрезвычайно полезная способность, можно только позавидовать. Там, где мне нужен, скажем, десяток ступеней, чтобы с огромным трудом осилить путь от одного вывода к другому, он преодолевает все расстояние одним блистательным прыжком.

— Не хотите ли вы сказать, что... что он более талантливый физик, чем вы?

— Да, — сказал доктор Майнз. — Он намного способнее меня.

С этими словами он удалился.

Адмирал долгое время неподвижно сидел за столом, что было на него совсем не похоже.

— Адмирал, — сказал я, — что будем делать?

— Что? А, это вы. Теперь все это не имеет ко мне отношения, поскольку государственной безопасности ничто не грозит. Я передам Гомеса в Комиссию по атомной энергии, чтобы его можно было использовать в интересах государства.

— Как машину? — спросил я, чувствуя отвращение.

Его ледяные глаза, словно два ствола, смотрели на меня в упор.

— Как оружие, — сказал он, не повышая голоса.

Он был прав. Разве я не знал, что мы воюющая страна? Знал, как не знать. И все знали. Налоги, нехватка жилья, похоронные извещения... Я почесал небритый подбородок, вздохнул и отошел к окну. Площадь Фоли-сквер внизу была по-воскресному безлюдной, и только вдаль шла какая-то девушка. Она дошла до конца квартала, повернулась и побрела обратно. В ее медленной, печальной походке чувствовалась безысходность.

И вдруг я вспомнил, где ее видел. Та миленькая официанточка из «Порто Белло». Наверное, она вскочила в такси и проследила, куда увозили ее Хулио. «Плохи твои дела, сестренка, — сказал я про себя. — Хулио уже не просто симпатичный паренек. Он теперь военный объект».

Быть может, мысли действительно передаются на расстояние? Казалось, она меня услышала. Прижимая к глазам крошечный платочек, она вдруг повернулась и побежала к метро.

Гомес был несовершеннолетний, поэтому контракт за него подписали родители. То, что значилось в этом документе в графе «Описание работы», не имело значения, главное — для государственного служащего он сорвал довольно большой куш.

Я тоже подписал контракт — в качестве «специалиста по информации». Думаю, что на самом деле мне отводилась роль наполовину приятеля Гомеса, наполовину летописца, а скорее всего, они хотели для собственного спокойствия не терять меня из виду.

Нас никак не называли. Ни «Операция Такая-то», или «Проект Такой-то», или там «Задача Овладения

Черт-Знаст-Чем-В-Клеточку» — нет, у нас была просто группа, состоящая из пяти человек, которых поместили в хороший дом из пятнадцати комнат на окраине Милфорта, штат Нью-Джерси. Наверху в отдельной комнате с досками и мелом, заваленной книгами и техническими журналами, жил Гомес; раз в неделю его посещал доктор Майнз. Там же была троица из Службы безопасности: Хиггинс, Далаузи и Лейцер, которые расположились внизу, спали по очереди и рыскали вокруг дома. Жил в доме и я.

Беседы с доктором Майнзом помогали мне быть в курсе событий и вести записи. Не подумайте, что я хоть сколько-нибудь разбирался в том, что все это значит. Мои знакомые военные корреспонденты рассказывали мне, какая ужасная жизнь у них была на фронте, когда в их распоряжении имелись только официальные данные. «Столько-то палетов... Жертв на 15% меньше, чем ожидалось... Решительное продвижение вперед в активном секторе, несмотря на довольно сильное сопротивление противника...» Что поймешь из такой информации!

Примерно такие же записи можно найти в моем дневнике — это единственное, что мне сообщалось. Вот образец: «По рекомендации д-ра Майнза Гомес сегодня начал работу над теоретическим обоснованием конструкции фазового реактора, который будет построен в Брукхейвенской национальной лаборатории. Ему предстоит вывести тридцать пять пар дифференциальных уравнений в частных производных... Сегодня Гомес сделал предварительное сообщение о том, что при проверке некой теоретической работы, проведенной в Лос-Аламосской лаборатории КАЭ, он обнаружил ошибочность предположения о нейтронно-спиновом характере... Д-р Майнз заявил сегодня, что Гомес, стремясь преодолеть трудности, связанные с управлением термоядерными реакциями,

успешно воспользовался до сего времени неизвестным аспектом тензорного анализа Минковского...»

Однажды во время встречи с Майнзом я попытался протестовать против подобного пустомельства. Думаете, он рассердился? Ничуть не бывало. Всего-навсего поудобней устроился в кресле и спокойно изрек:

— Вильчек, при всем моем расположении к вам должен сказать, что вам сообщается все, что вы в состоянии понять. Любые подробности означают утечку важной научной информации, которая может быть использована иностранными державами.

Пришлось поверить ему на слово. Я тщательно переписывал сообщения, которые он давал, и старался к тому же не упускать того, что могло бы заинтересовать моих читателей, когда придет время делать материал из этой заварухи. Так, я отметил успехи Гомеса в английском языке, его пристрастие к пирогам с мясом и рисовому пудингу, привычку самому убирать свою комнату, упомянул, какой он чистюля, ну прямо вылитая старая дева. «Проживешь пятнадцать лет в трущобе, Бил, и поймешь, что очень любишь чистоту и уют». Я часто видел, как доктор Майнз ходит за ним по пятам наверху, когда он подметает пол и вытирает пыль, донимая его своей математической галиматьей.

Обычно Гомес работал по сорок восемь часов крыду; ел он при этом очень мало. Затем день-другой жил, как нормальный человек: спал вволю, играл в кэтч с кем-нибудь из охранников, рассказывал мне о своем детстве в Пуэрто-Рико и юности в Нью-Йорке.

— А тебе не надоело здесь? — спросил я однажды.

— Разве мне плохо? — ответил он. — Ем сытно, могу посылать деньги родителям. А что еще лучше — знаю, о чем думают большие профессора, и не дол-

жен ждать пять-десять лет этот проклятый рассекречивание.

— Разве у тебя нет девушки?

Здесь он смутился и перевел разговор на другое.

А потом случилось вот что. Приехал доктор Майнз; его шофер был похож на человека из ФБР, каковым, по-видимому, он и был. По обыкновению, физик нес в руках толстенный портфель. Поздоровавшись со мной, он поднялся наверх, к Хулио.

Там, взаперти, они пробыли часов пять подряд — такого прежде не случалось. Когда доктор Майнз спустился, я, как обычно, надеялся получить от него информацию. Но он только сказал:

— Ничего серьезного. Просто обсудили некоторые его идеи. Я велел ему продолжать работу. Мы использовали его, как бы это сказать... в качестве вычислительной машины. Заставили слегка пройтись по проблемам, которые не по зубам мне и некоторым моим коллегам.

К обеду Гомес не спустился. Ночью я проснулся от какого-то грохота наверху. Я ринулся туда прямо в пижаме.

Гомес, одетый, лежал на полу. Видимо, не подозревая о препятствии, он споткнулся о скамеечку для ног. Губы его что-то шептали, и он смотрел на меня невидящими глазами.

— Хулио, ты здоров? — спросил я, помогая ему встать на ноги.

Он поднялся медленно, как во сне, и сказал:

— ...действительные величины функции дзета исчезают.

— Что?

Тут он наконец увидел меня и удивился:

— Как ты попал здесь наверх, Бил? Уже время обед?

— Четыре часа утра, *por Dios*. По-моему, тебе давно пора быть в постели.

Он выглядел просто ужасно.

Нет, он, видите ли, не может спать, у него уйма работы. Я спустился к себе и целый час, пока не заснул, слышал, как он расхаживает взад-вперед над моей головой.

На сей раз он не уложился в сорок восемь часов. Целую неделю я приносил ему еду, и он с отсутствующим видом жевал, одновременно что-то записывая на желтой грифельной доске. Иногда я приносил обед и убирал нетронутый завтрак. У него отросла недельная щетина — не было времени поесть, побраться, поговорить.

Положение показалось мне серьезным, и я спросил Лейцера, что мы будем делать, потому что он мог связаться с Нью-Йорком по прямому проводу. Он ответил, что ему не дано никаких указаний на случай нервного истощения его подопечного.

Тогда я подумал, может, доктор Майнз как-то прореагирует, когда придет — скажем, позвонит врачу или велит Гомесу не надрываться. Ничуть не бывало. Он прямоком отправился наверх, а когда спустился через два часа, то сделал вид, будто меня не замечает. Но я не дал ему пройти мимо и спросил в упор:

— Ну, что скажете?

Он посмотрел мне в глаза и сказал вызывающе:

— Дела идут неплохо.

Доктор Майнз был неплохой человек. Человечный. Но он и пальцем бы не шевельнул ради того, чтобы мальчишка не заболел от переутомления. Доктор Майнз неплохо относился к людям, но по-настоящему любил только теоретическую физику.

— Есть ли необходимость так вкалывать?

Он возмущенно пожал плечами.

— Так работают многие ученые. Ньютон работал так...

— Но какой в этом смысл? Почему он не спит и не ест?

Майнз ответил:

— Вам этого не понять.

— Куда мне! Я ведь всего лишь малограмотный репортер. Просветите меня, господин специалист.

После долгого молчания он сказал, уже не так сурово:

— Как бы это объяснить... Ладно, попробую. Этот паренек наверху заставляет работать свой мозг. К примеру, великий шахматист может с завязанными глазами дать сеанс одновременной игры сотне обыкновенных любителей шахмат. Так вот, все это не идет ни в какое сравнение с тем, что делает Хулио. У него в голове миллионы фактов, имеющих отношение к теоретической физике. Он перебирает их в уме, вытаскивает на свет божий один отсюда, другой оттуда, находит между ними связь с самой неожиданной стороны, выворачивает их наизнанку, ставит с ног на голову, анализирует, сравнивает с общепринятой теорией — и все время держит в памяти, а главное, непрестанно соизмеряет с основной целью, ради которой работает.

Я вдруг почувствовал нечто совсем необычное для репортера — смущение.

— Что вы имеете в виду?

— Мне кажется, он работает над единой теорией поля.

Очевидно, Майнз полагал, что этим все сказано. Я же всем своим видом показал, что по-прежнему остаюсь в неведении.

Он задумался.

— Право, не знаю, как объяснить это неспециалисту. Не обижайтесь, Вильчек. Ну, попытаюсь.

Вы, вероятно, знаете, что математика развивается волнообразно, прокладывая дорогу прикладным наукам. Ну, например, в средние века сильно продвинулась вперед алгебра, что повлекло за собой расцвет мореплавания, землепроходства, артиллерии и т. д. Затем пришло Возрождение, а с ним математический анализ. Отсюда было недалеко до освоения пара, изобретения различных машин, электричества. Эра современной математики, начавшаяся, скажем, с 1875 года, дала нам атомную энергию. Не исключено, что этот паренек может способствовать возникновению новой волны.

Он встал, надел шляпу.

— Минутку,— сказал я, сам удивляясь тому, что голос мне не изменяет.— А что дальше? Власть над тяготением? Власть над личностью? Транспортировка людей по радио?

Доктор Майнз вдруг показался мне старым и измученным.

— Не беспокойтесь о мальчике,— сказал он, старательно избегая моих глаз, — все будет в порядке.

И он ушел.

Вечером я принес Гомесу кусок пирога с мясом и гоголь-моголь. Он выпил немного, рассеянно поблагодарил меня и повернулся к своим листкам.

Вечером следующего дня все это неожиданно кончилось. Гомес, худой, как рикша, шатаясь, спустился на кухню. Откинув со лба непослушные волосы, сказал: «Бил, что бы поесть?..» — и вдруг грохнулся на пол. На мой крик прибежал Лейцер, со знанием дела пощупал пульс Гомеса, подложил под него одеяло и накрыл другим.

— Это просто обморок,— сказал он.— Его нужно перенести на кровать.

Мы отнесли Гомеса наверх и уложили. Придя в себя, он пробормотал что-то по-испански, а затем, увидев нас, сказал:

— Ужасно извините, ребята. Должен был вести себя лучше.

— Сейчас дам тебе поесть,— сказал я и получил в ответ приветливую улыбку.

Он с жадностью набросился на еду, а насытившись, отвалился на подушку.

— Новое есть, Бил?

— Что новенького? Это ты должен сказать мне, что новенького. Ты кончил работу?

— Почти. Самые трудности уже сделал.

И он скатился с постели.

— Ты бы полежал еще,— попробовал настоять я.

— Со мной все в порядке,— сказал он улыбаясь.

Я последовал за ним в его комнату. Он вошел, опустился в кресло; глаза его были прикованы к испещренной символами доске, затем он закрыл лицо руками. От улыбки не осталось и следа.

— Доктор Майнз сказал, что ты чего-то достиг.

— Si. Достиг.

— Он говорит, единая теория поля.

— Угу.

— Это хорошо или плохо? — спросил я, облизывая от волнения губы. — Я имею в виду, что из этого может выйти.

Рот мальчика неожиданно вытянулся в одну жесткую линию.

— Это не мое дело,— сказал он.— Я американский гражданин Соединенных Штатов.

И он уставился на доску, покрытую таинственными значками.

Я тоже посмотрел на доску — нет, не просто взглянул, а посмотрел внимательно — и был поражен

тем, что увидел. Высшей математики я, конечно, не знаю. Но кое-что слышал о ней краем уха: ну, например, что там бывают всякие сложные формулы, состоящие из английских, греческих и еще черт знает каких букв, простых, квадратных и фигурных скобок и множества значков, кроме известных каждому плюса и минуса.

Ничего похожего на доске не было. Там были написаны варианты одного простого выражения, состоящего из пяти букв и двух символов: закорючки справа и закорючки слева.

— Что это значит?

— Это у меня получилось. — Мальчуган явно нервничал. — Если сказать словами, то значок слева означает «покрыть полем», а справа — «быть покрытым полем».

— Я спрашиваю, что это значит?

В его черных сияющих глазах появилось выражение загнанного зверя. Он промолчал.

— Здесь все выглядит очень просто. Я где-то читал, что решенная задача всегда кажется очень простой.

— Да, — сказал он едва слышно, — это очень просто, Бил. Даже слишком просто, я сказал бы. Лучше я буду держать это в голове.

И он подошел к доске и стер все, что там было написано. Моим первым движением было остановить его. Он улыбнулся очень горькой улыбкой, какой я никогда прежде не замечал у него.

— Не бойся, я не забуду, — он постучал костяшками пальцев по лбу, — не смогу забыть.

Я от всей души надеюсь, что никогда больше ни у кого не увижу такого выражения в глазах, какое было тогда у моего юного друга.

— Хулио, — сказал я потрясенно. — Почему бы тебе не уехать ненадолго? Поезжай в Нью-Йорк, по-

гости у родителей, отвлекись, а? Они не могут держать тебя здесь насильно.

— Они предупредили меня, что я не имею права отлучаться,— сказал он неуверенно. Затем в его голосе вдруг появилось упрямство.— Ты прав, Бил. Давай поедем вместе. Я пойду одеться, а ты... ты скажи Лейцеру, что мы хотим уйти.

Я сказал Лейцеру, и тот чуть не лопнул от злости. Затем принялся нас уговаривать не уезжать, на что я ответил, что мы, кажется, не в армии и не в тюрьме. К концу концов я разошелся и начал орать, что он не имеет права держать нас взаперти и будь он проклят, если мы не уйдем. Ему ничего не оставалось, как связаться с Нью-Йорком по прямому проводу, и там они с большой неохотой вынуждены были согласиться.

Мы отправились на поезд, идущий в Нью-Йорк в 4.05. Хиггинс и Далхаузи следовали за нами на почтительном расстоянии. Гомес их не замечал, а я не считал нужным ставить его об этом в известность.

Родители Гомеса жили теперь в новехонькой трехкомнатной квартире. Мебель тоже была только что из магазина, а на чьи денежки она была приобретена, вы, конечно, понимаете. Отец и мать говорили только по-испански, а я был представлен как Бил, *mi amigo*. Они что-то пробормотали в ответ, явно стесняясь.

Заминка произошла, когда мать Гомеса принялась накрывать на стол. Гомес, запинаясь, сказал, что ему не хочется уходить, но мы уже договорились обедать в другом месте. Мать в конце концов вытянула из него, что мы идем в «Порто Белло», чтобы повидаться с Розой, и тогда все снова заулыбались. Отец сказал мне, что Роза хорошая, очень хорошая девушка.

Когда мы спускались по лестнице, а вокруг нас с

криком бегала ватага мальчишек, играющих в пятнашки, Гомес с гордостью произнес:

— Не подумать, что они так мало живут в Соединенные Штаты, верно?

У подъезда я взял его под руку и решительно повернул вправо, иначе он наверняка увидел бы нашу «охрану». Зачем? Я хотел, чтобы ему было хорошо.

В «Порто Белло» было полным-полно народу, и малышка Роза, конечно же, сидела за кассой. В последнюю минуту Гомес чуть было не повернул обратно от страха.

— Мест нет,— пролепетал он,— пойдем куда-нибудь еще.

Я почти силой затащил его в закусочную.

— Найдем столик.

В это время от кассы донеслось:

— Хулио!

Он потупился:

— Здравствуй, Роза! Я приехал погостить.

— Я так рада тебя видеть,— ее голос прерывался от волнения.

— И я рад.— Здесь я незаметно толкнул его.— Роза, это мой друг Бил. Мы вместе работаем в Вашингтоне.

— Рад с вами познакомиться, Роза. Не хотите ли поужинать с нами? Думаю, вам найдется, о чем поговорить с Гомесом.

— Постараюсь... А вот и столик для вас. Постараюсь освободиться.

Мы сели за столик. Роза присоединилась к нам. Очевидно, ей удалось уломать хозяйку.

Мы ели *arroz con pollo* — курицу с рисом — и еще многое другое. Постепенно они перестали смущаться и почти забыли про меня, а я, разумеется, принял это как должное. Приятная пара. Мне нравилось, как они улыбались друг другу, с какой радостью вспо-

минали свои походы в кино, прогулки, разговоры. В ту минуту я забыл выражение лица Гомеса, когда он повернулся ко мне от доски, покрытой слишком уж простыми формулами.

Когда подали кофе, я не выдержал и решил прервать их разговор — они уже держались за руки:

— Хулио, почему бы вам не пойти погулять? Я буду ждать тебя в отеле «Мэдисон Парк».

Я записал адрес на клочке бумаги и отдал ему.

— Я закажу тебе номер. Гуляй и ни о чем не думай.

Я похлопал его по коленке. Он посмотрел вниз, и я сунул ему четыре бумажки по двадцать долларов.

— Здорово, — сказал он. — Благодарю.

Вид у него при этом был очень смущенный. Я же чувствовал себя его отцом и благодетелем.

Я давно заметил паренька, который угрюмо сидел в углу и читал газету. Он был примерно одного роста с Хулио и такого же сложения. И спортивная куртка на нем была почти такая же, как на Хулио. На улице уже совсем стемнело.

Когда юноша встал и направился к кассе, я сказал Хулио и Розе:

— Ну, мне пора. Веселитесь.

И вышел из ресторана вместе с ним, стараясь идти рядом, — для тех, кто следил за нами.

Через квартал-другой ему это, видно, надосло, он повернулся ко мне и зарычал:

— Эй, мистер, чего тебе надо? Катись отсюда!

— Ладно, ладно, — миролюбиво ответил я и зашагал в противоположном направлении. Очень скоро я врезался в Хиггинса и Далхаузи, которые остановились как вкопанные, с открытыми от удивления ртами. Они ринулись обратно в «Порто Белло», и теперь уже я последовал за ними, чтобы убедиться, что Розы и Хулио там не было.

— Ай да молодцы,— не удержался я, хотя желание стереть меня с лица земли было ясно написано на лицах охранников.— Ничего страшного. Он пошел прогуляться со своей девушкой.

Далхаузи как-то странно всхлипнул и приказал Хиггинсу:

— Прочеси окрестности. Может, удастся их засечь. Я буду следить за Вильчеком.

Со мной он не желал разговаривать. Я пожал плечами, взял такси и поехал в «Мэдисон Парк», уютный старомодный отель с большими комнатами. Я всегда там останавливаюсь, если приезжаю по делам в Нью-Йорк. Я заказал два однокомнатных номера — один себе, другой рядом — Гомесу.

Перед сном я прогулялся по городу и выпил пару кружек пива в одной из нарочито ирландских пивных на Третьей авеню. Там я побеседовал с каким-то чудаком, который долго доказывал мне, что у русских нет атомной бомбы, а потому нам нужно хорошенько долбануть их промышленные центры.

Я долго не мог уснуть. Этот человек, серьезно веривший, что русские не смогут ответить ударом на удар, заставил меня задуматься. В голове роилось множество самых неприятных мыслей. Доктор Майна, который на глазах превратился в старика, стоило мне заговорить с ним о результатах Гомеса... Затравленное выражение в глазах мальчугана... Мои собственные, где-то вычитанные или услышанные сведения о том, что атомная энергия — «это лишь малая часть энергии, заключенной в атоме...» Мое убеждение, что гений только прокладывает дорогу, а шагают по ней жалкие посредственности...

Наконец сон все-таки сморил меня. На три часа.

Поздно ночью зазвенел телефон; звонил он долго и настойчиво. Я снял трубку. Некоторое время в ней переговаривались телефонистки междугородной свя-

ви, затем до меня донесся далекий счастливый голос Гомеса:

— Бил, поздравь нас. Мы обженились!

— Поженились, а не обженились,— сонным голосом поправил я.— Ну-ка, повтори!

— Мы поженились! Я и Роза. Мы сели в поезд, потом таксист привез нас в мэрию, а сейчас мы идем в отель здесь.

— Поздравляю,— сказал я, окончательно проснувшись.— От всего сердца. Но ты ведь еще несовершеннолетний, нужно подождать...

— Не в этом штате. Здесь, если я им скажу, что мне двадцать один год, значит, так и есть.

— Ах так! Ну, еще раз поздравляю, Хулио.

— Спасибо, Бил,— послышалось в ответ.— Я звоню тебе, чтоб ты не беспокоился, когда я не приду ночевать. Мы с Розой, наверно, приедем завтра. Я позвоню тебе еще. Я храню бумажку с адресом.

— Ладно, Хулио. Всего наилучшего вам обоим. Не беспокойся ни о чем.

Я повесил трубку, хмыкнул и тут же вновь погрузился в сон.

Верите ли, все повторилось сначала. Костлявая рука адмирала Мак-Дональда вновь решительно вытащила меня из постели. Было раннее солнечное нью-йоркское утро. Вчера Далхаузи безрезультатно «прочесал окрестности», испугался за последствия и позвонил высшему начальству.

— Где он? — взревел адмирал.

— Едет сюда со своей девушкой, которая сутки назад стала его женой,— отпартовал я.

— Боже милостивый, что же теперь делать? Я позабочусь о том, чтобы его призвали в армию в части особого назначения...

— Послушайте, — не вытерпел я. — Когда вы, наконец, перестанете обращаться с ним, как с пешкой, которую можно безнаказанно передвигать, куда захочешь?! Вас беспокоят вопросы долга перед страной, ну и слава богу: кто-то ведь должен этим заниматься. Тем более что это ваша профессия. Но поймите же, что Гомес еще ребенок, и вы не имеете права калечить ему жизнь, используя его как машину для решения научных проблем. Конечно, я мало что в этом смыслю, я человек простой. Но вы, профессионалы, почему вы не задумываетесь над тем, что, если вы копнете слишком глубоко, все может полететь к чертовой матери?!

Он посмотрел на меня пронизывающим взглядом и ничего не ответил.

Я оделся и позвонил, чтобы мне припесли завтрак в номер. Адмирал и Далхаузи уныло ждали; в полдень Гомес позвонил.

— Хулио, поднимайся сюда.

Я, признаться, очень устал от всех этих передраг.

Он просто впорхнул в комнату, ведя под руку раскрасневшуюся от смущения Розу. Адмирал тут же поднялся и принялся его отчитывать голосом, в котором слышалась скорее печаль, чем гнев. Он не забыл упомянуть, что Гомес плохо относится к обязанностям гражданина своей страны. Ведь его талант принадлежит Соединенным Штатам Америки. А его поведение носит совершенно безответственный характер.

— И в качестве наказания, мистер Гомес, я хочу, чтобы вы немедленно сели и записали матрицы для поля, которые вы вывели. Преступно, что вы так самонадеянно и бездумно доверяете памяти вещи, имеющие жизненно важное значение. Вот!

Карандаш и бумага полетели прямо в лицо Го-

меса, который выглядел совершенно потерянным. Роза едва сдерживала слезы.

Гомес взял бумагу и карандаш и молча сел за письменный стол. Я взял Розу за руку. Бедняжка, она дрожала как осинový лист.

— Не бойся, — сказал я. — Они ничего ему не сделают. Не имеют права.

Хулио начал писать. Затем глаза его стали совсем круглыми, он схватился за голову:

— ¡Dios mio! — воскликнул он. — ¡Esta perdido! ¡Olvidato!

Что значит: «Бог мой, я потерял это! Забыл!»

Адмирал побелел так, что бледность проступила сквозь густой загар.

— Спокойно, дружок! — голос его звучал успокаивающе. — Я не хотел пугать тебя. Отдохни немного и подумай снова. Ты не мог забыть это, с твоей-то памятью! Начни с чего-нибудь легкого. Ну, скажем, с простого биквадратного уравнения.

Гомес все смотрел на него. После долгого молчания он с трудом произнес:

— No puedo. Не могу. И это забыл. Я ни разу не вспомнил физику и математику с тех пор, как...

Он посмотрел на Розу и слегка покраснел. Роза не отрывала глаз от носков своих туфель.

— Что делать, — сказал Гомес неожиданно охрипшим голосом. — Ни разу не вспомнил. Раньше всегда у меня в голове — математика. Но с тех пор — нет.

— Господи помилуй, — сказал адмирал. — Может ли такое случиться?

И он потянулся к телефону.

По телефону ему сообщили: да, такое бывает.

Хулио вернулся в свой испанский Гарлем и купил «Порто Белло» на заработанные деньги. Я вернулся в свою газету и купил автомобиль на то, что заплатили мне. Мак-Дональд так и не предал дело гласнос-

ти, и мой редактор мог с гордостью заявить, что однажды ему удалось провести адмирала, хотя он так и не воспользовался своим монопольным правом.

Несколько месяцев спустя я получил от Хулио и Розы открытку, извещавшую о рождении первенца: мальчик, весит шесть фунтов, назвали Франсиско в честь отца Хулио.

Я сохранил открытку и, как только мне довелось побывать в Нью-Йорке (задание редакции: Национальная ассоциация бакалейщиков; бакалейные продукты — ходкий товар в нашем городе), зашел к ним. Хулио чуточку повзрослел и стал более уверенным в себе. Роза, увы, начала полнеть, но была по-прежнему чрезвычайно мила и все так же обожала своего Хулио. Малыш был медового цвета и очень бойкий.

Хулио непременно хотел приготовить в мою честь *aggròz con pollo* — ведь именно это блюдо мы ели в тот вечер, когда я, можно сказать, толкнул его в объятия Розы. Решено было пойти в соседнюю лавку за продуктами. Я вызвался помочь.

В лавке Хулио заказал рис, дыпленка, овощи, перец — он чуть не скупил все (многие мужья не могут остановиться, когда попадают в магазины), едва ли не пятьдесят видов продуктов, которые, по его мнению, могут в крайнем случае полежать в кладовой.

Старик хозяин, ворча, записывал стоимость покупок на пакете; потом он стал складывать доллары и центы, пересчитывая все по сто раз. Тем временем Хулио поведал мне, что «Порто Белло» процветает и что хорошо бы его расширить, прикупив магазин.

— Семнадцать долларов сорок два цента, — выдал наконец старик.

Хулио взмахнул ресницами в сторону колонки цифр, записанных на пакете.

— Должно быть семнадцать тридцать девять,—
сказал он с упреком.— Сосчитайте снова.

Лавочник с трудом сосчитал.

— Семнадцать тридцать девять, правда ваша.

И он принялся заворачивать покупки.

— Хулио?! — только и вымолвил я.

Больше ни слова, ни в тот момент, ни после.

— Никому не говори, Бил,— сказал Хулио.

И подмигнул.

Победоносный рецепт

Однажды утром, сойдя вниз, мисс Мези увидела, что автокорзинка для бумаг злонамеренно засасывает вчерашнюю почту, которую она вовсе еще не собиралась выбрасывать. Часы-календарь объявили время каким-то необыкновенно визгливым голосом; так нахально домашние автоматы обращались только с ней.

«Надо быть *твердой*», — подумала мисс Мези. И однако у нее задрожали губы, как всегда бывало, когда она робела. А робела она чересчур часто. Преглупо в наш век быть трусихой, ведь на дворе просвещенный и мирный год две тысячи второй. Брат мисс Мези не уставал ей это повторять, но, чем больше он кричал и топал ногами, тем сильнее ее одолевала робость.

Мисс Мези выключила автокорзинку и тихо посто-
яла, глядя на самодовольный циферблат часов; она раздумывала о нахалах и тиранах вообще и о домашних автоматах в частности. Она их боялась и ненавидела всех до единого. В доме полным-полно всяких механизмов, они что-то всасывают, пережевывают, выдувают. С утра до ночи только и делаешь, что опасливо нажимаешь кнопки, переводишь рычаги да разбираешься в пестрящих дырками лентах: машины высовывают их, точно длинные языки, чего-то от

тебя требуют, на что-то жалуются. А в последнее время, видно, почували, что она их боится, и нахально плюются и шипят на нее, не скрывают презрения к ее слабости. У брата Джона, конечно, намерения самые лучшие, но он прямо одержим страстью ко всем этим механическим штукам.

— Не будь мямлей, Клер! — орет Джон, когда она жалобно уверяет, что предпочла бы всю работу по дому делать своими руками. — Вперед! Вот наш девиз! Кто это в наше время обходится без домашних автоматов? Смелей! Больше пылу, больше жару! Докажи, что в тебе есть щепотка перцу!

Чаще всего после таких разговоров он отправляется в город и покупает какую-нибудь новую машину, еще сложнее и страшней прежних, — чтобы взбодрить сестру, подбавить в ее нрав перцу, как он выражается.

Сейчас брат распахнул дверь и громким голосом потребовал завтрак. Часы исполненным достоинством баритоном сообщили точное время.

— Опять ты опаздываешь с едой, Клер, — проворчал Джон Мези. — Неужели нельзя живей поворачиваться? Да сделай милость, брось ты свою болтологию. Ты слишком много торчишь на кухне. Я считаю, там тоже пора все осовременить. У меня уже есть кое-что на примете, — прибавил он, старательно избегая испуганного взгляда сестры.

До сих пор Джон никогда не вмешивался в кухонные дела. Мисс Мези — великая мастерица стряпать, а Джон всегда любил вкусно поесть. Она же просто не могла бы жить без стряпни. В это занятие она вкладывала всю свою изобретательность.

Джон пропустил ее робкие протесты мимо ушей и под конец признался, что новый автомат уже заказан, оплачен, и его с минуты на минуту доставят.

— «Великий Автоповар» может приготовить все

на свете, — говорил Джон с набитым ртом. — Ну же, Клер, хватит канючить. Привыкнешь. Этой машиной управлять проще простого. Думать она и сама умеет. Вот увидишь.

Насытись, он отправился на вертолете в город (сестра подозревала, что там он бессовестно тиранит своих подчиненных), а мисс Мези уселась в гостиной и приготовилась принять удар судьбы. Сперва она всплакнула, потом стала размышлять и наконец не без удивления почувствовала, что на смену привычной робости в ней поднимается дух противоречия.

— На этот раз Джон зашел слишком далеко, — шептала она. — Я буду бороться. Еще не знаю, как. Но все равно, какое он там чудище ни купил, я буду бороться до конца.

С некоторым опозданием она открыла, что подчас мужество рождается из робости, над которой слишком долго измывались. Наука, думала она, просто не принимает в расчет таких людей, как она, Клер Мези. Сегодня эта самая наука делает один исполинский шаг, через год — два шага. Кто знает, может быть, наука дойдет до того, что начнут фабриковать автоматических сестер? Джону это придется по вкусу. Мисс Мези упрямо стиснула зубы.

И тут из кухни донесся громкий, мерный стук. От испуга у мисс Мези задрожали руки. Вдруг какой-нибудь из автоматов Джона взбесился? Ее сердце неистово заколотилось, она уже распахнула дверь в сад и тут лишь поняла, что спасается бегством.

— Ну нет! — Она покраснела и вздернула подбородок. — Наверно, это просто доставили ту самую машину, которую заказал Джон. — Мисс Мези решительным шагом направилась в кухню. — Помни, Клер, — сказала она себе, — побольше смелости, жару и перцу.

В кухне двое молодых людей превесело заулыба-

лись ей навстречу, а она во все глаза уставилась на металлическую махину, что закрыла собою три стены от пола до самого потолка. «Великий Автоповар» был похож на необъятную картотеку, бесчисленные стальные ящики громоздились друг на друга. В окно мисс Мези увидела: возле длиннющего фургона кое-как свалена ее прежняя кухонная утварь.

— Надеюсь, мы вас не напугали, мисс Мези,— сказал один из молодых людей.— Мистер Мези сказал, чтоб мы просто вошли и все сделали.

Она стояла и смотрела застывшим взглядом; молодой человек помялся, поглядел на потолок.

— Это ж замечательная машинка. Из этих, само- сильно мыслящих, их не очень-то выдают гражданскому населению. (Он мельком заглянул в книжечку, которую держал в руке.) Вон как тут сказано: **«БЛОК ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ, ЕСТЕСТВЕННО, ОГРАНИЧЕН. ИЗГОТОВИТЕЛЬ ГАРАНТИРУЕТ ПЕРВОКЛАССНУЮ И ДАЖЕ СВЕРХСЛОЖНУЮ РАБОТУ ВЕЛИКОГО АВТОПОВАРА, ОДНАКО ХОЗЯЙКЕ СЛЕДУЕТ ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ НЕВЫПОЛНИМЫХ ТРЕБОВАНИЙ. МАШИНА ПСИХОЛОГИЯ ПОКА ЕЩЕ НЕДОСТАТОЧНО ИЗУЧЕНА. ИЗГОТОВИТЕЛЬ НЕ МОЖЕТ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЛЕДСТВИЯ, ЕСЛИ ИЗ-ЗА НЕОСТОРОЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ АВТОПОВАР ПОТЕРЯЕТ УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ».**

Он прочел еще несколько слов про себя, потом прибавил:

— В общем, печатная инструкция останется у вас. Вот что, мы dokonчим установку, а вы покуда почитайте, да повнимательней. Мы живо управимся.

Он легонько вытолкнул мисс Мези из кухни и закрыл дверь. За дверью опять громко, размеренно застучало, но мисс Мези уже ничего не слышала. Она

озабоченно перебирала в памяти все, что сказал этот человек. Теперь у нее есть оружие.

Когда техники ушли, мисс Мези остановилась перед Автоповаром, готовая померяться силами с врагом. В одной руке она сжимала кое-какие хитроумнейшие свои рецепты — длинные, трудные, над каждым из этих блюд приходилось хлопотать часами. В другой руке мисс Мези держала инструкцию и наскоро ее перечитывала.

«ГОВОРИТЕ ОТЧЕТЛИВО, ПРЯМО В МИКРОФОН НА ПАНЕЛИ Г-7», — приказывала книжка. Мисс Мези отыскала панель Г-7 и на мгновение струхнула, точно начинающая актриса перед выходом на сцену. Печатная инструкция затрепетала в ее руке, но она упрямо сжала зубы. **«ЕСЛИ В РАСПОРЯЖЕНИИ АВТОПОВАРА НЕ ИМЕЕТСЯ КАКОЙ-ЛИБО СОСТАВНОЙ ЧАСТИ, УКАЗАННОЙ В ВАШЕМ РЕЦЕПТЕ,— читала она,— ОН ВСЕГДА СУМЕЕТ ПОДЫСКАТЬ НАИЛУЧШУЮ ЗАМЕНУ».**

Мисс Мези решила вести честную игру. Она положила в пасть Автоповара немало всякой всячины из своих припасов. И потом добрый час читала в микрофон свои рецепты — пускай эта машина попробует потягаться с нею, истинной художницей кулинарного дела!

Ровным счетом через тридцать семь минут Автоповар выдал такое множество отменных блюд, что мисс Мези оставалось либо вынести их из кухни, либо удалиться самой. Тут хватило бы на званый обед, для такого изобилия кухня была тесновата. И все, что ни возьми, приготовлено безукоризненно. Больше того, Великий Автоповар выдавал кушанья уже разложенными по тарелкам, под гарниром, просто любо смотреть. Мисс Мези вызвала вертолет, отправила всю эту снедь в детскую больницу, устало вздохнула и начала все сызнова.

Она стояла перед машиной, следила за крохотными красными лампочками, горящими на панелях, прислушивалась к механическому кудактанью и мурлыканью, и ей чудилось, будто каждый красный глазок смотрит на нее с насмешкой.

— Ну погоди! — сказала она красноглазой панели. — Я так просто не сдамся. — И громко распорядилась: — «Взять поросенка в возрасте от трех до шести недель...»

Мисс Мези отнюдь не собиралась сунуть в пасть Великому Автоповару несчастного поросеночка. Предполагается, что эта чудо-машина всему на свете найдет замену, — что ж, пускай помается над невыполнимой задачей смастерить маленькую хрюшку. На сей раз Великий немного поворчал (мисс Мези тем временем напевала себе под нос что-то веселенькое) и часа через два выставил перед ней вполне убедительное подобие жареного поросенка, да еще с яблоком в зубах. Теперь уже Автоповар замурлыкал что-то веселенькое, а мисс Мези горько заплакала...

Время было позднее, того гляди вернется Джон. В совершенном унынии мисс Мези опустилась на пол посреди кухни; ее окружали маринованные устрицы, кнели из куропатки, фаршированная индейка и запеченная в тесте белка. Все, разумеется, ненастоящее, но вкус восхитительный. Ей явственно послышался голос Джона — уж, конечно, он закричит: «Может, ты ревнуешь, а, Клер? Ну-ну, брось. Побольше перцу, сестричка! Беда с тобой: сахару в характере избыток, а перцу маловато».

И вдруг ее осенило; чувство было такое, словно она вознеслась на горную вершину и ей явилось видение. Охваченная трепетом, она вновь подошла к панели Г-7.

— Рецепт, как делать мальчиков! — торжествующе вскричала она. — «Взять улиток, гвоздиков и ще-

нячьих хвостиков — вот тогда и получатся МАЛЬЧИКИ!» *

Лампочки на панелях Великого Автоповара запылали грозным багрянцем. Мягкое гудение переросло в отчаянный вой сирены. Мисс Мези кипулась в сад искать убежища. Вдогонку неся ужасающий лязг и скрежет, и все покрыл оглушительный грохот. Взрывом ее сбило с ног, она упала на колени — и тут все смолкло.

И в наступившей тишине мисс Мези надменно сказала пустому саду:

— Надеюсь, Джон останется доволен. Он желал перца — отныне в перце у него недостатка не будет.

* Английская детская песенка:

Из чего ж это сделаны мальчики?

Из чего ж это сделаны мальчики?

Взять улиток, гвоздиков

И щенячьих хвостиков —

Вот тогда и получатся мальчики.

Из чего ж это сделаны девочки?

Из чего ж это сделаны девочки?

Перцу взять и сахару

И сиропа всякого —

Вот тогда и получатся девочки.

Дождик, дождик, перестань...

Должен сознаться, господа, что я пришел сюда лишь по настоящему приглашению двух дюжих морских пехотинцев, тех самых, что стоят сейчас у меня за спиной. Я бы предпочел не трогаться с места — стоит ли хвататься за соломинку, когда идешь ко дну? Но раз уж я перед вами, хотя и против воли, я могу с тем же самым успехом отвечать на ваши вопросы. Только что толку? Все равно уже ничего не изменишь. Валяйте спрашивайте.

Что вы сказали, сенатор? Прошу прощения, но вам придется говорить чуть громче. Этот ужасный гул...

Ах, вот что... У вас создалось впечатление, что мои показания придется вытягивать силой. Ошибаетесь. Я и не собираюсь ставить палки в колеса. Просто не вижу смысла в этой церемонии. Если бы мою ошибку можно было исправить, я бы давно это сделал. Но это исключено. А за эти два месяца я уже столько раз каялся...

Ладно, будь по-вашему. Хотя должен сказать, что в нынешних обстоятельствах расследование по всей форме смахивает на нелепый фарс.

Меня зовут Алан Джеральд Харрингтон. Возраст — 43 года. Специальность — электроника. Про-

фессия — инженер-исследователь, в настоящее время безработный...

Благодарю вас, господа, за ваш смех. Приятно, что хоть чувство юмора осталось неподмоченным.

Неправда, сенатор. Это вовсе не сарказм, и я не собираюсь паясничать. Мне ли не знать, что сейчас не до смеха? Но неужели из-за этого надо запретить смех? Неужели нам только и осталось, что понурить головы и ходить, спотыкаясь о собственные подбродки?

Ладно, сенатор, ваша взяла. Я — псих, я — выродок, я — злой дух, пожирающий грудных младенцев. Все, что я сделал, я сделал намеренно, и меня следует упрятать за решетку. Валяйте, заприте меня в каталажку, пошлите меня в газовую камеру. Я здесь не затем, чтобы оправдываться. Я вообще не хотел сюда идти. Неужели вам не приходит в голову, сенатор, что и без ваших укоров моя совесть не дает мне покоя?

Простите, господин президент. Прошу извинить мою вспышку. Ладно, я буду продолжать. Вы хотите, чтобы я начал с самого начала? Даже несмотря на то, что большая часть этой истории хорошо известна?

Ха-ха! Неплохо сказано, господин президент, торопиться нам и вправду некуда. Смотрите, даже сенатор на этот раз не удержался от улыбки.

Что ж, насколько я припоминаю, все началось с того, как меня выставили из Патентного Бюро. Едва эти чинуши услышали мои объяснения и взглянули на мои чертежи и модели, как расхохотались мне прямо в лицо. Они указали мне на дверь и попросили никогда впредь не осквернять ее порог своей тенью.

Я был готов ко многому... к сомнениям... недоверию, но уж никак не к тому, что надо мной станут насмехаться, словно над деревенским простачком. Вне себя от ярости, я поклялся, что месть моя будет

страпиной. Я вернулся к себе в штат Нью-Джерси — у меня там прелестная крохотная ферма, а при ней сарай, который, будто нарочно, построен под лабораторию, а на много миль кругом — ни одного назойливого соседа. РБТ я спрятал на сеновале. РБТ — так я назвал свою рабочую модель Системы Управления Погодой. А вот почему я ее так назвал, никто не знает, хотя научные обозреватели изощрялись потом во всяческих догадках, вроде того, что это, мол, сокращение от слова робот. Чепуха! Истина гораздо проще. Я назвал свою машину в честь Роберта Бейли Томаса — человека, перед которым я преклоняюсь.

Не может быть, адмирал! Неужели вы и впрямь не знаете, кто такой Роберт Бейли Томас? Поразительно! Не хочу вас обидеть, но я не думал, что найдутся американцы, которые не слышали этого имени. Хорошо, я расскажу вам о нем. На заре американской словесности Роберт Бейли Томас был одним из самых плодовитых бумагомазак среди всей пишущей братии; его писания были любимым чтивом целых поколений. А еще он был предшественником современных метеорологов, родоначальником шайки шарлатанов, прикидывающихся специалистами в ими же выдуманной лженауке, именуемой прогнозом погоды. Короче говоря, Роберт Бейли Томас издавал «Альманах Старого Фермера»...

Видите, сенатор, даже в те крайне тяжелые для меня дни я старался не терять чувства юмора.

Что вы сказали, господин президент? Простите, но я вас не расслышал. Ах, так? Вот уж не думал, что вас могут заинтересовать мои ощущения. Да, понимаю: тем, кто не пережил подобных минут, это действительно может показаться любопытным.

Что ж, вероятно, кое-кого среди вас мое признание шокирует, а сенатора, должно быть, окончательно

по убедит, что я псих, как он деликатно изволил выразиться. Но, сказать по правде, в тот момент я чувствовал себя вседержителем. Попробуйте вообразить мое состояние. Вот вы сидите перед пультом сотворенного вами электронного чуда и знаете, что через считанные минуты — секунды вы обретете власть над стихиями. Разве на моем месте вы не почувствовали бы себя всемогущим?

Вот вы поворачиваете рубильник и включаете питание. Вверх, все выше и выше, в самую тропосферу тянутся ваши незримые руки. Вы хватаете ветры за глотку и покоряете их своей воле. Черными тучами вы закрываете солнечный лик, а затем выжимаете из них соки то пежным дождиком, то свирепым ливнем. Молнию в небе вы гасите, словно окурок. Звезды дрожат у вас в ладонях, свирепые ураганы ходят на цыпочках, а палящий зной и пронизывающий холод повинуются мановению вашего пальца.

Да, господа, сознаюсь, что одно пьянящее, упоительное мгновение я искренне считал себя божеством.

Но это безумие не могло длиться долго. Что бы ни говорил про меня сенатор, но прежде всего я ученый, а посему — человек здравомыслящий. Кроме того, мог ли я позабыть те долгие четырнадцать лет, пока в великих трудах и муках появлялось на свет мое детище? А прилично ли божеству, сжав зубы и обливаясь потом, корпеть над своим творением?

В самых безумных снах мне и не снилось, что моя машина будет работать настолько успешно. Поворотом рукоятки я мог изменять погоду, контролируя на сто миль в округе каждый солнечный луч, каждую каплю дождя, каждое дуновение ветерка. А ведь РБТ была всего лишь экспериментальной моделью.

В состоянии ли вы, господа, понять охватившую меня радость? Вы все занимаете крупные посты. Вы добились успеха. Вы доказали свое право вести за собой народ. Вы принадлежите истории. Я уверен, что среди причин, побудивших вас избрать для себя именно этот жизненный путь, немалую роль сыграло желание оставить след в памяти грядущих поколений. А коли так, то попробуйте представить, как должны будут почитать наши потомки человека, уничтожившего засухи и песчаные бури! Человека, принесшего сады в пустыню, цветы на полюс и освежающий ветерок в тропики!

Вообразите нивы, сгибающиеся под тяжестью колосьев, — ведь они получили ровно столько солнца и дождя, сколько надо, и как раз тогда, когда надо! Вообразите побережье Мексиканского залива, позабывшее угрозу ураганов, Индию, избавленную от муссонных дождей и наводнений, вообразите планету, которую не опустошают торнадо и не заносит зимние вьюги! Впрочем, обратимся к вещам более обыденным. Попробуйте представить себе, что лужайка перед вашим домом никогда не выгорает, а воскресную рыбалку не портят дожди!

Таким мог бы стать наш мир, господа! Вот в чем состоял мой подарок потомкам! А как отнеслись к нему ученые мужи из вашего Патентного Бюро? Они заляпали кофейными пятнами чертежи, воплотившие годы напряженных трудов, стряхивали сигарный пепел на модель важнейшего изобретения в истории и встретили меня хихиканьем, от которого разило винными парами.

Должен признаться, господа, что, знай я в тот момент адреса этих мерзавцев, им бы пришлось жарко! Или холодно.

А пока я вернулся к себе в лабораторию, полный решимости нанять грузовик, перевезти РБТ в окрестности Вашингтона и устроить такую заварушку с погодой, что мир ахнет. Но по натуре я человек не мстительный, и совесть не позволила мне наказывать ни в чем не повинных людей за пасмешки и оскорбления, нанесенные мне шайкой самодовольных болванов. Поэтому я остановился на более безобидном, по все же достаточно эффектным плане. Я нацелил установку на центр Нью-Йорка, сделал необходимые приготовления, переключил управление на автоматический режим и приготовился наслаждаться спектаклем.

Что было дальше, вы, конечно, помните. В первый день никто не обратил внимания — мало ли какие бывают капризы погоды. Но когда та же картина повторилась на второй и на третий день, раздался столь мощный вопль негодования, что он буквально смел предсказателей погоды с их насиженных местечек в городском бюро прогнозов. Мой замысел был прост и прекрасен. В 6.55 на утреннем небе появлялись первые облачка. Пять минут спустя, ровно в 7.00 начинало лить как из ведра, и дождь продолжался до 9.00, после чего облака рассеивались и выглядывало солнце. Но хорошая погода стояла всего два часа: в 11.55 облака возвращались и вновь с полудня до 14.00 шел проливной дождь. Затем то же повторялось вечером с 16.55 до 19.00 и еще раз с 21.55 до полуночи.

Согласитесь, что расписание было составлено умно — оно позволяло причинить максимум неудобств максимальному числу людей. В утренние и вечерние часы пик, в обеденный перерыв и вечером в часы развлечений, словом, четырежды в день ни на одном человеке не оставалось сухой нитки. Да, господа, это была шутка в гигантских масштабах!

Что вы сказали, сенатор? Ах, как раз тогда вы были в Нью-Йорке? Бывает же такое невезение! Нет... нет, я не ждал, что вы оцените мою шутку. Что ж, я готов просить у вас прощения, коли причинил вам такие неприятности. Но я хочу, чтобы вы попробовали понять и мою точку зрения. Хорошо, хорошо, сенатор, раз вы так к этому относитесь, нам лучше оставить эту тему.

Я продолжаю. К концу недели жители штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут подняли бунт. Под окнами бюро прогнозов болтались на виселицах чучела метеорологов. Закусочные не справлялись с доставкой завтраков на дом. Универмаги не успевали продавать плащи и зонтики. Газеты буквально взбесились, печатая на первых страницах под аршинными заголовками бредовые высказывания специалистов и досужие домыслы экспертов.

Пошла вторая неделя, а дожди все лили по расписанию, и тут подняли шум политики, требуя расследования в конгрессе, а одно хорошо информированное лицо из государственного департамента намекнуло журналистам, что виной всему — козни русских. Толпы смутьянов, направлявшиеся бить стекла метеостанции в Центральном парке, повернули к русскому консульству и были остановлены только после вмешательства национальной гвардии. Русские, разумеется, все отрицали, но им никто не верил.

Дождались своего часа психопаты и сумасшедшие; одни видели в каждой капельке дождя человечков с Марса, другие забились в пещеры и принялись ожидать светопреставления. Ну, а во всех кабачках города в один голос валили происходящее на атомную бомбу.

Я почувствовал, что влип в историю, и уже стал

подумывать, не устроить ли небольшой перерыв, как вдруг по проселочной дороге, ведущей ко мне на ферму, с грохотом и скрежетом пронеслась вереница черных лимузинов в сопровождении эскорта полицейских на мотоциклах. Они мчались, словно на пожар, и взрыли лужайку под окнами не хуже плуга. От выскакивающих из машин чиновников у меня зарбило в глазах. Я вышел на порог сарая, и они бросились ко мне, размахивая руками и крича:

— Выключите ее, Харрингтон! Получите свой патент, но только выключите ее поскорее!

Говоря по правде, я ничуть не меньше их радовался тому, что они меня нашли. Я начал было побаиваться, что эти патентованные олухи потеряли мой адрес. К счастью, этого не случилось.

Все дальнейшее вы, господа, и в особенности вы, господин президент, знаете не хуже меня. Я получил патент на РБТ и, не сходя с места, подарил его правительству. Сейчас не время и не место вдаваться в подробности, но должен сказать, что правительство щедро меня отблагодарило и вдобавок назначило начальником исследовательского отдела вновь созданного департамента управления погодой.

Как вы помните, Пентагон вначале пытался засекретить мое изобретение, пока не будет создана национальная сеть станций РБТ. Куда там! Тайну знало слишком много народу. Правда выплыла наружу, а что стало твориться, когда репортеры газет, радио и телевидения пронюхали...

С вашего позволения, господа, я бы предпочел опустить эту часть своего рассказа. Стоит мне услышать слово «интервью», как я теряю над собой контроль.

Благодарю вас. И тут-то мы и начали рыть себе яму. Я не из тех людей, что задним числом любят похвастаться, как здорово они все предвидели; но

вспомните, как я протестовал против создания континентальной сети РБТ. Однако я уже утратил всякий контроль над своим изобретением, и в этом, полагаю, моя самая большая ошибка. Я не собираюсь огульно обвинять все правительство, теперь-то я знаю, что кое-кто из официальных лиц был со мной согласен. Но верх взяли сторонники крупных проектов, которые не любят размениваться на мелочи, а все вы хорошо знаете, чего в таких случаях следует ожидать.

У меня была разработана разумная практическая программа; она обошлась бы правительству едва ли в тысячную долю тех средств, которые оно в конце концов истратило. Будь эта программа одобрена, у нас была бы сегодня работоспособная система контроля погоды и мы не оказались бы — прошу прощения за игру слов — в этой луже...

Мой план был прост. Я предлагал изготовить с десяток РБТ и установить их на передвижных платформах с тягачами. Эти установки можно было бы расположить в стратегически удобных пунктах, а затем при первых признаках опасности перебрасывать в районы, которым угрожают стихийные бедствия. Это дало бы нам защиту от стихий и позволило бы выиграть время и деньги для разработки более усовершенствованных вариантов РБТ с бóльшим радиусом действия.

Повторите еще раз, генерал. Ну конечно. Я прекрасно знаю, какие цели преследовала правительственная программа. Всего несколько минут назад я уже упоминал о перспективах, которые контроль над погодой открывает перед человечеством. И если память мне не изменяет, машину для управления погодой тоже создал не кто иной, как я. Но я уже много раз повторял и буду повторять снова и снова: назначение РБТ — защита от стихийных бедствий.

РБТ должны были появляться на сцене лишь в тех случаях, когда погода грозила сорваться с цепи, когда опасность начинала угрожать жизни и имуществу людей. Но эту простую истину никто не хотел понять. Откуда мне было знать, что крикуны и демагоги захотят нажиться на погоде политический капитал? Они, разумеется, все сделали по-своему. И вот результаты...

Что вы сказали, господин государственный секретарь? Как я смею сваливать вину на департамент управления погодой? Я думал, что об этом нетрудно догадаться. Очевидно, я ошибся. Тогда попробую несколько освежить вашу память.

Помните ли вы, что творилось в самом начале? Еще не была создана континентальная сеть, а местные метеостанции уже принялись распоряжаться погодой на свой страх и риск. Каждый чиновник резвился во что горазд. Надо сказать, что вначале все было не так уж скверно. По крайней мере, пока не прошел вкус новизны. Помню, какое грандиозное впечатление произвел на публику рекламный снегопад в самый разгар июльской жары. Люди воспринимали фокусы с погодой как забавную шутку. Каждый встречный и поперечный держал пари «то ли дождик, то ли снег» и просаживал деньги в тотализаторах погоды, которые вырастали повсюду, словно грибы. Я сам как-то выиграл пятьдесят долларов, купив билет под чужим именем, но знали бы вы, каких трудов мне стоило заполучить свой выигрыш, когда букмекеры пронюхали, кто я.

До поры до времени все это были детские забавы. Но вот за дело взялись гангстерские шайки и игорные синдикаты. Помните длинную вереницу расследований и скандалов? Подкупы и шантаж? По-

губленные репутации и загубленные жизни? В один день создавались и лопались огромные состояния. Помните, как гангстеры запугивали и избивали честных метеорологов, а двоих даже убили за отказ сотрудничать? У операторов РБТ голова шла кругом, потому что какую бы погоду они ни выбрали, они сыграли бы на руку одному из конкурирующих синдикатов и все равно попали бы под подозрение.

Казалось, вернулись времена сухого закона и бурных двадцатых годов. Но тут в бюро погоды Мемфиса стала работать оператором РБТ одна юная особа. Откуда только бралось у этой девчушки столько дерзости и фантазии! Помните, как она натянула нос всей этой шайке? Она дала им всего понемногу. Каждый день в Алабаме проглядывало солнце, лил дождь, ветер дул с севера, юга, востока и запада, мела метель, шел град, наступала жара, холодало и опускался туман. Она даже умудрялась каким-то образом устраивать все это одновременно. Ни один музыкант не играл с такой виртуозностью на своем инструменте, как эта девчонка на пульте РБТ.

Затем ее пример подхватили другие операторы, и что же получилось? Кошмары и путаница, хаос и неразбериха. Помните ли вы это времечко, господа? Готов держать пари на все варенье ваших бабушек, что помните!

Тогда вмешался конгресс и принял закон, устанавливающий погоду на каждый день недели. Посмотрим, верно ли я его помню. В субботу и воскресенье солнечно и настолько тепло, что можно купаться, но не слишком жарко — это уж само собой. По понедельникам проливной дождь. Помните, как, услышав об этом, домохозяйки всей страны взвыли от возмущения? Но Ассоциация женских клубов встала

грудью — нет-нет, сенатор, я и не думаю паясничать — встала грудью на защиту этого закона. Они утверждали, будто хороший ливень в понедельник смоем всю грязь после воскресного пикника и будет способствовать украшению страны. Даже — добавлю я от себя — ценой того, что нижнее белье останется грязным.

Возможно, я ошибаюсь, но сдается, что газовые компании и фабриканты электросушилок тоже приложили к этому руку. Разве они не взвинтили цены сразу же, как был принят закон?

Как бы там ни было, вслед за дождливым понедельником закон предписывал на вторник и среду легкий ветерок и переменную облачность без осадков, а затем после дождика в четверг отличную погоду по пятницам — специально для переутомившегося начальства, которое любит начинать свой уикэнд заблаговременно.

А теперь вспомните, насколько хватило этого благородного начинания, после того как закулисные толкачи и лоббисты принялись оказывать давление на конгресс и каждая группа тянула в свою сторону? Не хочу пускаться в разглагольствования о системе нашего законодательства, но пора бы уже понять, что нельзя беспрестанно испытывать терпение народа.

Итак, конгресс отменил свой закон о погоде и тут же принял новый, еще хуже прежнего. Есть люди, которые учатся на собственных ошибках. Но только не наши конгрессмены. Стоит им только начать заниматься предписаниями и постановлениями, как они уже не в силах остановиться. Кончилось тем, что они издали совсем уж кошмарный закон, предписывающий на каждый день недели теплую безоблачную погоду и легкий дождик с полупочи и до восхода солнца. Вот вам превосходный образец щедрости на-

ших законодателей, вопиющий о полном непонимании человеческой натуры. Приношу свои извинения всем сидящим здесь сенаторам и членам палаты представителей, но согласитесь, что из этой затеи не вышло ровным счетом ничего хорошего. Как бы там медоточиво и завлекательно ни расписывали этот законопроект во время дебатов...

А теперь, господа, прежде чем сознаться в одном проступке, я хочу рассказать крохотный эпизод из моей жизни. История эта сугубо личная, но она имеет отношение к дальнейшему, так что я прошу вас запастись терпением. К тому же, как метко заметил господин президент, спешить-то нам все равно некуда.

Как-то утром, месяцев пять спустя после принятия закона «Солнце — каждый день», я спустился в кафетерий при гостинице, где имел обыкновение завтракать, взгромоздился на высокий стул у стойки и крикнул официантке:

— Омлет «солнышко» с поджаренной корочкой!

Официантка — такая нахальная рыжая девица — и ухом не повела, но я решил, что, поскольку я завтракаю здесь из месяца в месяц, она уже знает мой заказ наизусть. Я спокойно ожидаю свой омлет и вдруг вижу, что все окна наглухо закрыты ставнями. Тогда я дотягиваюсь до ближайшего окна и открываю его. В комнату, искрясь и отражаясь от еще мокрой мостовой, врываются лучи утреннего солнца.

Вдруг из-за моего плеча высовывается веснушчатая рука с облупленными перламутровыми ногтями и захлопывает ставни. Оборачиваюсь. Передо мной, широко расставив ноги и уперев руки в бедра, стоит рыжая официантка.

— Мы здесь не любим, когда открывают ставни, —

с вызовом произносит она,— и, кстати, «солнышка» мы тоже больше не подаем, мистер прохфессор.

Можете представить мое удивление.

— Это еще почему? — спросил я.

Она хрипло хохочет, и, к моему смятению, я слышу, как к ней присоединяются ранние посетители.

Официантка поворачивается к ним.

— Полюбуйтесь-ка на этого хмыря,— говорит она и тычет через плечо в мою сторону большим пальцем,— «солнышко» ему подавай. С поджаренной корочкой. Словно нас и без того мало поджаривают. И он еще спрашивает: почему?

Она снова поворачивается ко мне и продолжает глумиться:

— Уж кому-кому, господин прохфессор, а вам бы следовало догадаться.

Я не имел ни малейшего представления, с чего бы это мне отказываться от своего любимого омлета. Я ем его каждое утро уже много лет подряд. Но со всех сторон слышались недружелюбные насмешки, и меня это не столько разозлило, сколько обескуражило.

— Ну, так дайте яйца вкрутую,— пробормотал я заикаясь.

— Ха! Теперь ему вкрутую захотелось,— фыркнула официантка и, перегнувшись через стойку, покрутила перед моим носом толстым пальцем.— Нет уж, прохфессор, ни жареных, ни вареных, ни печеных яиц вы здесь не получите. А если вам так уж приспичило яичек, так ешьте их всмятку. И холодными.

По натуре я человек довольно миролюбивый. Мне противны любые публичные скандалы. Сама мысль о них приводит меня в ужас. Но яйца всмятку мне еще противнее. Тем более холодные.

Дрожь от негодования, я слез со стула.

— Что ж, позавтракаю в другом месте,— хотел я сказать ледяным тоном, но вдруг голос мой задрожал, как у напроказившего школьника.

— Валяйте, профессор,— крикнула мне вслед официантка,— поищите другое местечко. Но только «солнышка» в этом городе вам не подадут. И не мечтайте. Придется уж вам глотать яйца всмятку, хоть подавитесь!

Я в сердцах хлопнул дверью, но, даже выходя на залитую солнцем улицу, все еще слышал за собой пздевательский хохот.

Вот и все. Нелепая история, не так ли? Дело, не стоящее выеденного яйца. Сколько ни ломал я голову над этим происшествием, оно представлялось мне просто вздорной и бессмысленной выходкой.

И вдруг меня осенило. До меня дошел зловещий смысл эпизода с яйцами. Вижу по вашим лицам, господа, что и вы поняли. Но невелика хитрость быть умным задним числом.

А теперь послушайте мое признание. Помните ли вы, как в один прекрасный день в июле прошлого года вся страна, а за ней весь мир были потрясены сенсационным сообщением о том, что в Вашингтоне пошел дождь. Затем в Нью-Йорке. Потом в Калифорнии, Техасе, Айове, Флориде и наконец над всей страной, от океана до океана, от Аляски и до Гавайских островов, разразился летний ливень. Так вот, господа, это вовсе не было попыткой диверсии со стороны русских агентов, как потом намекали газеты.

Да, господин президент. Вы правильно догадались. Это случилось в тот же день, что и история с яйцами.

Как я это сделал? Я давно уже работал над созданием центрального пульта, позволяющего контро-

лизовать всю сеть РБТ. Незадолго перед этим я закончил работу. Происшествие с яйцами подсказало мне, что есть люди, которые совсем не прочь для разнообразия немного помокнуть под дождем, и тут я понял, что и сам сыт по горло безоблачными небесами.

Я включил пульт и настроил его на теплый летний дождик. Сработало прекрасно, за исключением лишь блока синхронизации. Но я не стал доискиваться до причины неполадок. Я просто вышел на улицу без плаща и зонтика, наслаждаясь погодой.

Что вы сказали, сенатор? Ах, оказывается, это я испортил пикник, который ваша супруга устроила в честь супруги монровийского посла? Примите мои глубочайшие извинения. Если бы я только знал...

Да, сенатор, я понимаю, что нарушил закон. Согласен, тысячу раз согласен, что законы священны — по крайней мере, до определенного предела. Но я никогда не соглашусь почитать закон выше блага моих сограждан.

Помните ли вы, сенатор, тот удивительный доклад ФБР, который, не будь он так хорошо документирован, мог бы показаться совершенно невероятным? Вы и ваша комиссия не могли с ним не ознакомиться. В докладе говорилось о широком, хорошо организованном заговоре с целью уничтожения всех станций РБТ. Заговор этот провалился только из-за паразитического стечения обстоятельств. По странному совпадению именно в день, когда этот замысел должны были привести в исполнение, по всей стране пошел дождь. Кстати, заговорщики не были иностранными агентами. Это были самые обыкновенные американцы, которые никогда в жизни не занимались подрывной деятельностью. Просто они считали, что правительство не имеет права диктовать, какой должна быть погода. И все они были сыты солнцем по горло.

Не буду утверждать, господа, что я знал об этом заговоре и устроил дождь, чтобы его сорвать. Это было счастливой случайностью. Но я правильно почувствовал настроение народа — вот почему я считаю, что поступок мой должен быть оправдан, даже если бы никакого заговора и не было. И что же? Разве хоть один человек обратился в бюро погоды с жалобой на испорченный солнечный день? Ни один! Люди выбежали из своих домов и прыгали под дождем, крича от восторга. Не один человек, не два, а вся страна. Рассказывают даже, будто на одной из голливудских улиц образовался хоровод, который протянулся через всю Калифорнию до Сан-Франциско и остановил движение на мосту Золотых Ворот.

Да, сенатор, мне известно, что эту историю считают несколько преувеличенной.

Таковы были обстоятельства, заставившие меня решиться на то, что я сделал потом. Я хочу, чтобы вы постарались понять мои побуждения. Вспомните, сколько я умолял вас — всех вместе и каждого по-одиночке — отменить контроль над погодой. Вспомните, как я упрашивал всех — вплоть до самого мелкого чиновника — пересмотреть политику и применить РБТ только в соответствии с моим первоначальным замыслом. Никто не хотел меня слушать. Мне отвечали, что правительство действует в интересах страны, что народ привыкнет и все образуется. *Образуется!* Как много надежд возлагают на это словечко. Прошло еще несколько безоблачных месяцев, и народ так привык, что готов был всех нас повесить — меня первого.

Вы спрашиваете, не струсил ли я, господин президент? Простите за дерзость, а разве вы не струсили, узнав о народном возмущении? И не вы один, но все, сидящие здесь.

Но дело не в страхе. Просто я считаю, что народ

прав. Я — на его стороне. Раз уж я изобрел эту машину, мне и отвечать за последствия. Вот почему я словечком не обмолвился о своем центральном пульте. У меня было предчувствие, что в один прекрасный день он мне пригодится.

Пред-чув-ствие, генерал. Могу повторить еще раз. У меня было предчувствие, что в один прекрасный день мой пульт мне пригодится. Простите, но я так устал, что уже не в силах перекрикивать рев ветра и гул судовых машин.

Вот, собственно, и весь мой рассказ, господа. Когда я услышал, как в канун рождества правительство отклонило всенародную петицию о небольшом снегопаде и как разъяренные толпы принялись разносить станции РБТ по всей стране, я понял, что действовать надо без промедления. Вот я и повернул рычаг, чтобы подарить своим согражданам на рождество капелюшку снега.

Но в спешке я повернул рычаг не в ту сторону. Я сразу понял свою ошибку, но уже было поздно. Система РБТ вышла из строя. Я сожалею о случившемся, могу повторить это еще тысячу раз, но никто не убедит меня, что мои побуждения не были правильными. Во всем повинна дурацкая ошибка. Ну кто мог предсказать, что стоит на мгновенье выключить контроль, как погода сорвется с цепи?

Да, конгрессмен, я догадывался, что последствия могут оказаться нежелательными. Но откуда мне было знать, что разверзнутся хляби небесные и дождь будет лить сорок дней и сорок ночей без перерыва? И настолько потеплеет, что растают полярные льды?..

Да, господин государственный секретарь, мы пытались это сделать. Военный флот спас мою первую модель, и сейчас она стоит в ангаре на палубе нашего авианосца. Но у нее не хватает мощности совладать с разгулом стихий.

Слушаю, господин президент. Что же... это здравый вопрос. К сожалению, я не имею ни малейшего представления, что можно предпринять. Полагаю, нам остается только одно — последовать примеру Ноя и плыть, ожидая, пока не схлынут воды.

Что-то блестящее...

Помните ли вы Депрессию? Эту черную тень, упавшую на Время? Это болезненное место в мировом сознании? Возможно, не помните. Возможно, это все равно что спрашивать, помните ли вы средние века. Но разве я знаю что-нибудь о ценах на яйца в средние века? А о ценах в эпоху Депрессии я знаю хорошо.

Если у вас есть четверть доллара — но сначала найдите эти четверть доллара — и пятеро голодных детей, вы можете разогреть им на ужин две жестянки супу и дать краюху черствого хлеба или две кварты молока и ту же краюху. Это сытно и (если вдуматься) питательно. Но если вы — одна из этой голодной пятерки, то вы в конце концов ощущаете внутри себя пустоту и зубы у вас начинают тосковать по чему-нибудь существенному.

Но вернемся к яйцам. Они были драгоценной пищей. Можно было неторопливо смаковать их или жадно проглотить — будь то яичница или яйца всмятку. Вот одна из причин, почему я помню миссис Кливити. У нее яйца были *на завтрак!* И каждый день! Вот одна из причин, почему я помню миссис Кливити.

Я ничего не знала насчет яиц, когда она пришла к нам вечером. Ма только что вернулась домой после

12-часового рабочего дня: она ходила по домам убирать, и ей платили по 30 центов в час. Миссис Кливити жила с нами в одном дворе. Собственно говоря, так это место называлось из вежливости, ибо все мы просто пользовались одной душевой и двумя туалетами посреди двора.

Все мы, кроме, разумеется, обитателей Большого Дома. Там была собственная ванная, и радио, вопившее «Не ваше дело» и «Скажу ли я», и лампочки, в отличие от наших прикрытые абажурами. Но Дом не был частью двора; туда выходила только дверь черного хода, да и та была не такая, как прочие двери. Она была двойная — деревянная и сетчатая.

Наш флигель тоже отличался от других. У него был второй этаж. Одна комната, размером с наши обе, и там обитал Верхний Жилец. О его существовании можно было узнать преимущественно по отголоску шагов над головой и изредка — по пирожку для Дэнны.

Как бы то ни было, миссис Кливити пришла раньше, чем ма успела положить свою сумку с халатом и даже разгладить морщины усталости, избороздившие ее лицо за десять, если не больше, лет до срока. Мне миссис Кливити не очень нравилась. Она меня стесняла. Она была такая толстая, медлительная и такая близорукая, что всегда страшно щурилась. Она встала в дверях, похожая на грудку кирпича, на которую паспех натянули платье, а сверху изобраили нечто вроде лица под спутанной куделью волос. Мы, дети, собрались в кучку поглазеть — все, кроме Дэнны, устало пыхтевшей мне в шею. Ходила ли она в детский садик или оставалась дома, день для четырехлетней малышки всегда был длинным и утомительным.

— Я пришла узнать, не сможет ли одна из ваших девочек почевать у меня эту неделю.

Говор у миссис Кливити был такой же медлительный, как и походка.

— У вас? — Ма растирала руку там, где оставались глубокие следы от ручек сумки. — Войдите. Присядьте.

У нас было два стула, скамья и два ящика из-под яблок. Ящики царапали голые икры, но груда кирпича едва ли это почувствует.

— Нет, благодарю вас. — Наверно, она просто не умеет гнуться! — Мой муж уехал на несколько дней, и мне не хочется оставаться в доме одной по ночам.

— Конечно, — сказала ма. — Вы должны чувствовать себя очень одиноко.

Единственным одиночеством, доступным ей при заботах о пятерых детях и двух комнатах, оставалась напряженная скрытность ее тайных мыслей, когда она мыла, убирала и гладила в чужих домах.

— Конечно, одна из девочек с удовольствием составит вам компанию.

Ее прищуренные глаза быстро обежали нас, и Ланелл поспешила укрыться в безопасности среди платьев в отгороженном углу другой комнаты, а Кэти мгновенно присела за комодом.

— Анне уже одиннадцать. — Мне, с Дэнной на руках, спрятаться было некуда. — Она совсем большая. Когда вы хотите, чтобы она пришла?

— Ну, к тому времени, как ложиться спать. — Миссис Кливити выглянула за дверь и кинула взгляд на темнеющее небо. — К девяти. Но сейчас темнеет рано...

Кажется, кирпич тоже умеет тревожиться.

— Как только мы поужинаем, она придет, — сказала ма, распоряжаясь моим временем так, словно

для меня оно ничего не значило. — Правда, ей завтра утром надо в школу...

— Только когда темно, — сказала миссис Кливити. — Днем мне никто не нужен. Сколько я должна вам заплатить?

— Заплатить? — Ма замахала на нее рукой. — Анне все равно нужно спать. Ей безразлично где, лишь бы она спала. Стоит ли говорить об услугах между друзьями.

Мне хотелось крикнуть: «Какая услуга, какие друзья?!» Ма с миссис Кливити едва виделись. Я не могла даже по-настоящему вспомнить мистера Кливити — только то, что он был чопорным, сморщенным стариком. Сорвать меня с места и заставить ночевать в чужом доме, в чужой темноте, слушая чужое дыхание, чувствуя, как чужая теплота просачивается в тебя всю ночь, всю долгую ночь...

— Ма... — начала было я.

— Я накормлю ее утром, — сказала миссис Кливити, — и дам ей денег па завтрак, каждый раз, когда она придет ночевать.

Я сдалась без борьбы. Деньги на завтрак, каждый день — целых десять центов! Ма не могла бы упустить такую благодать, такой дар небес, безошибочно спешащих помочь там, где гнет готов стать невыносимым.

— Спасибо, господи, — прошептала я, идя за консервным ключом, чтобы вскрыть жестянку с супом. Одну-две ночи я смогу выдержать.

Я чувствовала себя голой и беззащитной, когда стояла в своей тоненькой ситцевой пижаме, поставив одну босую ногу на другую, и ждала, пока миссис Кливити готовила постель.

— Сначала нужно проверить дом, — хрипло про-

изнесла она.— Мы не можем лечь, пока не проверим.

— Проверить дом? — Я забыла свою накрахмаленную робость ровно настолько, чтобы задать вопрос: — А зачем?

Миссис Кливити взглянула на меня в тусклом свете спальни. У них было три комнаты на двоих! Неважно, что между спальней и кухней двери не было.

— Я не смогу уснуть, — сказала она, — если не посмотрю. Я должна.

Итак, мы начали осмотр. За занавеской, в шкафу, под столом. Миссис Кливити взглянула даже в переносную печку, стоявшую в кухне рядом с двухконфорочной плитой.

Когда мы вернулись в спальню, я снова отважилась заговорить:

— Но с тех пор как я пришла, все двери закрыты. Что могло бы?..

— Воры, — нервно произнесла миссис Кливити после минутного молчания. — Преступники...

Она повернулась ко мне. Едва ли она видела меня с такого расстояния.

— Двери ничего не значат, — сказала она. — Это может случиться, когда меньше всего ожидаешь, так что лучше быть наготове.

— Я посмотрю, — смиренно ответила я.

Она была старше ма. Она была почти слепая. Она была из тех, о ком в Евангелии сказано: «Если сделаете для одного из них, то сделаете для меня».

— Нет, — возразила она. — Я должна сама. Иначе я не буду уверена.

Я ждала, пока миссис Кливити, кряхтя, опустилась на колени и пеловко нагнулась, чтобы приподнять покрывало. Ее пальцы слегка задержались, потом быстро откинули покрывало. Она перевела дыхание — медленно и, как мне показалось, разочарованно.

Она раскрыла постель, и я забралась в серые, измятые простыни и, повернувшись к двери спиной, прижалась ухом к плоской, пахнущей табаком подушке. Я лежала в темноте неуютно и напряженно, чувствуя, как грузное тело миссис Кливити уминает постель рядом со мной. Наступила секунда тишины, потом я услышала ее почти беззвучные, на одном дыхании, слова: «Долго ли, о господи, долго ли еще?»

Я автоматически читала молитву, из которой па был изгнан: «Боже, благослови ма, и моего братца, и сестер», — и в то же время размышляла над тем, что могло казаться миссис Кливити столь нестерпимо долгим.

После беспокойной, почти бессонной ночи, какая всегда бывает у меня в незнакомых местах, я очнулась ранним, холодным утром и услышала возню миссис Кливити. Она накрывала стол к завтраку — обряд, на который у нас в семье никогда не хватало времени. Я выпростала ноги из постели и забралась в платье, из скромности повернувшись к миссис Кливити костью, мгновенно озябшей спиной. Я стеснялась и чувствовала себя неопрятной. так как за-была расческу дома.

Я предпочла бы побежать домой к нашему привычному завтраку — сгущенное молоко и овсяные хлопья, но вместо того зачарованно смотрела, как миссис Кливити воюет с керосинкой. Она так низко наклонялась к горелке с зажженной спичкой, что я была уверена, что растрепанная пакля ее волос вот-вот вспыхнет. Но вспыхнула все-таки горелка, и тогда она обернулась ко мне.

— Одно яйцо или два? — спросила она.

— Яйца? Целых два? — Этот возглас вырвало у меня изумление. Рука миссис Кливити задержалась над смятым бумажным мешком на столе. — Нет,

лет, — поспешила я добавить, — одно. Одного вполне достаточно.

И села на кончик стула, глядя, как она разбивает яйцо над дымящейся сковородкой.

— Сильно подрумянить? — спросила она.

— Сильно, — ответила я, чувствуя себя настоящей светской дамой, обедающей в гостях; в сущности, так оно и было. Я смотрела, как миссис Кливити поливает яйцо маслом, а волосы у нее болтаются у самого лица. Один раз кончики даже окунулись в масло, но она этого не заметила, и они, качнувшись назад, оставили у нее на щеке блестящую полоску.

— Вы не боитесь огня? — спросила я, когда она сняла сковородку с керосинки. — А вдруг вы загоритесь?

— Один раз так и случилось. — Она выложила яичницу на тарелку. — Видишь? — Она приподняла волосы с левой стороны и показала сморщенное пятно большого, старого шрама. — Это было, когда я еще не освоилась Здесь, — сказала она, и мне почудилось, что ее «Здесь» означает нечто большее, чем дом.

— Это ужасно, — сказала я, нерешительно покачивая вилкой.

— Ешь быстрее, — поторопила она, — а то яйцо остынет.

Она вернулась к плите, а я поколебалась еще мгновение. Еда на столе означала, что нужно бы прочесть молитву, но я поспешила нырнуть в тарелку и набила себе рот яичницей, не успев даже беззвучно произнести «Аминь».

Позавтракав, я кинулась домой, крепко зажав в руке вожделенную монетку, неуверенная в том, как отнесется мой желудок к такой ранней пище. Ма уже готовилась выйти; в одной руке у нее была сумка, на другой — Дэнна, мурлыкавиная какую-то песенку. Дэнне нравилось в детском саду.

— Я сегодня вернусь поздно, — сказала ма. — В углу ящика в комодке лежат 25 центов. Приготовь малышам ужин и попытайся навести здесь порядок. Мы не должны быть свиньями только потому, что живем в таком месте.

— Хорошо, ма. — Я воевала со спутавшимися волосами и теребила их так, что на глазах у меня проступили слезы. — Где ты сегодня работаешь?

Я старалась перекричать шум в другой комнате, где младшие собирались в школу.

Она устало вздохнула, хотя день еще не начался.

— Мне сегодня нужно в три места, но последнее — у миссис Паддингтон. — Лицо у нее просветлело. Миссис Паддингтон иногда платила сверх обусловленной суммы или же отдавала ма старое платье или остатки съестного. Она была добрая.

— Как ты ладишь с миссис Кливити? — спросила ма, проверяя, положила ли она в сумку рабочие туфли.

— Все в порядке, — ответила я. — Но она чудачка. Заглядывает под кровать, прежде чем лечь.

Ма улыбнулась.

— Я слыхала, что некоторые люди так делают, но это обычно говорят о старых девах.

— Но, ма, ведь в квартиру никто не мог войти! Она заперла двери, как только я пришла.

— Люди, заглядывающие под кровать, не всегда бывают рассудительными. Кроме того, быть может, ей хотелось найти что-нибудь под кроватью.

— Но у нее же есть муж! — крикнула я, когда она уже вела Дэнну через двор.

— Можно искать и еще что-нибудь, кроме мужа, — крикнула она в ответ.

— Анна хочет мужа! Анна хочет мужа!

Ланелл и Дит прыгали вокруг меня и дразнились, а позади них, слабо улыбаясь, стояла Кэти.

— Заткнитесь! — прикрикнула я. — Самн не знаете, что говорите. Живо в школу!

— Еще рано. — Пальцами босой ноги Дит зарылся в пыль двора. — Учительница и так говорит, что мы приходим слишком рано.

— Тогда оставайтесь и помогите мне с приборкой, — сказала я.

Их и след простыл. Грязные ноги Дита напомнили мне, что не худо бы вымыть свои, прежде чем отправляться в школу. Я наполнила таз водой из колонки, что стояла посреди двора, и, присев на край кровати, опустила ноги в ледяную воду, вымыла их твердым, серым, шершавым мылом, каким мы всегда пользовались, и растерла старым полотенцем. Воду я выплеснула во двор и смотрела, как она пыльными змейками бежит по плотно утопанной земле.

Я вернулась, чтобы обуться и надеть свитер, и взглянула на кровать. Потом легла ничком и заглянула под нее. *Искать что-нибудь другое.* Там была знакомая куча картонных коробок с нашими вещами и знакомые пыльные комочки да еще зеленый чулок, который Ланелл потеряла на прошлой неделе, и больше ничего.

Я встала, отряхнула платье, завязала деньги в уголок носового платка и, натянув свитер, побежала в школу.

Я выглянула наружу, в сырые, ветреные сумерки.

— И сегодня идти?

— Ты же сказала, что придешь, — ответила ма. — Держи свое слово. Тебе давно следовало уйти. Она, наверно, ждет.

— Я хотела посмотреть, что ты принесла от мисс Паддингтон.

Ланелл и Кэти играли в углу голубым корсетом

и шляпкой, украшенной зеленым виноградом. Дит катал по полу апельсин, чтобы сделать его мягче, прежде чем проткнуть в нем дырку и выпить сок.

— Она сегодня перебирала сундук, — сказала ма. — Больше всего там было старья, принадлежавшего ее матери, но вот эти два пальто — хорошие и плотные. Ими приятно будет укрыться ночью. Кажется, сегодня будет холодно. Со временем я распорою их и сделаю одеяла. — Она вздохнула. Времени-то у нее как раз никогда и не было. — Возьми газету, прикроешь голову.

— О ма! — Я натянула свитер. — Дождь ведь перестал. Это будет смешно!

Я побежала, быстро миновала пятнышко света из-под нашей двери и перепрыгнула через ручей, оставшийся после дождя и протекавший через двор. Внезапный порыв сердитого ветра осыпал меня тяжелыми, холодными дождевыми каплями и гнал весь остаток пути до двери миссис Кливити, под маленький навес, едва прикрывающий крылечко. Я быстро постучалась, откидывая со лба растрепавшиеся волосы. Дверь распахнулась, и я очутилась в теплой, полутемной кухне, почти в объятиях миссис Кливити.

— О! — Я отстранилась, задыхаясь от смеха. — Такой ветер...

— Я боялась, что ты не придешь. — Она повернулась к плите. — Какао еще горячее.

Я сидела, грея руки о чашку и смакуя какао, глоток за глотком. Миссис Кливити сварила его на молоке, а не на воде, оно было душистое и очень вкусное. Но мои мысли перебегали от ароматного напитка к миссис Кливити. В тот краткий миг, когда я столкнулась с ней вплотную, мне удалось заглянуть глубоко в ее тусклые глаза. И я поразились: они были тусклыми только снаружи. А в глубине... в глубине...

Я отхлебнула еще глоток. Ее глаза... Мне казалось, что я могла бы войти в них. Проникнуть за эту тусклую пленку, побежать по длинному, блестящему коридору, в живой и юный блеск в его дальнем конце...

Я засмотрелась на донышко своей чашки. Все ли взрослые таковы? Если заглянуть им в глаза глубоко-глубоко, окажутся ли они совсем другими? Найдут ли я в глазах у ма коридор, ведущий в юность?

Я сонно допила какао. Было еще рано, но дождь барабанил по крыше, и вечер был как раз такой, когда после сытной еды хочется свернуться клубочком поуютнее. Правда, иногда в такие вечера, наоборот, становится не по себе и тоскливо, но мне сейчас захотелось свернуться клубочком. Я пошарила под кроватью в поисках бумажного пакета с пижамой, но не нашла его.

— Я подметала сегодня,— сказала миссис Кливити, возвращаясь из далекой страны своих мыслей.— Должно быть, засунула его дальше под кровать.

Я встала на четвереньки и заглянула туда.

— О-о-о! Что это там блестит?

Что-то рвануло меня прочь от кровати, и я отлетела в сторону. А когда наконец поднялась, потирая ушибленный локоть, то оказалось, что миссис Кливити на коленях стоит у кровати и пытается засунуть туда голову.

— Эй!— возмущенно вскричала я и тут же вспомнила, что я не у себя дома. До меня донеслось странное, тонкое всхлипывание, и я увидела, как миссис Кливити, все еще на коленях, медленно отползла назад.

— Только замочек на чсмодане,— сказала она.— Вот твоя пижама.

Она подала мне пакет и грузно поднялась с полу.

Мы молча легли, после того как она, прихрамывая, осмотрела весь дом и даже снова заглянула под кровать. Я услышала почти беззвучный шепот вроде молитвы и долго лежала без сна, пытаясь свести воедино что-то блестящее, удивительные глаза, рыдающий шепот. Наконец я пожала плечами в темноте и подумала о том, какие чудачества буду вытворять, когда вырасту. Все взрослые так или иначе — чудаки.

На следующий вечер миссис Кливити не смогла опуститься на колени, чтобы заглянуть под кровать. Она ушиблась накануне, когда, отшвырнув меня от кровати, бросилась на пол.

— Поищи сегодня за меня, — медленно проговорила она, потирая колени. — Ищи хорошенько. О Анна, ищи хорошенько!

Я искала изо всех сил — не зная, чего ищу.

— Это должно быть под кроватью, — говорила она, сжимая колени руками и раскачиваясь взад-вперед. — Но нельзя сказать наверняка. Возможно, он промахнулся.

— Кто промахнулся? — спросила я, сидя на корточках возле кровати.

Она взглянула на меня невидящими глазами.

— Путь отсюда, — сказала она. — Путь обратно...

— Обратно? — Я снова прижалась щекой к полу. — Нет, ничего не вижу. Только темнота и чемоданы.

— Ничего блестящего? Ничего? Ничего... — Она попробовала уткнуться лицом в колени, но тучность ей не позволяла, и она просто закрыла лицо руками. Принято думать, что взрослые не плачут. Миссис Кливити вроде и не плакала, но, когда она протяну-

ла руку к будильнику, чтобы завести его, мне показалось, что ладонь у нее мокрая.

Я лежала в темноте и чувствовала, как прядка ее волос щекотала мне руку, лежащую на подушке. Может быть, она сумасшедшая? Холодок ужаса пробежал у меня по спине. Я осторожно высвободила руку. Как можно найти путь откуда-нибудь или куда-нибудь под кроватью? Скорей бы уж мистер Кливити вернулся, и не пужно мне ни денег, ни яиц.

Где-то среди ночи я вдруг выплыла из сна в явь, не зная, что разбудило меня, но чувствуя, что миссис Кливити тоже не спит.

— Анна.— Ее тихий голос был словно соткан из света и серебра. — Анна...

— Гм-м-м...— пробормотала я спросонок.

— Анна, тебе приходилось когда-нибудь бывать далеко от дома?

Я повернулась к ней, пытаясь разглядеть в темноте, действительно ли это миссис Кливити. Голос у нее был такой не похожий на прежний...

— Да. Однажды я поехала на неделю к тетушке Кэт.

— Анна...— Не знаю, слышала ли она мой ответ; ее голос почти пел. — Анна, была ли ты когда-нибудь в темнице?

— Нет! Конечно, нет!— Я возмущенно отодвинулась.— Нужно быть очень плохой, чтобы попасть в тюрьму.

— О нет! Нет!— вздохнула она.— Не тюрьма, Анна. Темница — темница... Груз плоти... узы...

— Ах!— сказала я, проводя рукой по глазам. Она зывала к чему-то, что таилось глубоко во мне и к чему никто никогда не обращался, для чего у меня не было слов.— Это так, словно ветер гонит облака, и луна проглядывает сквозь них, и трава шепчется у дороги, и деревья рвутся на своих стволах, будто воз-

душные шарики, и Звезда выходит и говорит «Приди», а Земля говорит «Останься», и что-то в вас пытается уйти, и это больно...— Я ощущала хрупкую округлость ребер под прижатой к ним рукой.— Это больно...

— О Анна, Анна! — Мягкий серебристый голос прервался. — И ты так чувствуешь, а ведь ты принадлежишь к Этому миру. Мы никогда, никогда...

Голос умолк, и миссис Кливити повернулась на другой бок. Когда она заговорила снова, голос у нее был хриплый, словно затянутый такой же тусклой пленкой, как и ее глаза:

— Ты проснулась, Анна? Спи, дитя мое. Утро еще далеко.

Я слышала ее тяжелое дыхание, когда она уснула. Наконец, и я уснула, стараясь представить себе, как выглядела бы миссис Кливити, будь она похожа на серебристый голос в темноте.

Наутро я смаковала яичницу, и мысли мои бродили взад-вперед, подчиняясь ритму челюстей. Какой странный сон мне приснился — будто я говорила с кем-то, у кого был серебристый голос. Говорила об ощущениях, вызываемых бегущими облаками и луной в ветреную ночь. Но то был не сон! Я замерла, приподняв вилку. По крайней мере, не мой сон. Но как это узнать? Если вы приснились кому-нибудь, может ли этот сон быть действительностью для вас?

— Разве яйцо невкусное? — Миссис Кливити внимательно смотрела на меня.

— Нет, нет! — Я попыталась проглотить нацепленный на вилку кусочек. — Миссис Кливити...

— Да? — Голос у нее был тусклый, слова тяжело скатывались с языка.

— Почему вы спросили меня насчет темницы?

— Темницы? — Она медленно заморгала. — Я спрашивала тебя насчет темницы?

— Кто-то спрашивал... мне показалось... — заборотала я, снова робея.

— Это приснилось. — Миссис Кливити положила вилку и нож на свою тарелку. — Это тебе только приснилось.

Я не была уверена, стоит ли идти к миссис Кливити вечером: в тот вечер должен был вернуться ее муж. Но миссис Кливити встретила меня приветливо.

— Не знаю, когда он придет, — сказала она. — Возможно, только утром. Если он вернется рано, ты сможешь уйти почевать домой, а свои десять центов все равно получишь.

— О нет, — возразила я, твердо помня наставления ма. — Я не могу взять деньги, если не буду здесь почевать.

— В подарок, — пояснила миссис Кливити.

Мы продолжали сидеть друг против друга до тех пор, пока молчание между нами не стало невыносимым.

— Раньше, — сказала я, хватаясь за волшебное слово, которым мы побуждали ма к рассказам, — раньше, когда вы были маленькой...

— Когда я была маленькой... — Миссис Кливити машинально потирала колени. — Другое Когда. Другое Где.

— В прежние времена, — настаивала я, — тогда все было по-другому?

— Да.

Я уселась поудобнее, узнав тон, свойственный воспоминаниям.

— Когда вы молоды, вы совершаете всякие безумства. — Она тяжело навалилась на стол. — Делаете

то, чего не должны делать. Когда вы молоды, вы идете на риск. — Я вздрогнула, когда она вдруг перегнулась через стол и схватила меня за руки. — Но я ведь молода! Три года — не вечность... Я молода!

Я высвободила одну руку и пыталась оторвать ее стальные пальцы от другой.

— О! — Она отпустила меня. — Прости. Я не хотела сделать тебе больно.

Она села на место и поправила спутанную кудель волос.

— Послушай, — заговорила она, и ее голос зазвучал серебром. — Под всей этой... под этим грузом прежняя я... Мне казалось, я смогу привыкнуть ко всему, разве могла я подумать, что они всунут меня в такое... — Она дернула обвисшее платье. — Не в платье! — вскричала она. — Платье можно снять. Но вот это... — Ее пальцы впились в рыхлое плечо с такой силой, что плоть выдавилась бугорками между ними. — Вот это... Если бы я знала что-нибудь о настройке, — продолжала она, — может статься, мне и удалось бы их отыскать. Быть может, я смогла бы их вызвать. Быть может...

Плечи у нее поникли, веки тяжело опустились на потухшие глаза.

— Все это кажется тебе бессмыслицей, — медленно произнесла она прежним хриплым голосом. — Тебе я показалась бы старой даже Там. Тогда нам представлялось, что это лучший способ провести отпуск да еще и помочь в исследованиях. Но мы очутились в ловушке.

Она начала считать по пальцам, бормоча про себя:

— Три года Там, но здесь... трижды восемь... — Она чертила по столу толстым указательным пальцем, низко наклоняясь к старой, вытертой клеенке.

— Миссис Кливити! — В наступившей тишине

мой голос испугал самое меня, но я почувствовала то возбуждение, какое иногда охватывает вас, когда игра вдруг становится реальностью.— Миссис Кливити, если вы потеряли что-нибудь, быть может, я могу поискать вместо вас.

— Проплытый раз ты не нашла,— сказала она.

— Чего не нашла?

Она тяжело поднялась со стула.

— Давай поищем снова. Всюду. Они наверняка смогут найти дом.

— Но что же мы ищем?— спросила я, принимаясь за осмотр плиты.

— Узнаешь, когда увидишь,— ответила она.

Мы искали по всему дому. Сколько тут было замечательных вещей! Одежда, целые, совсем новехонькие, даже одно запасное, которое им вовсе не было нужно. И полотенца, и махровые мочалки в тон к ним. И тарелки без трещин, все одинаковые. И стеклянная посуда — настоящая посуда, а не банки. И книги. И деньги. Хрустящие, новенькие бумажки в коробке в нижнем ящике комода, в коробке под стопкой запасных наволочек. И платья, много-много платьев. Все они, правда, велики для любой из нас, но мой опытный глаз уже видел, как переделать то или другое, чтобы все мы могли одеться как богачи.

Я вздохнула, когда мы наконец сели, устало глядя друг на друга. Подумать только — имея так много всего, искать еще что-то! Время было позднее, пора ложиться спать, а у нас после всех стараний были только грязные руки да боль в спине.

Прежде чем надеть пижаму, я выбежала во двор, в душевую, боязливо сполоснула руки под холодным душем и, возвращаясь в дом, все время трясла ими, чтобы они просохли. Ну вот, мы перевернули квартиру вверх дном, но нигде не нашли того, что искала миссис Кливити.

В спальне я начала шарить под кроватью в поисках пижамы, и мне снова пришлось лечь ничком, чтобы найти свой пакет. В суматохе мы засунули его между двумя картонками. Я проползла подальше под кровать и попыталась отодвинуть картонки, чтобы вытащить пакет. Он разорвался, из него выпала пижама, я зажала ее в сгибе локтя и начала выполнять обратно.

И вдруг весь мир взорвался, превратившись в яркий свет; он трепетал, пульсировал, плескал сиянием в мои пораженные глаза, пока я не догадалась зажмуриться и не увидела под сомкнутыми веками яркие пятна.

Потом я сделала над собой усилие и вновь открыла глаза, но тут же отвернулась и смотрела только краешком глаза, пока не привыкла к блеску.

Между картонками виднелось отверстие, словно окошко, но маленькое-маленькое, и оно открывалось в страну чудес, о которых рассказать невозможно. Краски, для которых нет названия. Чувства, рядом с которыми лунный свет в ветреную ночь кажется пригоршней пыли. Я почувствовала, как слезы, обжигая глаза, заструились по щекам — не знаю, от блеска или от восторга. Я смигнула их и все смотрела, смотрела...

Там, в этом блеске, виднелись какие-то фигурки. Они высывались в окошко, манили к себе и звали — серебристыми сигналами и серебристыми звуками.

«Миссис Кливити! — подумала я. — Что-то блестящее!»

Я бросила еще один долгий взгляд на сияющие фигурки и на деревья, которые были точно музыка по краям дороги, и на траву, которая была точно вечерняя песня нашей травы под ветром, — последний, последний взгляд — и начала выбираться наружу.

Я с трудом встала, крепко держа в руках пижаму.
— Миссис Кливити!

Она сидела у стола, грузная, как грудa кирпича, и ее расплывшееся лицо под спутанными волосами было очень печальным.

— Да, детка.

Она едва слышала себя самое.

— Там что-то блестящее...— сказала я.

Ее тяжелая голова медленно приподнялась, незрячее лицо повернулось ко мне.

— Что такое, детка?

Я почувствовала, что пальцы у меня впились в пижаму, жилы на шее напряглись, а под ложечкой словно что-то сжалось.

— Что-то блестящее!— Мне казалось, что я кричу. Она не шелохнулась. Я схватила ее за руку и чуть не вытащила из кресла.— Что-то блестящее!

— Анна.— Она выпрямилась.— Не будь жестокосердой.

Я схватила край покрывала и быстро откинула его. Свет вырвался оттуда веером, словно вода из шланга на газоне.

Тогда закричала она. Обеими руками она закрыла свое тяжелое лицо и закричала:

— Леолиенн! Это здесь! Скорее, скорее!

— Мистера Кливити нет,— напомнила я.— Он еще не вернулся.

— Я не могу без него! Леолиенн!

— Оставьте записку!— крикнула я.— Когда вы будете там, вы сможете сделать, чтобы они вернулись, а я покажу ему где!

Мое возбуждение перешагнуло границы игры, и все становилось более реальным, чем сама реальность.

Потом быстрее, чем от нее можно было ожидать, она схватила карапдаш и бумагу и принялась торо-

пливо писать на углу стола, пока я держала край покрывала. Но я упала на колени, потом растянулась ничком и снова заползла под кровать. Я насыщала взгляд блеском и красотой и видела позади них ясность и порядок и незапятнанную чистоту. Крошечный пейзаж был похож на сцену, приготовленную для волшебной сказки, — такой маленький-маленький, такой прелестный...

А потом миссис Кливити потянула меня за ногу, и я выползла — неохотно, не отрывая взгляда от яркого квадрата, пока упавшее покрывало не закрыло его от меня. Миссис Кливити, тяжело пыхтя, забиралась под кровать, и ее крупная, неуклюжая фигура дюйм за дюймом продвигалась все глубже.

Она все ползла и ползла, пока не уперлась в стену, и я знала, что теперь она, должно быть, втискивается в эту яркость и лицо, голова, плечи у нее становятся маленькими и прелестными, как и ее серебристый голосок. Но все остальное оставалось большим и неуклюжим, и она напоминала бабочку, выбирающуюся из кокона.

Под конец из-под кровати торчали только ее ноги, и они брыкались, и двигались, но без какого бы то ни было успеха. Тогда я опустилась на пол, ступнями уперлась в ее ступни, а спиной в комод и принялась подталкивать миссис Кливити вперед. И я толкала и толкала, и вдруг что-то поддалось, исчезло, и мои ноги упали на пол.

Я увидела, что из-под кровати, носками друг к другу, едва высовываются черные, изношенные, старомодные туфли миссис Кливити. Я схватила их обе; мне почему-то захотелось плакать. Ее дешевые бумажные чулки так и остались в туфлях.

Я медленно вытащила из-под кровати всю одежду миссис Кливити. Она держалась на тонкой пленке сброшенной коже миссис Кливити, серой и безжиз-

пенной, по которой было видно, где прежде находились ее руки, лицо, тусклые глаза.

Я уронила одежду на пол и сидела, держа в руке одну из старых туфель.

Хлопнула дверь, и на пороге появился седой, старый, сморщенный мистер Кливити.

— Привет, детка, — сказал он. — Где моя жена?

— Ушла, — ответила я, не глядя на него. — Она оставила вам записку на столе.

— Ушла... — Это слово будто остановилось в воздухе, когда он прочитал записку.

Бумажный листок, трепеща, слетел на пол, когда мистер Кливити выдернул один из ящиков комода и выхватил оттуда полные пригоршни чего-то вроде катушек. Потом он прямо-таки нырнул под кровать, громко и, наверно, больно стукнувшись локтями. Он сделал только одно-два усилия, и вот уже его башмаки тоже безжизненно легли на пол, отвернувшись друг от друга.

Я вытащила его оболочку из-под кровати и сама заползла туда. Я увидел крохотную картину в рамке — яркую-яркую, но такую маленькую!

Я подползла ближе, зная, что не смогу попасть туда. Передо мной была крошечная и такая красивая дорога, пейзаж, люди — смеющиеся, радостные люди, окружившие две фигурки юноши и девушки — серебристые, юные, прелестные. Они восклицали что-то тоненькими голосками и танцевали от радости. Девушка послала мне воздушный поцелуй, и все они повернулись и побежали по вьющейся белой дороге.

Рамка начала сжиматься, все быстрее, быстрее... Вот она превратилась в блестящее пятнышко, а потом мигнула и исчезла.

Как-то сразу дом вдруг опустел и стал холодным.

Возбуждения как не бывало. Ничто больше не казалось настоящим. Как-то сразу слабое воспоминание о яичнице испугало. Как-то сразу я вспомнила и прошептала жалобно:

— Мои деньги на завтрак!

Я с трудом поднялась на ноги, сбив одежду миссис Кливити в бесформенный комок, потом свернула свою пижаму и потянулась через стол за свитером. И тогда увидела листок бумаги и на нем свое имя. Я схватила листок и прочла:

Все, что в этом доме, — наше, принадлежит теперь Анне, соседке через двор, девочке, приходившей ко мне ночевать.

Авлари Кливити

Я подняла глаза от записки, оглядела комнату. Все это — мне? Все — нам? Все эти богатства, и чудеса, и добротные вещи? Все? И коробка в нижнем ящике комода? Так было сказано в записке, и никто не сможет отобрать это у нас.

Изумление и восторг наполняли мою грудь, когда я, осторожно ступая, обходила комнаты, оглядывая все, но не открывая дверки или ящики. Я остановилась у плиты, взглянула на висевшую над ней сковородку, потом открыла шкаф. Там на полке стоял бумажный пакет с яйцами. Виногато оглянувшись, я протянула к нему руку.

И тут восторг неожиданно погас. Я кинулась обратно к кровати, откинула покрывало, упала на колени и забарабанила кулаками по краю кровати. Потом опустила голову на стиснутые руки так, что косточки до боли вдавились в лоб. А потом уронила руки, и голова у меня поникла.

Наконец я медленно встала, взяла записку со сто-

ла, сунула сверток с пижамой под мышку, достала яйца из шкафа. Погасила все лампы и вышла.

Спотыкаясь, я шла в темноте по знакомому двору, чувствуя, как по щекам струятся слезы. Не знаю, почему я плакала, — скорее всего потому, что тосковала по блеску, которого, как я знала, мне никогда больше не видеть, и еще потому, что никогда не смогу рассказать ма всей правды о случившемся.

Потом я попала в полоску слабого света из нашей двери, вошла и натолкнулась на изумленную ма и закричала — шепотом, так как младшие уже спали:

— Ма! Ма! Ты только угадай, что!

Да, я помню миссис Кливити, потому что у нее были яйца на завтрак! Да еще каждый день! Это одна из причин, почему я ее помню.

Принц-Пломбир

Синьор Мольтени, проживающий на виа Тадини, дом номер 18, квартира 12, был весьма озабочен. Он приобрел в рассрочку великолепный холодильник фирмы «Двойной полюс», но вот уже два месяца не мог внести очередного взноса. Сегодня ему позвонили из конторы и сказали: «Либо вы погасите задолженность, либо мы забираем холодильник». А синьор Мольтени уже к середине месяца остался без единой лиры. Что же делать?

В то утро он долго глядел на холодильник, потом бережно погладил его гладкую поверхность и грустно сказал, словно это было живое существо: «Дорогой мой, боюсь, нам придется вскоре расстаться. Без тебя дом покажется мне пустыней».

Холодильник хранил ледяное молчание. Но синьор Мольтени все понял: «Конечно, конечно, твое дело выработать холод, а не деньги печатать».

В то же утро синьора Сандрелли (она жила на пятом этаже, а синьор Мольтени — на четвертом), открыв свой холодильник, стандартный «Пингвин» без колесиков, увидела, что внутри полным-полно крохотных человечков. Один из них сидел на курином яйце. Человечки все до единого были в серебристых скафандрах, а на голове у них красовались прозрач-

ные шлемы, сквозь которые видны были их бледно-фиолетовые волосы и желтые, цвета сливочного масла, лица. Они пристально смотрели на синьору Сандрелли своими зелеными глазками и не шевелились. Лишь человек, удобно устроившийся на курином яйце, приветливо помахал ей ручкой.

— О господи, это же марсиане! — воскликнула синьора Сандрелли. — Никогда бы не подумала, что они такие крохотные. Эй, вы, что вам надо в моем холодильнике? А ты слезь с яйца, не то еще разобьешь его.

Человечек не подчинился и снова помахал ей ручкой. Синьора Сандрелли была женщиной решительной — она схватила человечка двумя пальцами и посадила его на банку сардин.

— Запомни раз и навсегда, марсианин ты или нет, но здесь команду я.

— Закройте дверцу, а не то внутрь проникнет теплый воздух, — резко ответил ей человек.

— Что, что?

— Мы прилетели с планеты, где все покрыто льдом, и не привыкли к вашей температуре. Поэтому закройте дверцу, как вам было приказано.

— Хотела бы я посмотреть на человека, который осмелится мне приказывать! — вне себя от гнева воскликнула синьора Сандрелли. — Для начала объясните, любезнейший, как вы попали в мою квартиру.

— Через кухонное окно. Вы оставляете его открытым на ночь, опасаясь утечки газа.

— Как я посмотрю, вы неплохо информированы.

— Отлично. Мы долгие месяцы изучали ваши привычки и ваш язык, прежде чем совершить посадку. Закройте, пожалуйста, дверцу.

— И вы избрали для посадки именно мой холодильник?

— Вас это не касается. Во всяком случае, знайте,

что мы заняли все холодильники этого дома. Закройте наконец дверцу и оставьте нас в покое!

— И не подумаю. Впрочем, нет, я, пожалуй, и в самом деле закрою ее и отключу ток. Посмотрим, как вы тогда запоете.

Один из пришельцев навел палец на стул (по крайней мере так показалось синьоре Сандрелли) и сказал:

— Понаблюдайте, что с ним станет.

Внезапно стул загорелся, но без дыма, и тут же превратился в кучку пепла.

— Если вы отключите ток, мы сожжем вашу квартиру.

Синьора Сандрелли яростно захлопнула дверцу и принялась названивать привратнице:

— Синьора Альфа, представляете себе...

— Что случилось, синьора Сандрелли? Термосифон не работает?

— Какой там термосифон!

И она рассказала, что произошло. Привратница, понятно, тут же позвонила всем жильцам. Через несколько минут во всех квартирах с первого по шестой этаж открывались и с треском захлопывались дверцы холодильников. При этом одни жильцы вскрикивали от испуга, другие — от удивления, третьи — от восторга.

Синьор Мольтени, разумеется, тоже подбежал к своему «Двойному полюсу». Внутри холодильника посреди множества инопланетян в серебристых скафандрах сидел человек, чуть-чуть повыше остальных, в золотистом скафандре.

— Вы здесь главный? — поинтересовался синьор Мольтени, удерживая четырехлетнюю дочку, которая уже протянула руку к чудесным куклам.

— Я Принц-Пломбир, — ответил человек в золотистом скафандре. — Конечно, на моем родном языке

ке меня зовут иначе. Но для вас я буду Принц-Пломбир. И обращайтесь ко мне отныне «ваше высочество».

— Разумеется, ваше высочество, разумеется. Не могли бы вы сказать, ваше высочество, как долго вы намерены здесь пробывать?

— Все зависит от погоды,—ответил Принц-Пломбир.— Нам для заправки кораблей необходим свежесвыпавший снег. Как только пойдет снег, мы продолжим наш полет. Мы направлялись на Северный полюс, но в пути нас застиг над морем поток теплого воздуха.

— Значит, вы намерены обосноваться на нашей Земле?

— Да, на Северном полюсе. Ведь он все равно необитаем. Нашей планете грозит столкновение с огненной кометой, которая может растопить всю ледяную поверхность. Поэтому мы вынуждены искать другую подходящую планету. После долгих поисков остановились на Северном полюсе. Я возглавляю авангардный отряд. Как только мы доберемся до полюса, я извещу остальных жителей нашей планеты, и они тут же отправятся в путь.

— Позвольте узнать, сколько вас всего?

— Примерно полтора миллиарда. Полюса нам вполне хватит. Мы не намеревались посвящать кого-либо из землян в свои планы, но так уж случилось. А теперь, прошу вас, закройте дверцу. От теплого воздуха у меня разболелась голова.

Синьор Мольтени не стал возражать. Он осторожно закрыл дверцу холодильника и бросился к окну. Зачем? Да чтобы взглянуть на небо. А оно было голубое и чистое, без единого облачка. Как почти всегда в феврале. Синьор Мольтени радостно потер руки.

— У тебя в кухне захватчики, а ты радуешься,—упрекнула его жена.

— Ты ничего не понимаешь!— воскликнул синьор Мольтени. — Если бы ты знала, какая это для нас удача!

Но синьора Мольтени так и не узнала, в чем тут удача, потому что в тот же миг в дверь позвонили. На пороге стоял служащий фирмы «Двойной полюс».

— Добрый день, синьор Мольтени. Я пришел, чтобы решить вопрос, как быть с холодильником. Либо вы платите очередной взнос, либо прощайтесь навсегда с «Двойным полюсом».

— К сожалению, у меня сейчас нет денег.

— В таком случае...

— Да, в таком случае вы вынуждены будете и так далее, и тому подобное. Вот только не знаю, как на это посмотрит его высочество.

— Какое еще высочество? Что за глупые шутки, синьор Мольтени!

— Прошу вас, уважаемый синьор, пройдемте на кухню. Давайте поговорим мирно, спокойно.

— Рад слышать. Для начала...

— Начало уже есть, но каков будет конец? Вот в чем вопрос.

Синьор Мольтени открыл холодильник.

— Тысячу извинений, выше высочество, но этот синьор...

— Я все слышал. У нас свои системы слухового наблюдения, дорогой Мольтени. Как бы то ни было, этот холодильник принадлежит мне, и я никому не позволю к нему прикасаться.

— Что за глупые шутки, синьор, Мольтени!— воскликнул служащий.— Это еще что за гномики? Послушайте, уважаемый, я не знаю, к каким трюкам вы прибегли, чтобы не заплатить взнос, но нашу фирму вам обмануть не удастся. Пытались и похитрее вас, да только ничего у них не вышло. Фирма

«Двойпой полюс» имеет полное право забрать холодильник, и этому не в силах помешать с десяток ваших болванчиков.

При слове «болванчики» инопланетяне дружно возмутились. Но резкий голос его высочества заглушил протестующие крики.

— Господин служащий, в наказание за ваши дерзкие слова мы отправим вас под стол. Засуньте пальцы в рот и сидите под столом молча до моего нового приказания.

И служащий всемирно известной фирмы «Двойной полюс», послушно засунув пальцы в рот, полез под стол. Все семейство Мольтени громко захлопало в ладоши.

— Как вам это удалось, ваше высочество?

— Очень просто. Мы изучили ваш мозг и знаем, как заставить вас повиноваться. А теперь, пожалуйста, закройте дверцу. До свиданья.

— До свиданья, ваше высочество. Всегда к вашим услугам.

Синьора Мольтени больше не нуждалась в объяснениях. Она помчалась к окну, радостно потирая руки.

Почти весь февраль стояла чудесная погода, и над Миланом по-весеннему ярко светило солнце.

Тем временем газеты сообщали все новые сведения о вторжении инопланетян. Жители города с жадностью читали статьи собственных корреспондентов с виа Тадини. В них рассказывалось о беседах с «со-сульками» — так фамильярно окрестили журналисты пришельцев с другой планеты — ученых, слетевшихся в Милан со всех концов Земли. Но, по обыкновению, читателей больше всего интересовали мелкие подробности. Они хотели знать, что ест на завтрак Принц-Пломбир. (Оказалось, что он ел подсахаренные кусочки льда.) Женщины старательно записыва-

ли секреты изготовления мороженого, которыми пришельцы любезно поделились с синьорой Сандрелли. И почти все до единого миланцы «болели» за синьора Мольтени, против которого фирма «Двойной полюс» возбудила судебное дело. С утра до вечера у дома номер 18 на виа Тадини толпился народ в ожидании последних новостей.

— Принц-Пломбир получил сорок предложений о браке!

— Поговаривают, будто дочка привратницы тоже влюбилась в него.

— «Сосульки» со второго этажа объелись сливочным маслом.

Когда же Принц-Пломбир согласился выступить перед экраном телевизора и его смогли увидеть телезрители во всем мире, писем с предложением заключить брачный союз стало не сорок, а десятки тысяч. Однако Принц-Пломбир заявил, что уже обручен с девушкой по имени Минни-Мунни, что означает «Цветущий ледник».

Но вот однажды небо подернулось серыми тучами, а метеосводка сообщила, что в городе вот-вот выпадет снег. Инопланетяне вытащили из-под листьев салата свои корабли и начали готовиться к отлету.

Синьор Мольтени опять забеспокоился. В суде дела складывались не в его пользу. Перед ним снова во всей своей пугающей неумолимости вставала дилемма: либо погасить задолженность, либо расстаться с холодильником.

В один прекрасный день, открыв окно, Мольтени увидел, что улицы и крыши домов запорошило снегом.

«Все кончено,— подумал он.— Остается лишь предупредить его высочество».

Но принц уже знал обо всем.

— Видел, видел,— сказал он.— У нас своя сис-

тема визуального наблюдения, которая позволяет нам видеть через закрытую дверцу холодильника. Мы уже собрали на балконе свежий снег и заправили корабли.

— Итак, прощайте,— грустно прошептал синьор Мольтени. А про себя подумал: «Прощай, мой холодильник».

— Нет-нет,— с улыбкой сказал Принц-Пломбир, словно прочитав его мысли. — Вам не придется расставаться с вашим любимым холодильником. Прочтите вот это.

«Это» оказалось листком бумаги, на котором Принц-Пломбир крупными корявыми буквами вывел: *«Считаю большой удачей, что меня гостеприимно приютил холодильник «Двойной полюс». Не боясь чьих-либо опровержений, я со всей ответственностью утверждаю, что это лучший холодильник во всей солнечной системе. Принц-Пломбир».*

— Вот увидите,— сказал его высочество, — теперь фирма «Двойной полюс» простит вам не только прошлый, но и будущий долг. Считайте, что холодильник ваш и что вам не придется больше платить за него ни лиры.

Так оно и было. И теперь, когда синьор Мольтени хочет утешить своего друга, задолжавшего порядочную сумму одной из фирм, он неизменно говорит: «Не на бога надейся, а на пришельцев!».

Пьер Гамарра

Машина Онезима

(почти сказка)

Накануне отъезда на Южный полюс я поехал к Онезиму. Два долгих года мне предстояло пробыть там, вдалеке от всего мира, и, разумеется, я не мог уехать, не попрощавшись с Онезимом, с моим милым Онезимом. Вы его знаете. Его физиономия потом мелькала на страницах газет всех стран. Классическое лицо ученого. Лицо, о котором не знаешь, что и сказать — рассеянное оно или внимательное. Огромный лысый череп, нос-проныра, маленькие черные глазки-пуговицы. Длинная нескладная фигура приветливо наклоняется в вашу сторону как-то сконфуженно и вместе с тем проницательно. Сразу и не определишь, шутит он или серьезен. Впрочем, могу сказать: Онезим — милейшая душа на свете.

Итак, прихожу я к нему. Он ведет меня в свой захламленный рабочий кабинет, и я начинаю рассказывать о приготовлениях к поездке, о планах зоологических поисков. Онезим вежливо слушает меня, но проявляет при этом столько внимания, как если бы я говорил ему о поездке к тетушке в Сапнуа. Вдруг он, отвернувшись, нагибается, вытаскивает черную коробку и ставит ее передо мной на стол среди разбросанных бумаг.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1978

— Видишь,— произносит он торжествующим тоном,— я добился-таки своего. Готова, работает!

Я нахмурился.

— О чем ты говоришь? Что это за коробка?

— Ну как же, помнишь мой знаменитый проект пишущей машины?— с некоторым раздражением спросил он.

— Пишущей машины?

— Да, именно пишущей машины!

И тут я вспомнил. Этот Онезим вечно что-нибудь изобретает, у него столько идей в голове.

— Черт возьми, Онезим, уж не хочешь ли ты сказать, что сделал машину?

Счастливая улыбка расцвела у него на лице:

— Да, да, я ее изобрел. Машину, которая пишет шедевры. Она готова, работает.

— Работает?

— И еще как! Даешь ей команду, и она тут же выполняет. А больше всего я горжусь быстротой.

— Быстротой?!

— Вот именно. За какие-нибудь тридцать пять минут ты можешь получить небольшой роман в манере Саган. Сонет в духе Ронсара — за десять секунд. Более солидные произведения отнимают у нее час-полтора. Вчера вечером я получил новехонькую трагедию Корнеля за сорок пять минут, большое стихотворение Рембо за двадцать восемь секунд... Представляешь?

Да, я мог себе представить.

— Онезим! Но это невероятно, фантастично! Как же она действует?

— С помощью электроники. Все очень просто. Видишь, вот здесь, с правой стороны, ряд клавиш. Каждая соответствует жанру произведения: роман, поэма, стихотворение, драма, сказка, философское эссе и т. д. Налево — небольшой микрофон. Ты нажи-

маешь клавишу по своему выбору, наклоняешься к микрофону и говоришь: Рабле, Расин, Гюго... Словом, все, что хочешь. Потом ждешь. Готовая рукопись выходит с другого конца машины, причем в двух экземплярах. Надо только заряжать ее чистой бумагой...

Я воздел руки к небу:

— Онезим, если бы я не знал, что ты человек серьезный...

— Поверь, я говорю совершенно серьезно! Она работает! Пожалуйста, можешь посмотреть рукописи. Вот они...

И он указал на стопку аккуратно перепечатанных страниц. Я бросился к ним, перелистал. Онезим не лгал. Там лежало с десяток шедевров. Сенсационный Бальзак! Одноактная пьеса Жироду! Огромный исторический роман Дрюона, несколько стихотворений Гюго... И все превосходны!

Указательный палец Онезима лег на стопку бумаги:

— Всего час двадцать на Дрюона, а какой текст! Тридцать семь минут на Жироду... Такой производительности мне достаточно.

Я чувствовал себя подавленным таким нагромождением чудес.

— Но что ты станешь делать со всеми этими рукописями, Онезим? Подпишешь их? Ведь они по праву принадлежат тебе. Это же твои произведения, а не Виктора Гюго, не Жироду... Ты прославишься. Загребешь все литературные премии. Издатели ничего не поймут, а критики тем более. В самом деле, как действует твоя машина? Ты сказал — с помощью электроники, это, конечно, очень мило... Но я все-таки хотел бы знать поподробнее.

Онезим сразу стал серьезным:

— Это очень сложно. Не думаю, что сумею тебе

объяснить. Тебе не хватит математических знаний. Одно могу сказать — она действует...

— Как? Питается от батарей или от сети?

— Как угодно. Причем расход энергии незначительный... А теперь выпьем за твои успехи и за мои тоже. Стаканчик виски?

И он отправился на кухню.

Озадаченный, я в растерянности прислушивался к тому, как Онезим гремит чем-то в холодильнике. Ведь он так и не ответил на мой вопрос, что он станет делать со всеми этими рукописями. Наводнит ими издательства? Утопит в них литературные жюри? Чертов Онезим!

Вскоре после этого я уехал. Путешествие на полюс прошло благополучно, без помех. Увлеченный своей работой, я почти забыл о чудесном изобретении Онезима. Слушать радио не было времени, по радио ничего об этом и не сообщали. Что же касается газет, то они приходили к нам с опозданием. Однако в конце моего пребывания на полюсе пресса увенчала Онезима славой. Газеты опубликовали его биографию и поместили портрет.

Как-то вечером, просматривая кипу только что полученных газет, я так и подпрыгнул при виде заголовка над пятью колонками: «НЕОБЫКНОВЕННОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ОНЕЗИМА». Я нагнулся над статьей. «Так и есть, — сказал я себе. — Он обнародовал свой секрет. Теперь весь мир знает, что он способен изготавливать шедевры пачками... Ему ничего не стоит основать собственное издательство... К примеру, «Бальзак и К°». Как бы то ни было, это подлинный триумф».

Да, это был триумф Онезима.

Однако в газетной статье речь шла вовсе не о литературе! Оказывается, Онезим изобрел необыкновенную электронную жаровню. Судя по всему, на ней

можно было с одинаковым успехом зажарить и цыпленка, и бифштекс, и баранью отбивную. Прославленная жаровня Онезима совершила поистине триумфальное кругосветное шествие! Сегодня каждый человек знает наизусть призыв рекламных объявлений: «Не жарьте мясо, как пещерные люди, — пользуйтесь жаровней Онезима!»

А как же книги? Разве машина Онезима, создающая литературные шедевры, разладилась?

По возвращении в Париж я тут же помчался к Онезиму. Он ничуть не изменился. Все та же длинная нескладная фигура, черные глазки-пуговицы, та же приветливая улыбка. Впрочем, мне показалось, что теперь его улыбка стала чуть печальной.

— Как дела, Онезим?

— Хорошо. Я бы сказал — превосходно. Здоровье прекрасное. Денег предостаточно.

За время моего отсутствия он отремонтировал квартиру, купил новую мебель, новый костюм.

— И все за счет жаровни?

— Да, — скромно признался Онезим, — жаровня работает отлично. Я подписал контракт. Ну, а ты как поживаешь? Как прошла экспедиция на Южный полюс?

— Очень интересно, — ответил я. — Думаю опубликовать книгу о пингвинах...

— Вот как, — проговорил он с восхищением, — у тебя уже есть издатель?

— Пока нет. Книга еще не закончена. Но послушай, Онезим, что случилось с твоей машиной?

— С машиной?

— Ну да. Я имею в виду твою чудесную машину. С ней что-нибудь не так? Ты перестал ею пользоваться?

— О нет, напротив. Она поработала на славу. — И он лениво указал на стеллаж: — Сработала мне не-

сколько десятков прекрасных книг... Вот они все в твоём распоряжении. Если опять поедешь на Южный полюс, можешь взять их с собой...

— Ты что же, не предлагал их издателям?

Онезим пожал плечами.

Я побледнел.

— Что ты хочешь этим сказать? Они отказались печатать? Этого не может быть, Онезим! Чтобы издатели отказались от твоих превосходных произведений? Исключено! Может быть, в машине какие-нибудь неполадки, электроника подвела? Такая машина!...

Прервав меня, Онезим сухо возразил:

— Машина отличная. Но издатели отказываются. Могу показать тебе письма, которые я получил. Из Галлимара, Жюйара, Плона. Отовсюду один ответ: «Мы внимательно ознакомились с рукописью, которую вы имели честь нам предложить. К сожалению, она нам не подходит...»

— Почему же?

— Мотивировка одна и та же: «Видно влияние Бальзака»; «Бесспорно, вы слишком много читали Мориса Дрюона...»; «Прекрасная пародия на Золя, но, к сожалению, мы не можем...»; «Очевидно, вы слишком увлекаетесь романами Натали Саррот...»; «Произведения Эрве Базэна вы знаете как свои пять пальцев, к сожалению...». К сожалению, к сожалению. Всюду «к сожалению»...

— Короче — все издатели отказались?

— Все!

— Это ужасно. Знаешь, мне в голову пришла одна мысль. Возьми-ка свою машину, наклонись над микрофоном. И... вместо того чтобы говорить: Корнель, Золя, Сагац, скажи просто: Онезим. Тогда, естественно, ты должен будешь получить произведение Онезима.

Он улыбнулся:

— Ты думаешь, я не догадался так сделать. Ничего подобного, нажал клавишу «Философское произведение» и назвал свое имя: Онезим...

— И что же?

— Через сорок три минуты получил рукопись в сто страниц.

— Как она называется?

— «Некоторые размышления о новом электронном методе поджаривания цыплят, бифштекса и бараньих отбивных»...

Клиффорд Саймак

Дурной пример

С некоторыми весьма щепетильными заданиями могут справиться только роботы — заданиями такого порядка, что их выполнение нельзя поручить ни одному человеческому существу...

Тобиас, сильно пошатываясь, брел по улице и размышлял о своей нелегкой жизни.

В карманах у него было пусто, и бармен Джо выдворил его из кабачка «Веселое ущелье», не дав как следует промочить горло, и теперь ему одна дорога — в пустую лачугу, которую он называл своим домом, а случись с ним что-нибудь, ни у кого даже не дрогнет сердце. И все потому, думал он, охваченный хмельной жалостью к себе, что он — бездельник и горький пьяница; просто диву даешься, как его вообще терпит город.

Смеркалось, но на улице еще былолюдно, и Тобиас про себя отметил, как старательно обходят его взглядом прохожие.

Так и должно быть, сказал он себе. Раз не хотят смотреть на него, значит, все в порядке. Им незачем его разглядывать. Пусть отворачиваются, если им так спокойнее.

Тобиас был позором города. Постыдным пятном на его репутации. Тяжким крестом его жителей. Со-

© Перевод на русский язык, «Мир», 1978

циальным злом. Тобиас был дурным примером. И таких, как он, здесь больше не было, потому что на маленькие городки всегда приходилось только по одному отщепенцу — даже двоим уже негде было развернуться.

Выписывая вензеля, Тобиас в унылом одиночестве плелся по тротуару. Вдруг он увидел, что впереди, на углу, стоит Элмер Кларк, городской полицейский. Стоит и смотрит в его сторону. Но Тобиас не заподозрил в этом никакого подвоха. Элмер — славный парень. Элмер соображает, что к чему. Тобиас остановился, немного подобрался, приосанился, затем нацелился на угол, где его поджидал Элмер, и без особых отклонений от курса поплыл в ту сторону. И прибыл к месту назначения.

— Тоуб, — сказал ему Элмер, — не подвезти ли тебя? Тут неподалеку моя машина.

Тобиас выпрямился с жалким достоинством забулдыги.

— Ни боже мой, — запротестовал он, джентльмен с головы до пят. — Не по мне это — доставлять вам столько хлопот. Премного благодарен.

Элмер улыбнулся.

— Ладно, ладно, успокойся. Но ты уверен, что доберешься до дома на своих двоих?

— О чем речь! — ответил Тобиас и припустил дальше.

Поначалу ему везло. Он благополучно протопал несколько кварталов.

Но на углу Третьей и Кленовой с ним приключилась беда. Споткнувшись, он растянулся во весь рост на тротуаре перед самым носом у миссис Фробишер, которая стояла на крыльце своего дома, откуда ей было отлично видно, как он шлепнулся. Он не сомневался, что завтра же она не преминет расписать это позорное зрелище всем членам Дамского благо-

творительного общества. А те, презрительно поджав губы, будут потихоньку кудахтать между собой, мня себя святей святых. Ведь миссис Фробишер была для них образцом добродетели. Муж ее — банкир, а сын — лучший игрок Милвилской футбольной команды, которая рассчитывала занять первое место в чемпионате, организованном Спортивной ассоциацией. Не удивительно, что это воспринималось всеми со смешанным чувством изумления и гордости: прошло немало лет с тех пор, как Милвилская футбольная команда в последний раз завоевала кубок ассоциации.

Тобиас поднялся на ноги, суетливо и неловко стряхнул с себя пыль и вырулил на угол Третьей и Дубовой, где уселся на низкую каменную ограду, которая тянулась перед фасадом баптистской церкви. Он знал, что пастор, выйдя из своего кабинета в полуподвале, непременно его увидит. А пастору, сказал он себе, это очень даже на пользу. Может, такая картина выведет его наконец из себя.

Тобиаса беспокоило, что в последнее время пастор относится к нему чересчур благодушно. Слишком уж гладко идут сейчас у пастора дела, и похоже, что он начинает обрастать жирком самодовольства: жена у него — председатель местного отделения Общества Дочерей Американской Революции, а у длинноногой дочки обнаружили недюжинные музыкальные способности.

Тобиас терпеливо сидел на ограде в ожидании пастора, как вдруг услышал шарканье чьих-то ног. Уже порядком стемнело, и, только когда прохожий приблизился, он разглядел, что это школьный уборщик Энди Донновэн.

Тобиас мысленно пристыдил себя. По такому характерному шарканью он должен был сразу догадаться, кто идет.

— Добрый вечер, Энди, — сказал он. — Что новенького?

Энди остановился и взглянул на него в упор. Пригладил свои поникшие усы и сплюнул на тротуар с таким видом, что, окажись поблизости посторонний наблюдатель, он расценил бы это как выражение глубочайшего отвращения.

— Если ты поджидаешь мистера Хэлворсена, — сказал Энди, — то попусту тратишь время. Его нет в городе.

— А я и не знал, — смутился Тобиас.

— Ты уже достаточно сегодня накуролесил, — ядовито сказал Энди. — Оправляйся-ка домой. Меня тут миссис Фробишер остановила, когда я недавно проходил мимо. Так вот, она считает, что нам необходимо наконец взяться за тебя всерьез.

— Миссис Фробишер — старая сплетница, — проворчал Тобиас, с трудом утверждаясь на ногах.

— Этого у нее не отнимешь, — согласился Энди. — Но женщина она порядочная.

Он внезапно повернулся и зашаркал прочь, и казалось, будто передвигается он чуть быстрее, чем обычно.

Тобиас, покачиваясь, но, пожалуй, не так заметно, как раньше, заковылял в ту же сторону, что и Энди, мучимый сомнениями и горьким чувством обиды.

Потому что он считал себя жертвой несправедливости.

Ну разве справедливо, что ему выпало быть таким вот пропойцей, когда из него могло бы получиться нечто совершенно иное? Когда по складу своей личности — этому сложному комплексу эмоций и желаний — он неудержимо стремился к чему-то другому?

Не для него — быть совестью этого городка, думал Тобиас. Он достоин лучшей участи, создан для более высокого призвания, мрачно икая, убеждал он себя.

Расстояние между домами постепенно увеличивалось, и они попадались все реже; тротуар кончился, и Тобиас, спотыкаясь, потащился по неасфальтированной дороге к своей лачуге, которая приютилась на самом краю города.

Она стояла на холмике над болотом, вблизи того места, где дорогу, по которой он сейчас шел, пересекало 49-е шоссе, и Тобиас подумал, что жить там — сущая благодать. Частенько он сиживал перед домиком, наблюдая за проносящимися мимо машинами.

Но в этот час на дороге было пустынно, над далекой рощицей всходила луна, и ее свет постепенно превращал сельский пейзаж в серебристо-черную гравюру.

Он продолжал свой путь, бесшумно погружая ноги в дорожную пыль, и порой до него доносился вскрик растревоженной птицы, а в воздухе тянуло дымком сжигаемых осенних листьев.

Какая здесь красота, подумал Тобиас, какая красота, но как же тут одиноко. Ну и что с того, черт побери? Он ведь всегда был одинок.

Издаലെка послышался рев двигателя мчавшейся на большой скорости машины, и он про себя недоброе слово помянул таких вот отчаянных водителей.

Спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, Тобиас ковылял по пыльной дороге, и теперь ему уже стали видны быстро приближающиеся с востока огоньки.

Он все шел и шел, не спуская взгляда с этих огоньков. Когда машина подлетела к перекрестку, неожиданно взвизгнули тормоза, машина круто свернула на дорогу, по которой он двигался, и в глаза ему ударил свет фар.

В тот же миг луч света, взметнувшись, вонзился в небо, вычертил на нем дугу, и, когда с пронзительным скрипом трущейся об асфальт резины машину занесло, Тобиас увидел неяркое сияние задних фонарей. Медленно, как бы с натугой, машина заваливалась набок, опрокидываясь в придорожную канаву.

Тобиас вдруг осознал, что бежит, бежит сломя голову на мгновенно окрепших ногах.

Впереди него машина рухнула набок, с раздрающим уши скрежетом проехала по асфальту и легко, даже как-то плавно соскользнула в канаву.

Раздался негромкий всплеск воды, машина уперлась в противоположную стенку канавы и теперь лежала неподвижно, только все еще вертелись колеса.

Тобиас спрыгнул с дороги и, бросившись к дверце машины, обеими руками стал яростно дергать за ручку. Однако дверца заупрямилась: она стонала, скрипела, но упорно не желала уступать. Он рванул что было мочи, и дверца приоткрылась — этак на дюйм. Тогда он нагнулся, запустил пальцы в образовавшуюся щель и сразу почувствовал едкий запах горячей изоляции. Тут он понял, что времени осталось в обрез. И еще до него вдруг дошло, что по ту сторону дверцы, точно в ловушке, отчаянно бьется живое существо.

Помогая ему, кто-то нажимал на дверцу изнутри; Тобиас медленно распрямился, не переставая изо всех сил тянуть на себя ручку, и наконец дверца с большой неохотой поддалась.

Из машины слышались тихие, жалобные всхлипывания, а запах горячей изоляции усилился, и Тобиас заметил, что под капотом мечутся огненные языки.

Раздался щелчок, дверца приоткрылась пошире, и ее снова заклинило, но теперь размер отверстия уже позволил Тобиасу нырнуть внутрь машины; он схва-

тил чью-то руку, поднатужился, рванул к себе и вытащил из машины мужчину.

— Там она, — задыхаясь, проговорил мужчина. — Там еще она...

Но Тобиас, не дослушав, уже шарил наугад в темном чреве машины; к запаху горячей изоляции прибавился клубами поваливший дым, а под капотом ослепительным красным пятном разливалось пламя.

Он нащупал что-то живое, мягкое и сопротивляющееся, изловчился и вытащил из машины ослабевшую, перепуганную насмерть девушку.

— Скорей отсюда! — закричал Тобиас и с такой силой толкнул мужчину, что тот, отлетев от машины, упал и уже ползком выбрался из канавы на дорогу.

Тобиас, подхватив на руки девушку, прыгнул вслед за ним, а позади него на воздух взлетела обжатая пламенем машина.

То и дело спотыкаясь, они устремились прочь, подгоняемые жаром горячей машины. Немного погодя мужчина высвободил девушку из рук Тобиаса и поставил ее на ноги. Судя по всему, она была цела и невредима, если не считать ранки на лбу у корней волос, из которой темной струйкой бежала по лицу кровь.

К ним уже спешили люди. Где-то вдали хлопали двери домов, слышались взволнованные крики, а они, трое, слегка оглушенные, остановились в нерешительности посреди дороги.

И только теперь Тобиас всмотрелся в лица своих спутников. Он увидел, что мужчина — это Рэнди Фробшер, кумир футбольных болельщиков, а девушка — Бэтти Хэлворсен, музицирующая дочка баптистского священника.

Бегущие по дороге люди были уже совсем близко, а столб пламени над горячей машиной стал пониже. «Мне здесь больше делать нечего, — подумал Тобиас.

ас, — пора уносить ноги». Ибо он допустил непозволительную ошибку, сказал он себе. Нарушил запрет.

Он резко повернулся, втянул голову в плечи и быстро, только что не бегом, направился назад, к перекрестку. Ему показалось, будто Рэнди что-то крикнул вдогонку, но он даже не обернулся, еще поддав шагу, чтобы как можно скорее очутиться подальше от места катастрофы.

Миновав перекресток, он сошел с дороги и стал взбираться по тропинке к своей развалюхе, одиноко торчавшей на вершине холма над болотом.

И он забылся настолько, что перестал спотыкаться.

Впрочем, сейчас это не имело значения: вокруг не было ни души.

Охваченный паникой, Тобиас буквально трясся от ужаса. Ведь этим поступком он мог все испортить, мог свести на нет всю свою работу.

Что-то белело в изъеденном ржавчиной помятом почтовом ящике, висевшем рядом с дверью, и Тобиас очень удивился — он крайне редко получал что-либо по почте.

Он вынул из ящика письмо и вошел в дом. Ощупью отыскал лампу, зажег ее и опустился на шаткий стул, стоявший у стола посреди комнаты.

«Теперь я хозяин своего времени, — подумал он, — и могу распоряжаться им по собственному желанию».

Его рабочий день закончился — хотя формально это было не совсем точно, потому что с большей ли, меньшей ли нагрузкой, а работал он всегда.

Он встал, снял с себя обтрепанный пиджак, повесил его на спинку стула и расстегнул рубашку, обнажив безволосую грудь. Он нащупал на груди па-

нель, нажал на нее, и под его пальцами она скользнула в сторону. За панелью скрывалась ниша. Подойдя к раковине, он извлек из этой ниши контейнер и выплеснул в раковину выпитое днем пиво. Потом вернул контейнер на место, задвинул панель и застегнул рубашку.

Он позволил себе не дышать.

И с облегчением стал самим собой.

Тобиас неподвижно сидел на стуле, выключив свой мозг, стирая из памяти минувший день. Спустя некоторое время он начал его осторожно оживлять и создал другой мозг — мозг, настроенный на ту его личную жизнь, в которой он не был ни опустившимся пропойцей, ни совестью городка, ни дурным примером.

Но в этот вечер ему не удалось полностью забыть пережитое за день, и к горлу снова подкатил комок — знакомый мучительный комок обиды за то, что его используют как средство защиты человеческих существ, населяющих этот городок, от свойственных людям пороков.

Дело в том, что в любом маленьком городке или деревне мог ужиться только один подонок: по какому-то необъяснимому закону человеческого общества двоим или более уже было тесно. Тут безобразничал Старый Билл, там Старый Чарли или Старый Тоуб. Сущее наказание для жителей, которые с отвращением терпели это отребье как неизбежное зло. И по тому же закону, по которому на каждое небольшое поселение приходилось не более одного такого отщепенца, этот единственный был всегда.

Но если взять робота, робота-гуманоида Первого класса, которого без тщательного осмотра не отличишь от человека, — если взять такого робота и поручить ему разыгрывать из себя городского пьяницу или городского придурка, этот закон социологии уда-

валось обойти, И человекоподобный робот в роли опустившегося пьянчужки приносил огромную пользу. Пьяница-робот избавлял городок, в котором жил, от пьяницы-человека, снимал лишнее позорное пятно с человеческого рода, а вытесненный таким роботом потенциальный алкоголик поневоле становился вполне приемлемым членом общества. Быть может, этот человек и не являл собой образец порядочности, но по крайней мере он держался в рамках приличия.

Для человека быть беспробудным пьяницей ужасно, а для робота это все равно что раз плюнуть. Потому что у роботов нет души. Роботы были не в счет.

И хуже всего, подумал Тобиас, что эту роль ты должен играть постоянно: ни малейших отступлений, никаких передышек, если не считать кратких периодов, как вот сейчас, когда ты твердо уверен, что тебя никто не видит...

Но сегодня вечером он на несколько минут вышел из образа. Его вынудили обстоятельства. На карту были поставлены две человеческие жизни, и иначе поступить он не мог.

Впрочем, сказал он себе, не исключено, что еще все обойдется. Те бедняги были в таком состоянии, что, вероятно, даже не заметили, кто их спас. Потрясенные происшедшим, они могли его не узнать.

Но весь ужас в том, вдруг понял он, что это его не устраивало: он страстно желал, чтобы его узнали. Ибо в структуре его личности появилось нечто человеческое, и это нечто неудержимо стремилось проявить себя вовне, жаждало признания, которое возвысило бы его над тем опустившимся забуддыгой, каким он был в глазах людей.

Но это же нечестно, осудил он себя. Такие помыслы недостойны робота. Он ведь посягает на традиции.

Тобиас заставил себя сидеть спокойно, не дыша, не двигаясь, и попытался собраться с мыслями — уже не актерствуя, не таясь от самого себя, глядя правде в лицо.

Ему было бы куда легче, думал он, если б он не чувствовал, что способен на большее, если б роль дурного примера для жителей Милвила была для него пределом, исчерпывала все его возможности.

А ведь раньше так и было, вспомнил он. Именно так обстояли дела в то время, когда он завербовался на эту работу и подписал контракт. Но сейчас это уже пройденный этап. Он созрел для выполнения более сложных заданий.

Потому что он повзрослел, как, мало-помалу меняясь, загадочным образом постепенно взрослеют роботы.

Никуда не годится, что он обязан нести такую службу, в то время как теперь ему по силам задания более сложные, а таких ведь найдется немало. Но тут ничего не исправишь. Положение у него безвыходное. Обратиться за помощью не к кому. Самовольно оставить свой пост невозможно.

Ведь для того чтобы он не работал впустую, существовало правило, по которому только один-единственный человек, обязанный хранить это в строжайшей тайне, знал о том, что он робот. Все остальные должны были принимать его за человека. В противном случае его труд потерял бы всякий смысл. Как бездельник и пьяница-человек он избавлял жителей городка от вульгарного порока; как никудышный, паршивый пьяница-робот он не стоил бы ни гроша.

Поэтому все оставались в неведении, даже муниципалитет, который, надо полагать, без большой охоты платит ежегодный членский взнос Обществу Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода, не зная, на что идут эти деньги, но тем не менее не ре-

шаясь уклониться от платежа. Ибо не каждый муниципалитет был удостоен чести пользоваться особыми услугами ОПСЧР. Стоило не уплатить взнос, и наверняка Милвилу пришлось бы ждать да ждать, пока ему посчастливилось бы снова попасть в члены этого Общества.

Вот он и застрял здесь, подумал Тобиас, связанный по рукам и ногам десятилетним контрактом, о существовании которого город и не догадывается, но это не меняет дела.

Он знал, что ему не с кем даже посоветоваться. Не было человека, которому он мог бы все выложить начистоту, ибо, как только он кому-нибудь откроется, вся его работа пойдет насмарку, он бессовестно подведет город. А на такое не решится ни один робот. Это же непорочно.

Он пытался логически обосновать причину такой неодолимой тяги к точному выполнению предписанного, причину своей неспособности нарушить обязательства, зафиксированные в контракте. Но логика тут ни при чем — все это существовало в нем само по себе. Так уж устроены роботы; это один из множества факторов, сочетанием которых определяется их поведение.

Итак, выхода у него не было. По условиям контракта ему предстояло еще десять лет пить горькую, в непотребном виде слоняться по улицам, играть роль одуревшего от каждодневного пьянства, опустившего человека, для которого все на свете — трын-трава. И он должен ломать эту комедию, чтобы подобным вырождением не стал кто-нибудь из горожан.

Но как же обидно размениваться на такие мелочи, зная, что ты способен выполнять более квалифицированную работу, зная, что твой нынешний разряд дает тебе право заняться творческим трудом на благо общества.

Он положил на стол руку и услышал, как под ней что-то зашуршало.

Письмо. Он совсем забыл про письмо.

Он взглянул на конверт, увидел, что на нем нет обратного адреса, и сразу смекнул, от кого оно.

Вынув из конверта сложенный пополам листок бумаги, он убедился, что чутье его не обмануло. Вверху страницы, над текстом, стоял штамп Общества Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода.

В письме было написано следующее:

Дорогой коллега!

Вам будет приятно узнать, что на основе последнего анализа Ваших способностей установлено, что в настоящее время Вы более всего подходите для исполнения обязанностей координатора и экспедитора при организующейся колонии людей на одной из осваиваемых планет. Мы уверены, что, заняв такую должность, Вы принесете большую пользу, и готовы при отсутствии каких-либо иных соображений предоставить Вам эту работу немедленно.

Однако нам известно, что еще не истек срок заключенного Вами ранее контракта и, быть может, в данный момент Вы считаете неудобным поставить вопрос о переходе на другую работу.

Если ситуация изменится, будьте любезны незамедлительно дать нам знать.

Под письмом стояла неразборчивая подпись.

Тобиас старательно сложил листок и сунул его в карман.

И ему отчетливо представилось, как там, на другой планете, где солнцем зовут другую звезду, он помогает первым поселенцам основать колонию, трудит-

ся вместе с колонистами, но не как робот, а как человек, настоящий человек, полноправный член общества.

Совершенно новая работа, новые люди, новая обстановка.

И он перестал бы наконец играть эту отвратительную роль. Никаких трагедий, никаких комедий. Никакого паясничанья. Со всем этим было бы раз и навсегда покончено.

Он поднялся со стула и запагал взад-вперед по комнате.

Как все нескладно, — подумал он. — Почему он должен торчать здесь еще десять лет? Он же ничего не должен этому городку — его ничто здесь не держит... разве только обязательство по контракту, которое священно и нерушимо. Священно и нерушимо для робота.

И получается, что он намертво прикован к этой крошечной точке на карте Земли, тогда как мог бы стать одним из тех, кто сеет меж далеких звезд семена человеческой цивилизации.

Поселенцев было бы совсем немного. Уже давно отказались от организации многолюдных колоний — они себя не оправдали. Теперь для освоения новых планет посылали небольшие группы людей, связанных старой дружбой и общими интересами.

Тобиас подумал, что такие поселенцы скорее напоминали фермеров, чем колонистов. Попытать счастья в космосе отправлялись люди, близко знавшие друг друга на Земле. Даже кое-какие деревушки посылали на другие планеты маленькие отряды своих жителей, подобно тому как в глубокой древности общины отправляли с Востока на дикий неосвоенный Запад караваны фургонов.

И он тоже стал бы одним из этих отважных искателей приключений, если б смог нарушить условия

контракта, если б смог сбежать из этого городка, избавиться от этой бездарной унизительной работы.

Но этот путь для него закрыт. Ему оставалось лишь пережить горечь полного крушения надежд.

Раздался стук в дверь, и, пораженный, он замер на месте: в его дверь никто не стучался уже много лет. Стук в дверь, сказал он себе, может означать только надвигающуюся беду. Может означать только то, что там, на дороге, его узнали — а он уже начал привыкать к мысли, что ему все-таки удастся выйти сухим из воды.

Тобиас медленно подошел к двери и отворил ее. Их было четверо: местный банкир Герман Фробшер, миссис Хэлворсен, супруга баптистского священника, Бад Эндсерсон, тренер футбольной команды, и Крис Лэмберт, редактор Милвилского еженедельника.

И по их виду он сразу понял, что дела его плохи — неприятность настолько серьезна, что от нее не спасешься. Лица вошедших выражали искреннюю преданность и благодарность с оттенком некоторой неловкости, какую испытывают люди, когда осознают свою ошибку и дают себе слово разбиться в лепешку, чтобы ее исправить.

Фробшер так решительно, с таким преувеличенным дружелюбием протянул Тобиасу свою пухлую руку, что впору было расхохотаться.

— Тоуб, — сказал он, — уж не знаю, как вас благодарить. Я не нахожу слов, чтобы выразить, как мы глубоко тронуты вашим сегодняшним поступком.

Тобиас попытался отделаться быстрым рукопожатием, но банкир в аффекте стиснул его руку и не желал отпускать.

— А потом взяли да сбежали! — заверещала мис-

сис Хэлворсен. — Нет чтобы подождать и показать всем, какой вы замечательный человек. Хоть убей, не пойму, что на вас нашло.

— Дело-то пустяшное, — промямлил Тобиас.

Банкир наконец выпустил его руку, и ею тут же завладел тренер, словно только и ждал, когда ему представится такая возможность.

— Благодаря вам Рэнди жив и в форме, — заговорил он. — Завтра ведь игра на кубок, а нам без него хоть не выходи на поле.

— Мне нужна ваша фотография, Тоуб, — сказал редактор. — У вас найдется фотография? Хотя, что я — откуда ей у вас быть? Ничего, мы завтра же вас сфотографируем.

— Но первым делом, — сказал банкир, — мы переселим вас из этой халупы.

— Из этой халупы? — переспросил Тобиас, испугавшись уже не на шутку. — Мистер Фробишер, так это ж мой дом!

— Нет, уже не ваш, баста! — взвизгнула миссис Хэлворсен. — Мы позаботимся о том, чтобы дать вам возможность исправиться. Такого шанса вам еще в жизни не выпадало. Мы намерены обратиться в АОБА.

— АОБА? — в отчаянии повторил за ней Тобиас.

— Анонимное Общество по Борьбе с Алкоголизмом, — чопорно пояснила супруга пастора. — Оно поможет вам излечиться от пьянства.

— А что, если Тоуб вовсе не хочет стать трезвенником? — предположил редактор.

Миссис Хэлворсен раздраженно скрипнула зубами.

— Он хочет, — заявила она. — Нет человека, который бы...

— Да будет вам, — вмешался Фробишер. — Не все сразу. Мы обсудим это с Тоубом завтра.

— Ага,— обрадовался Тобиас и потянул на себя дверь,— отложим наш разговор до завтра.

— Э, нет, так не годится,— сказал банкир.— Вы сейчас пойдете со мной. Жена ждет вас к ужину, для вас приготовлена комната, и, пока все не уладится, вы поживете у нас.

— Чего ж тут особенно улаживать? — запротестовал Тобиас.

— Как это — чего? — возмутилась миссис Хэлворсен.— Наш город палец о палец не ударил, чтобы хоть как-нибудь вам помочь. Мы всегда держались в стороне, спокойно наблюдая, как вы чуть ли не на четвереньках тащитесь мимо. А это очень дурно. Я серьезно поговорю с мистером Хэлворсеном.

Банкир дружески обнял Тобиаса за плечи.

— Пойдемте, Тоуб,— сказал он.— Мы у вас в неплатном долгу и сделаем для вас все, что в наших силах.

Он лежал на кровати, застеленной белоснежной хрустящей простыней, и такой же простыней был укрыт, а когда все уснули, он вынужден был тайком пробраться в уборную и спустить в унитаз всю пищу, которую его заставили съесть за ужином.

Не нужны ему белоснежные простыни. Ему вообще не нужна кровать. В его развалюхе, правда, стояла кровать, но только для отвода глаз. А здесь — лежи среди белых простынь, да еще Фробшер заставил его принять ванну, что, между прочим, было для него весьма кстати, но как же он из-за этого разволновался!

Жизнь изгажена, думал Тобиас. Работа спущена в канализационную трубу. Он все испортил, да так по-глупому. И теперь он уже не отправится с горсткой отважных осваивать новую планету; даже тогда,

когда он окончательно развяжется со своей нынешней работой, у него не будет никаких шансов на что-либо действительно стоящее. Ему поручат еще одну занюханную работенку, он будет вкалывать еще двадцать лет и, возможно, снова промахнется — уж если есть в тебе слабинка, от нее никуда не денешься.

А такая слабинка в нем была. Он убедился в этом сегодня вечером.

Но с другой стороны, что ему оставалось делать? Неужели он должен был прошмыгнуть мимо, допустить, чтобы те двое погибли в горящей машине?

Он лежал на чистой белой простыне, смотрел на струившийся из окна в комнату чистый, белый свет луны и задавал себе вопрос, на который не мог ответить.

Правда, у него еще оставалась одна надежда, и, чем больше он думал, тем радужней смотрел в будущее; мало-помалу па душе у него становилось легче.

Еще можно все переиграть, говорил он себе; нужно только снова надраться до чертиков, вернее, притвориться пьяным, ибо он ведь никогда не бывал пьян по-настоящему. И тогда он так разгуляется, что его подвиги войдут в историю городка. В его власти непоправимо опозорить себя. Он может демонстративно, по-хамски отказаться от предоставленной ему возможности стать порядочным. Он может всем этим достойным людям с их добрыми намерениями отпустить такую звонкую оплеуху, что покажется им во сто крат отвратительней, чем прежде.

Он лежал и мысленно рисовал себе, как это будет выглядеть. Идея была отличная, и он обязательно претворит ее в жизнь... но, пожалуй, есть смысл заняться этим немного погодя.

Такая хулиганская выходка произведет большее впечатление, если он слегка повременит, этак с неделку будет разыгрывать из себя тихоню. Тогда его

грехопадение ударит их похлеще. Пусть-ка понежатся в лучах собственной добродетели, вкусят высшую радость, считая, что вытащили его из грязи и наставили на путь истинный; пусть окрепнет их надежда — и вот тогда-то он, издевательски хохоча, пьяный в дым, спотыкаясь, потащится обратно в свою лачугу над болотом.

И все уладится. Он снова включится в работу, а пользы от него будет даже больше, чем до этого происшествия.

Через одну-две недели. А может, и позже...

И вдруг он словно прозрел: его поразила одна мысль. Он попытался прогнать ее, но она, четкая и ясная, не уходила.

Он понял, что лжет самому себе.

Он не хотел опять стать таким, каким был до сегодняшнего вечера.

С ним же случилось именно то, о чем он мечтал, признался он себе. Он давно мечтал завоевать уважение своих сограждан, расположить их к себе, почувствовать наконец внутреннюю удовлетворенность.

После ужина Фробишер завел разговор о том, что ему, Тобиасу, необходимо устроиться на какую-нибудь постоянную работу, заняться честным трудом. И сейчас, лежа в постели, он понял, как истосковался по такой работе, как жаждет стать скромным, уважаемым гражданином Милвила.

Но он знал, что этому не бывать, что обстановка сложилась хуже некуда. Ведь он уже не просто партач, а предатель, причем полностью это осознавший.

Какая ирония судьбы: выходит, что провал работы был его заветной мечтой, а теперь, когда эта мечта осуществилась, он все равно остается в проигрыше.

Будь он человеком, он бы заплакал.

Но плакать он не умел. Напрягшись всем телом, он лежал на белоснежной накрахмаленной просты-

не, а в окно лился белоснежный и словно тоже подкрахмаленный лунный свет.

Он нуждался в чьей-нибудь помощи. Первый раз в жизни он испытывал потребность в дружеской поддержке.

Было лишь одно место, куда он мог обратиться, — но только в самом крайнем случае.

Почти бесшумно Тобиас натянул на себя одежду, выскользнул из двери и на цыпочках спустился по лестнице.

Пройдя обычным шагом квартал, он решил, что теперь уже можно не осторожничать, и помчался во весь дух, гонимый страхом, который летел за ним по пятам, точно обезумевший всадник.

Завтра матч, тот самый решающий матч, в котором покажет класс игры спасенный им Рэнди Фробшер, и, должно быть, Энди Донновэн работает сегодня допоздна, чтобы освободить себе завтрашний день и пойти на стадион.

Интересно, который сейчас час, подумал Тобиас, и у него мелькнуло, что, вероятно, уже очень поздно. Но Энди наверняка еще возится с уборкой — не может быть, чтобы он ушел.

Оказавшись у цели, Тобиас взбежал по извилистой дорожке к темному, с расплывчатыми очертаниями зданию школы. Ему вдруг пришло в голову, что он уйдет из школы ни с чем, что бежал так сюда зря, и он почувствовал внезапную слабость.

Но в этот миг он заметил свет в одном из окон полуподвала — в окне кладовой и понял, что все в порядке.

Дверь была заперта, и он забарабанил по ней кулаком, потом, немного подождав, постучал еще раз.

Наконец он услышал, как кто-то, шаркая подош-

вами, медленно поднимается по лестнице, а спустя одну-две минуты за дверным стеклом замаячила колеблющаяся тень.

Раздался звон перебираемых ключей, щелкнул замок, и дверь открылась.

Чья-то рука быстро втащила его в дом. Дверь за ним захлопнулась.

— Тоуб! — воскликнул Энди Донновэн. — Как хорошо, что ты пришел.

— Энди, я такого натворил!..

— Знаю, — прервал его Энди. — Мне уже все известно.

— Я не мог допустить, чтобы они погибли. Я не мог оставить их без помощи. Это было бы не по-человечески.

— Это было бы в порядке вещей, — сказал Энди. — Ты же не человек.

Он первым стал спускаться по лестнице, держась за перила и устало шаркая ногами.

Со всех сторон их обступила гулкая тишина опустевшего здания, и Тобиас почувствовал, как непередаваемо жутко в школе в ночное время.

Войдя в кладовую, уборщик сел на какой-то пустой ящик и указал роботу на другой.

Но Тобиас остался стоять. Ему не терпелось поскорей исправить положение.

— Энди, — заговорил он, — я все продумал. Я напьюсь страшным образом и...

Энди покачал головой.

— Это ничего не даст, — сказал он. — Ты неожиданно для всех совершил доброе дело, стал в их глазах героем. И, помня об этом, горожане будут тебе все прощать. Что бы ты ни вытворял, какого бы ни

строил из себя пакостника, они никогда не забудут, что ты для них сделал.

— Так значит... — произнес Тобиас с оттенком вопроса.

— Ты прогорел, — сказал Энди. — Здесь от тебя уже не будет никакой пользы.

Он замолчал, пристально глядя на вконец расстроенного робота.

— Ты прекрасно справлялся со своей работой, — снова заговорил Энди. — Пора тебе об этом сказать. Трудился ты на совесть, не щадя сил. И благотворно повлиял на город. Ни один из жителей не решился стать таким подонком, как ты, таким презренным и отвратительным...

— Энди, — страдальчески проговорил Тобиас, — перестань увешивать меня медалями.

— Мне хочется подбодрить тебя, — сказал Энди.

И тут, несмотря на все свое отчаяние, Тобиас почувствовал, что его разбирает смех — неуместный, пугающий смех от мысли, которая внезапно пришла ему в голову.

И этот смех становился все неудержимее — Тобиас смеялся над горожанами: каково бы им пришлось, узнай они, что своими добродетелями обязаны двум таким ничтожествам — школьному уборщику с шаркающей походкой и мерзкому пропойце.

Сам он, как робот, в такой ситуации, пожалуй, мало что значил. А вот человек... Выбор пал не на банкира, не на коммерсанта или пастора, а на уборщика — мойщика окон, полотера, истопника. Это ему доверили тайну, он был назначен связным. Он был самым важным лицом в Милвиле.

Но горожане никогда не узнают ни о своем долге, ни о своем унижении. Они будут свысока относиться к уборщику. Будут терпеть пьяницу — вернее, того, кто займет его место.

Потому что с пьяницей покончено. Он прогорел. Так сказал Энди Донновэн.

Тобиас инстинктивно почувствовал, что, кроме него и Энди, в кладовой есть кто-то еще.

Он стремительно повернулся на каблуках и увидел перед собой незнакомца.

Тот был молод, элегантен и с виду малый не промах. У него были черные, гладко зачесанные волосы, а в его облике было что-то хищное, и от этого при взгляде на него становилось не по себе.

— Твоя замена, — слегка усмехнувшись, сказал Энди. — Уж он-то отпетый негодяй, можешь мне поверить.

— Но по нему не скажешь...

— Пусть его внешность не вводит тебя в заблуждение, — предостерег Энди. — Он куда хуже тебя. Это последнее изобретение. Он гнуснее всех своих предшественников. Тебя здесь никогда так не презирали, как будут презирать его. Его возненавидят от всей души, и нравственность жителей Милвила повысится до такого уровня, о каком раньше и не мечтали. Они будут из кожи вон лезть, чтобы не походить на него, и все до одного станут честными — даже Фробишер.

— Ничего не понимаю, — растерянно пролепетал Тобиас.

— Он откроет в городе контору, как раз под стать такому вот молодому энергичному бизнесмену. Страхование, разного рода сделки купли, продажи и найма движимой и недвижимой собственности, залоговые операции — короче, все, на чем он сможет нажиться. Не нарушив ни единого закона, он обдерет их как липку. Жестокость он замаскирует ханжеством. С обаятельной искренней улыбкой он будет обворовывать всех и каждого, свято чтя при этом букву за-

кона. Он не постесняется пойти на любую низость, не побрезгует самой подлой уловкой.

— Ну разве ж так можно?! — вскричал Тобиас. — Да, я был пьяницей, но по крайней мере я вел себя честно.

— Наш долг — заботиться о благе всего человечества, — торжественно заявил Энди. — Позор для Милвила, если в нем когда-либо объявится такой человек, как он.

— Вам видней, — сказал Тобиас. — Я умываю руки. А что будет со мной?

— Пока ничего, — ответил Энди. — Ты вернешься к Фробишеру и подчинишься естественному ходу событий. Поступи на работу, которую он для тебя подыщет, и живи тихо-мирно, как порядочный, достойный уважения гражданин Милвила.

Тобиас похолодел.

— Ты хочешь сказать, что вы меня окончательно списали? Что я вам больше не нужен? Но я же старался изо всех сил! А сегодня вечером мне просто нельзя было поступить по-другому. Вы не можете так вот запросто вышвырнуть меня вон!

Энди покачал головой.

— Придется открыть тебе один секрет. Лучше б ты узнал об этом чуток попозже, но... Видишь ли, в городе поговаривают о том, чтобы послать часть жителей в космос осваивать одну из недавно открытых планет.

Тобиас выпрямился и настороженно замер; в нем было вспыхнула надежда, но сразу же померкла.

— А я тут при чем? — сказал он. — Не пошлют же они такого пьяницу, как я.

— Теперь ты для них хуже, чем пьяница, — сказал Энди. — Намного хуже. Когда ты был обыкновенным забулдыгой, ты был весь как на ладони. Они наперечет знали все твои художества. Они всегда яс-

но представляли, чего от тебя можно ждать. А бросив пить, ты спутаешь им карты. Они будут неусыпно следить за тобой, попытаюсь угадать, какой ты им можешь преподнести сюрприз. Ты лишишь их покоя, и они изведутся от сомнений в правильности занятой ими позиции. Ты обременишь их совесть, станешь причиной постоянной нервозности, и они будут пребывать в вечном страхе, что в один прекрасный день ты так или иначе докажешь, какого они свалили дурака.

— С таким настроением они никогда не включат меня в число будущих колонистов, — произнес Тобиас, распрощавшись с последней тенью надежды.

— Ошибаешься, — возразил Энди. — Я уверен, что ты полетишь в космос вместе с остальными. Добропорядочные и слабонервные жители Милвила не упустят такой случай, чтобы от тебя избавиться.

Джек Льюис

Кто у кого украл

Кунз-виллидж, шт. Нью-Йорк,
улица 219, 90-26,
м-ру Джеку Льюису

2 апреля 1952 г.

Уважаемый мистер Льюис,

возвращаем Вам рукопись Вашего рассказа «Девятое измерение». Сначала нам показалось, что рассказ можно опубликовать. В самом деле, почему бы и нет? Ведь был же он опубликован в журнале «Космические саги».

Вам, конечно, хорошо известно, что подписанный Вашим именем рассказ впервые увидел свет в 1934 году и принадлежит перу великого Тодда Тромбери. Мой Вам совет — никогда больше не занимайтесь плагиатом. Себе дороже стоит. Поверьте.

Всего наилучшего.

Дойл П. Гейтс, редактор
отдела научной фантастики
журнала «В глубинах космоса»

*Нью-Йорк, шт. Нью-Йорк,
Журнал «В глубинах космоса»,
редактору Дойлу П. Гейтсу*

5 апреля 1952 г.

Уважаемый мистер Гейтс,

я не знаю никакого Тодда Тромбери и до Вашего письма даже не подозревал о его существовании. Я с

© Перевод на русский язык, «Мир», 1978

чистой душой послал Вам свой рассказ, и Ваше обвинение в плагиате глубоко меня оскорбило.

Рассказ «Девятое измерение» написан мной месяц назад, и, если у этого Тодда Тромбери есть что-либо подобное, поверьте, это случайное совпадение.

Ваше письмо все же заставило меня задуматься. Мой другой рассказ я послал в «Звездную пыль» и на днях получил рукопись обратно. На бланке с отказом кто-то карандашом приписал: «Слишком отдает Тоддом Тромбери».

Если не секрет, кто такой Тодд Тромбери? Мне это имя ни разу не попадалось на протяжении тех десяти лет, что я сам занимаюсь научной фантастикой.

Искренне Ваш

Джек Льюис

*Куинз-виллидж, шт. Нью-Йорк,
улица 219, 90-26,
м-ру Джеку Льюису*

11 апреля 1952 г.

Дорогой мистер Льюис,

отвечаем на Ваше письмо от 5-го апреля. Наша редакция не склонна никого обвинять, и мы, представьте себе, знаем о существовании бродячих сюжетов, тем не менее нам очень трудно поверить, что Вы не знакомы с произведениями Тодда Тромбери.

Тромбери умер в 1941 году. Как часто бывает, его произведения получили широкую известность только после его смерти. Тромбери был специалистом по радиоэлектронике; его познания в этой области были тем неиссякаемым источником, откуда он черпал свои оригинальные идеи, рассыпанные во множестве по

его романам и рассказам. Даже сегодня так называемые писатели-модернисты могли бы кое-чему у него поучиться. Поучиться, но не переписывать слово в слово, как сделали Вы. Вы пишете, это случайное совпадение. Скажите, может ли после первой же сдачи у каждого игрока оказаться на руках флешпроаль? А вероятность полного совпадения рассказа в миллион раз меньше.

Извините, но мы не так наивны, как Вы думаете.

Дойл П. Гейтс, редактор отдела
научной фантастики журнала
«В глубинах космоса»

*Нью-Йорк, шт. Нью-Йорк,
журнал «В глубинах космоса»,
м-ру Дойлу П. Гейтсу*

14 апреля 1952 г.

Сэр,

Ваши инсинуации не хуже и не лучше той дряни, что Вы печатаете в своем журнале. Немедленно аннулируйте мою подписку.

Остаюсь и пр.

Джек Льюис

*Чикаго, шт. Иллинойс,
Франт-стрит, Клуб любителей
научной фантастики*

14 апреля 1952 г.

Господа,

мне бы очень хотелось почитать что-нибудь Тодда Тромбери. Посоветуйте, где можно достать журналы или сборники рассказов с его публикациями.

С уважением

Джек Льюис

*Куинз-виллидж, шт. Нью-Йорк,
улица 219, 90-26,
м-ру Дж. Льюису*

22 апреля 1952 г.

Дорогой мистер Льюис,

нам бы тоже очень хотелось почитать Тодда Тром-
бери. Единственное, что мы можем Вам посовето-
вать, — обратитесь к его издателям, если они еще не
удалились от дел, или поройтесь на полках букини-
стов.

Если Вам посчастливится что-либо найти, сообщите
нам. За вознаграждением не стоим.

С уважением

*Рэй Алберт, президент
Клуба научной фантастики*

*Сент-Луис, шт. Миссури,
журнал «Чужие миры»,
редактору м-ру
С. Дж. Гроссу*

11 мая 1952 г.

Дорогой мистер Гросс,

псылаю Вам рукопись моего рассказа, который я
только что окончил. Я назвал его «Потерпевшие ка-
тастрофу с десяти тысяч галактик». Работая над рас-
сказом, я провел настоящее научное исследование,
посему минимальная плата, на которую я согласен, —
два цента за слово. Надеюсь, он Вам понравится и
Вы приютите его на страницах «Чужих миров».

С искренним расположением

Джек Льюис

*Куинз-виллидж, шт. Нью-Йорк,
улица 219, 90-26,
м-ру Дж. Льюису*

19 мая 1952 г.

Дорогой мистер Льюис,

очень сожалею, но в настоящее время мы не сможем напечатать «Потерпевшие катастрофу с десяти тысяч галактик». Рассказ превосходный, и если в будущем мы и напечатаем его, то гонорар пошлем прямо наследникам Тодда Тромбери. Вот кто действительно умел писать.

С наилучшими пожеланиями

*Сэмсон Дж. Гросс,
редактор
журнала «Чужие миры»*

*Нью-Йорк, шт. Нью-Йорк,
журнал «В глубинах космоса»,
редактору Дойлу П. Гейтсу*

23 мая 1952 г.

Дорогой мистер Гейтс,

я писал Вам, что порываю с Вашим журналом, но дело приняло столь фантастический оборот, что я решил снова к Вам обратиться.

Все журналы как сговорились и не печатают моих рассказов по той причине, что они якобы списаны у некоего Тодда Тромбери. Списаны от первого слова до последнего, кроме подписи. В своем письме Вы остроумно подсчитали, какова вероятность совпадения одного рассказа. А как насчет пяти-шести? Согласен, вероятность бесконечно мала.

И все-таки по-человечески умоляю поверить мне: каждое слово в моих рассказах написано мной! Я никогда ничего не списывал у Тодда Тромбери, не читал ни единой его строчки. И как я уже писал, до недавних пор даже не слышал о его существовании.

И вот мне в голову пришла мысль, настолько странная, что я могу поделиться ею только с редактором научно-фантастического журнала. Представьте себе, что этот Тромберн, делая свои опыты по электронике, прорвался в конце концов сквозь пространственно-временной барьер, о котором Вы так часто пишете в своем журнале. А теперь допустим, хоть это и не очень скромно с моей стороны, что из всей современной фантастики ему больше всего понравились мои рассказы — именно так он хотел бы писать сам.

Вы уже поняли меня? Человек из прошлого стоит за моей спиной и старается не пропустить ни слова из тех, что ложатся из-под моего пера на бумагу. Или, быть может, эта картина кажется Вам чересчур фантастической?

Ответьте, пожалуйста, что Вы думаете о таком объяснении.

С уважением

Джек Льюис

*Куинз-виллидж, шт. Нью-Йорк,
улица 219, 90-26,
м-ру Дж. Льюису*

25 мая 1952 г.

Дорогой мистер Льюис,

мы думаем, что Вам лучше всего обратиться к психиатру.

*Нью-Йорк, 16, шт. Нью-Йорк,
корпорация журналов
«Стэндрт Мэгэзинз»,
Редактору отдела научной фантастики
м-ру Сэму Майнсу*

3 июня 1952 г.

Дорогой мистер Майнс,
посылаю Вам не рукопись рассказа, а несколько моих писем (вторые экземпляры) и ответы разных журна-

лов, чтобы достоверность этой истории не вызывала у Вас сомнения.

Письма подобраны в хронологическом порядке. Комментарии к ним, как говорится, излишни. Опубликуйте эту переписку, может, кто из Ваших читателей и найдет разгадку всей этой чертовщины. Назовите ее «Кто у кого украл?»

С уважением

Джек Льюис

*Куинз-виллидж, шт. Нью-Йорк,
улица 219, 90-26,
м-ру Джеку Льюису*

10 июня 1952 г.

Дорогой мистер Льюис,

мысль написать научно-фантастический рассказ в виде переписки весьма недурна. Но, боюсь, Вы уже опоздали.

В августе 1940 г. мистер Тодд Тромбери опубликовал в журнале «Пляска смерти» научно-фантастический рассказ, представляющий собой переписку писателя и редактора. По иронии судьбы рассказ назывался «Кто у кого украл?»

Не падайте духом. Если Вам в голову придет что-нибудь более оригинальное, посылайте нам. Ждем.

Искренне Ваш

*Сэмьюэл Майнс, редактор
отдела научной фантастики
журнальной корпорации
«Стэндарт Мэгэзинз»*

На двенадцатый день

В последнее время прошел слух о том, что мистер Таддеус Байндер, всецело погруженный в занятия, которые он называет научно-философскими изысканиями, опять с удовольствием «колдует» в своей мастерской или, как он говорит, в лаборатории. С виду это очень приятный, небольшого роста, розовощекий добряк. Однако... однако, быть может, кому-то следовало бы заставить его прекратить эти, с позволения сказать, исследования.

Особые соображения на этот счет имеет человек по фамилии Стимс. Если, не приведи господь, в его присутствии упомянуть об одном из последних удачных опытов мистера Байндера, он немедленно вмешается в разговор, будет говорить долго и страстно, распаляясь все больше и больше. Голос Стимса будет звучать раздраженно, потом сделается пронзительным, а в углах рта появится пена. Правда, он совершенно не уверен в том, что встречался с господином Байндером лично, и не знает ровным счетом ничего о так называемой «проницаемости», которая и явилась всему виной. Дело в том, что Стимс — натура весьма эмоциональная. Он до сих пор негодует, вспоминая, что газеты в свое время изображали его убий-

цей в крупных масштабах, почище самого Ландрю, и дали кличку «Чудовище за рулем».

Кроме Байндера, еще два человека вызывают самую бурную реакцию со стороны Стимса: девушка Сьюзи Блепп, женихом которой он был в те незабываемые дни, и полицейский Кассиди, неожиданно вмешавшийся в этот роман. Однако вся история начиналась с, казалось бы, ничем не примечательных событий, развивающихся, если можно так выразиться, лишь в сфере чисто умозрительной.

Все началось с экспериментов мистера Таддеуса Байндера, этого, как мы уже говорили, весьма упитанного джентльмена шестидесяти четырех лет от роду. Проработав всю сознательную жизнь в местной энергетической компании, он ушел на пенсию и посвятил все свободное время чтению и размышлению над прочитанным. Он жадко впитывал мудрость, завещанную человечеству такими светлыми умами, как Кант и Лейбниц, Маритэн, Эйнштейн и Резерфорд. Перерабатывая в своем сознании их философские идеи, он пытался найти им практическое применение и, нужно сказать, — не безуспешно. Мистер Байндер с увлечением занимался той областью науки, которая до него давным-давно была предана забвению. Однако он сам недооценивал достигнутых результатов. Это уж точно!

Итак, в один прекрасный день господин Байндер взял такси, за рулем которого сидел Стимс. Последний не знал, что Таддеус Байндер как раз перед этим закончил один из своих экспериментов и сумел реализовать на практике закон «проницаемости одного физического тела сквозь другое», считавшийся до того времени отвлеченной философской проблемой. Весь накопленный человечеством опыт утверждал, что два

тела не могут полностью совместиться, то есть в какой-то определенный момент занимать один и тот же объем в пространстве. Однако мистер Байндер в свое время предположил, что это вполне возможно, и начал проводить опыты.

Еще работая на машине техпомощи и выезжая по вызову на места многочисленных аварий, Байндер понял, на что способно электричество, вышедшее из-под контроля человека. Он узнал и еще кое-какие вещи, настолько маловероятные, что сам в них верил с трудом. Как бы то ни было, он решил использовать весь свой запас практических знаний для разрешения вышеупомянутой философской проблемы. Он изобрел некое приспособление. Прodelал на нем бесчисленное количество проб. Пришел в восторг от полученных результатов. И отправился к другу, мистеру Макфаддену, чтобы рассказать о своем открытии.

Итак, в пять часов пополудни, третьего мая тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года, дойдя до угла, где неподалеку от его дома пересекались Блисс-и Келвин-стрит, Таддеус Байндер увидел такси, стоявшее у обочины. Крепко прижимая к себе завернутый в газету сверток, он влез в машину и назвал адрес Макфаддена. Поскольку водитель взглянул на него с мрачной миной, он повторил адрес еще раз.

— Слышал, не глухой! — рявкнул Стимс и с той же кислой физиономией влился в поток движущегося транспорта. Все шло, как и следовало ожидать.

Байндер с блаженным видом сидел в машине. Обивка ее была грязной и рваной, а заднее сиденье вытерто настолько, что, казалось, в любую минуту одна из пружин вонзится пассажиру в тело. Но Байндер не замечал ничего: он размышлял о том, что выиграл давнишний спор, который вел со своим другом Макфадденом. Доказательство, завернутое в газету, покоилось у него на коленях.

Минував Вернон-стрит, такси покатило дальше, по улице Дюпюи. Таддеус Байндер торжествовал в душе: наконец-то он ответил на вопрос, так давно не дававший ему покоя. На идею проницаемости физических тел он наталкивался в литературе неоднократно, и всякий раз она вызывала в его душе желание осуществить ее на практике. Изложив свои рассуждения Макфаддену, скептику по натуре, он услышал в ответ: «Бред полнейший». Байндер утверждал, что разрешение проблемы явится торжеством индуктивного мышления, Макфадден же только презрительно фыркал. «Я докажу тебе, что был прав!» — провозгласил однажды Байндер. Именно это он и собирался сделать сейчас.

Чтение глубоких философских трактатов наполняло его счастьем. Торжествуя в душе, он развернул сверток, чтобы еще раз полюбоваться делом своих рук. Содержимым оказался кусок мягкой замши неправильной формы. Когда-то, возможно, она служила покрывалом для диванчика в гостиной. Давленный рисунок, от которого почти ничего не осталось, изображал сцену из «Гайаваты». Теперь замша годилась разве лишь на то, чтобы протирать ею стекла автомобиля, однако Байндер смотрел на нее с нескрываемой нежностью, ибо именно в ней и заключался ответ на пресловутый вопрос.

Внезапно прямо перед носом у Стимса вынырнуло другое такси. Чтобы не врезаться ему в багажник, Стимс, ругнувшись, изо всех сил нажал на педали. Взвизгнули тормоза, колеса замерли, Байндер скатился со своего сиденья. Стимс обрушил на шофера поток отборной ругани и получил в свой собственный адрес не менее квалифицированную брань. Достигнув вершин площадного красноречия, оба утихомирились.

— Здорово я его отполировал? — гордо спросил Стимс, обращаясь к своему пассажиру.

Ответа не последовало.

Обернувшись, шофер увидел, что заднее сиденье пусто. Пассажир испарился.

Отъехав от безумного перекрестка, взволнованный Стимс остановил машину, открыл заднюю дверцу и осмотрел ее изнутри. Пассажира не было даже на полу. Вместо него на куске замши лежали:

карманные золотые часы с монограммой, на полном ходу; несколько серебряных и медных монет; перочинный нож; металлические петли, сквозь которые продеваются шнурки в ботинках; очки в металлическом футляре; дверные ключи на кольце; пряжка от брючного ремня; звенья застежки-молнии.

Стимс энергично выругался.

— Хитер, подлец! Хотел прокатиться бесплатно. Часов ты не увидишь, как своих ушей, это уж факт!

Переложив часы и деньги к себе в карман, он вышвырнул на дорогу все остальное. В том же направлении он был готов отправить и кусок замши («на кой она черт!»), но вспомнил, сколько язвительных замечаний слышал от своей невесты Сьюзи Блепп по поводу неприглядного «интерьера» машины. Не менее едкие высказывания исходили и от ее мамы, когда та, на правах будущей тещи, каталась бесплатно. Расстелив замшу на заднем сиденье, Стимс убедился, что она сделала свое дело: пружина больше не выпирала так угрожающе из-под обивки.

Испытывая нечто похожее на мрачное удовлетворение, Стимс съездил в ломбард и заложил часы, после чего намеревался вернуться к своему вполне законному занятию, а именно к перевозке пассажиров. Не тут-то было!

Энергично жестикулируя, на краю тротуара стояла миссис Блепп. Чертыхаясь в душе («угораздило же эту ведьму засечь, что машина свободна!»), Стимс

подкатил вплотную и открыл заднюю дверцу. Солидная дама влезла в такси и, отдуваясь, плюхнулась на сиденье. (Стимс никогда не мог понять, как этакая громадина ухитрилась произвести на свет такое изящное, хрупкое создание, как Сьюзи.)

— Моя дочь просила передать, что сегодня не может с вами встретиться, — пропыхтела миссис Блепп.

— Ах вот оно что, — мрачно отозвался Стимс, — значит, не может?

— Нет, — отрезала мамаша. Сбросив туфли и откинувшись на спинку, она приготовилась с полным комфортом ехать до самого дома. О том, что Стимс откажется ее везти, не могло быть и речи: при малейшем его неповиновении миссис Блепп устраивала страшный скандал своей дочери.

Нельзя сказать, чтобы Стимс крутил баранку в отличном расположении духа: Сьюзи опять нарушила свое слово! Наверное, назначила свидание кому-то еще. Не зря же этот полицейский, Кассиди, с такой тоской провожает ее взглядом, даже когда она сидит в машине своего нареченного. Стимс мысленно предавал анафеме всех полицейских на свете.

Остановившись перед знакомым домом (Сьюзи еще не вернулась, конечно), шофер повернулся назад, чтобы попрощаться с миссис Блепп. И — остолбенел.

Машина была пуста. На заднем сиденье лежали: медные и серебряные монеты; чуть позеленевшее обручальное кольцо; пустой футляр из-под губной помады; пластинки из корсета; несколько шпилек для волос; английские булавки; дешевая сверкающая брошь.

На полу валялись туфли солидного размера.

Из горла Стимса вырвалось хриплое проклятие. Тупо озираясь, он несколько раз судорожно глотнул

воздух, потом включил скорость и дал газ, инстинктивно стремясь убраться с этого места. Не пужны ему были неприятности, особенно если они имели отношение к Сьюзи. Однако, нужны или не нужны, они уже были налицо!

От этих приключений веяло какой-то жутью. Стимс снова остановился и осмотрел машину с большой тщательностью. Замша, покрывавшая сиденье, выглядела довольно презентабельно. Кроме нее и вышеперечисленных предметов, в машине ничего не было — однако не было и какой-нибудь дыры или отверстия, сквозь которое могла бы провалиться мамаша Блепп. Выскакивать из машины на полном ходу ей не пришлось бы и в голову, не говоря уже о том, что никогда, решительно ни при каких обстоятельствах, не бросила бы она совсем хороших туфель. По всем признакам в жизнь таксиста вмешивались какие-то необъяснимые, потусторонние силы.

Ситуацию следовало продумать, поэтому Стимс заехал в бар и выпил несколько кружек пива. Но поскольку он не был интеллектуалом по натуре, напряженная работа мысли всегда вызывала у него головную боль. Посоветоваться с кем-нибудь он тоже не решался: ни одна живая душа не поверила бы в его рассказ. И вот, сидя за стойкой бара, он чувствовал, как дурные предчувствия переходят в отчаяние, а отчаяние перерастает в вызов.

— Я не виноват, — бормотал Стимс, глядя в пивную кружку, — не виноват, и точка. Да разве Сьюзи мне поверит? Придется считать, что старой карги я сегодня не видел. Не видел, и дело с концом.

Он спросил еще пива, потом сообразил, что если будет сидеть вот так, словно псгукан, и тянуть кружку за кружкой, присутствующие поймут, что он чем-то расстроен. И вышел из бара демонстративно спокойной, беспечной походкой.

Однако на мрачные раздумья ушло довольно много времени, и, когда Стимс снова выехал на людную улицу, было около девяти часов вечера. В половине десятого он остановился перед красным светофором на Эверс-авеню и переждал, когда рассосется пробка. Вдруг кто-то без спроса открыл заднюю дверь и влез в такси.

— Эй, какого черта? Я не беру пассажиров.

В ответ к его спине прикоснулось что-то холодное и твердое, и он услышал зловещий шепот:

— Давай двигай, парень. И не вздумай визжать или оглядываться.

Красный свет сменился зеленым, и в тот же миг Стимс услышал крики в конце переулка: «Ограбили! Держи их!» Ему приходилось выжимать скорость, потому что холодный металл не отрывался от спины, да и сам он не испытывал ни малейшего желания оказаться в гуще перестрелки. Наконец, покрыв приличное расстояние, он осмелился спросить:

— Куда везти-то?

Ответа не последовало. Замедлив ход, Стимс оглянулся.

Людей не было и в помине.

Открыв заднюю дверь, Стимс увидел пистолет, с наглым видом покоящийся на куске замши, кувшин для пива, кое-какую мелочь, серебряный соусник, семнадцать пар часов, тридцать четыре золотых кольца и гранатовое ожерелье. Коллекцию дополняли две крупные золотые коронки.

Весь дрожа, Стимс снова сел за руль, поехал к своему дому и там оставил машину во дворе. Но одиночество угнетало его. Он направился в ближайший бар и опять выпил пива. Однако уяснить себе положение вещей так и не смог. Просидев довольно долго в оцепенении, Стимс наконец выпалил вслух:

— Нету тут моей вины. Ничего я про это не знаю, и вообще при чем тут я, к чертям собачьим?!

Справедливости ради следует сказать, что Стимс действительно был ни при чем. Какие бы обвинения ни были выдвинуты против него, он мог бы отстаивать свою полную непричастность к делу. Эта мысль его подбодрила, и он взял еще пива.

Наступило утро. Стимса разбудил телефонный звонок; сняв трубку, он услышал, как Сьюзи, вперемешку со всхлипываниями, старается выложить все сразу: мать не вернулась домой, и не позвонила, и на улице страшный дождь, и...

— Не видал я твоей старухи, — раздраженно перебил ее Стимс, — а ты почему на свидание не явилась?

Сьюзи рыдала. Она повторила все снова, потом сообщила, что Кассиди навел справки и выяснил, что среди жертв несчастных случаев миссис Блепп не значится. Сьюзи просила Стимса узнать, что же с ней случилось.

— Не дури, детка, никто не станет умыкать такую красотку. Что касается меня, я ничего не знаю. Чего ты от меня хочешь?

Хлюпая носом, Сьюзи ответила, что умоляет его помочь. Однако Стимс был не такой дурак, чтобы ввязываться в это дело: при одной мысли о вчерашнем дне у него голова шла кругом.

— Слушай, Сьюзи, мне надо деньги зарабатывать на нашу свадьбу. Да и дождь льет как из ведра. Где я буду ее искать? Объявится твоя старуха, никуда не денется. Просто загуляла. Пока.

Повесив трубку, он вышел на улицу. Дождь падал сплошной стеной. Такая погода обычно приносила барыш, но сейчас Стимса ничто не радовало: на сердце у него лежал камень. Он оглядел машину и подумал, что, хотя вид у нее и потрепанный, никаких

улик не заметно. Стимс с мрачным видом уселся на переднее сиденье. Придется делать вид, что ничего не произошло. Часы показывали девять утра.

Примерно к половине одиннадцатого не только спина, но и все тело Стимса покрылось испариной — от страха. Один пассажир сменял другого, каждый называл адрес, спокойно сидел в такси и ехал. А потом — исчезал. В неизвестном направлении. По неизвестной причине.

Нельзя сказать, чтобы водитель оставался в убытке. После каждой поездки у него в кармане оседало примерно полдоллара, не говоря уж обо всем прочем: пассажиры оставляли в качестве сувениров самые неожиданные вещи. Совсем не страдая материально, Стимс безумно страдал душой.

В одиннадцать часов сквозь плотную завесу дождя он увидел постового Кассиди. Заметив знакомую машину, тот жестом приказал остановиться. Стимс показал на заднее сиденье — занято, мол, — и умчался, вздымая брызги фонтаном. Он ехал прямо домой: момент был слишком неподходящим для того, чтобы сажать к себе полисмена!

Зубы у Стимса стучали. Оглядываясь по сторонам, он перетаскивал в свою квартиру:

четыре чемодана, один портфель, три пары дамских туфель, букет красных роз, сырую курицу, две литровые бутылки молока, каталог обоев в переплете из искусственной кожи.

В ящик письменного стола он выгрузил из карманов не менее восьми пар часов, мужских и женских, четыре кольца, одиннадцать браслетов и десять разного рода заколок и булавок. Потом вынул из машины по крайней мере два фунта гвоздей, гнутых и ржавых.

Если говорить о настроении Стимса, то в тот момент оно было самым плачевным. Однако, едва он

разложил добычу по местам, как чувство тревоги уступило место злости.

— Какого дьявола ко мне привязался Кассиди? — закричал он, обращаясь к чемоданам и сверткам. — Думает, я загубил эту свиную тушу?

Кипя от негодования, он поехал на розыски полицейского. При виде блюстителя порядка, в сверкающем от дождя плаще, лицо Стимса перекосилось, но он остановился. Кассиди стал рассказывать, что Сюзи очень расстроена; может, Стимс случайно видел вчера миссис Блепп?

— Я уже сказал ей, что не видел! — рявкнул Стимс. — Хотя старая калоша не упустит случая, чтобы бесплатно прокатиться. Да что я ее — съел?

Кассиди не ответил. Оно и понятно: ответить, собственно, было нечего.

Мужчина, нагруженный двумя чемоданами и портфелем, заглянул в окошко:

— Такси свободно?

Стимс согласно кивнул: ничего другого ему не оставалось. Отказ показался бы подозрительным.

Едва проехав два квартала, шофер понял, что машина пуста; теперь он научился угадывать это чутьем. Обернувшись, Стимс увидел, что человека нет, а на сиденье лежат:

портсигар и зажигалка с монограммой, монеты, брючные пуговицы, металлические пистоны для шнурков, золотая шариковая ручка и другая мелочь.

Как должен был, скажите на милость, поступить водитель? Не мог же он совсем бросить работу: это вызвало бы подозрение и расспросы. Не мог он, с другой стороны, говорить всем подряд, что машина занята: это было бы еще более странно. Получалось, что Стимс стал жертвой каких-то диких, немыслимых обстоятельств. Вместе с тем он был уверен в своей

абсолютной невинности, потому что все случившееся происходило без всякого вмешательства с его стороны.

Вообще, нужно сказать, что Стимс принадлежал к той счастливой категории людей, которые умеют избавляться от любых неприятностей довольно простым путем: они приходят от них в ярость. Да, да, если только когда-нибудь возникала необходимость что-то серьезно продумать или принять решение, Стимс приходил в бешенство. Так и прошел он через всю свою жизнь в орселе благородного негодования, искренне уверенный, что кто-то другой, но никак не он сам, виноват во всех неурядицах.

А сейчас была именно такая ситуация. Пассажир брал такси, садился в него и называл адрес — тут Стимсу не в чем было себя упрекнуть. Пассажир исчезал, как сон, оставив кое-что на память о себе, — и тогда Стимс начинал чувствовать против него раздражение. К концу второго дня, после очередной подобной «выходки», Стимс уже ненавидел всех своих клиентов.

— Они мне заплатят за все эти фокусы! — ворчал он, перетаскивая в свое жилье чемоданы и портфели, — и заплатят сполна! Они еще захотят получить назад свое барахлишко; посмотрим, что из этого выйдет.

Такая интенсивная умственная деятельность всегда кончалась у Стимса на одной и той же фазе: он приходил к полной уверенности, что справедливость восторжествует и он будет отмщен.

Вечером Стимс позвонил Сьюзи и справился о том, не объявилась ли ее мамаша. Нет, не объявилась. Тогда жених, со свойственной ему широтой натуры, предложил невесте пойти куда-нибудь, где она смогла бы развлечься, забыть о своих горестях. В ответ на это предложение Сьюзи чуть ли не разразилась исте-

рикой, и Стимсу пришлось снова искать спасения в пивной, где он провел какое-то время, рассуждая о людской неблагодарности. Разве виноват он в том, что пассажиры его в буквальном смысле слова растворяются в воздухе?

«Что же мне делать? — думал он, сдувая пивную пену, — может, действительно перестать ездить на проклятой машине, из которой люди вываливаются непонятным образом?» И тут же пришел в ужас от этой мысли.

— Хотите, чтобы я подох с голоду?! — завопил Стимс, обращаясь неизвестно к кому. Нет, над таким вопросом он не собирался даже задумываться.

Осознать причину таинственных злоключений Стимс тоже не мог. Он совершенно упустил из виду то, что могло стать ключом к разгадке: самым первым исчез Таддеус Байндер, после него в машине остались кусок старой замши и кое-какие принадлежащие ему предметы обихода. Остальные пассажиры «забывали» на ней предметы только металлические; все остальное валялось на полу или ехало в багажнике. Однако сопоставить эти факты Стимс не догадывался, а если бы даже и догадался, то не смог бы добраться до самой сути, потому что не знал о серии экспериментов мистера Байндера. Стимс и самого-то Байндера совершенно забыл: как правило, пассажиров мужского пола он ценил (и запоминал) за приличные чаевые, а женского — за красивые ножки. Вот почему мистер Байндер не оставил в его памяти никакого следа.

Прошел третий день. Миссис Блепп так и не объявлялась. В связи с этим Сьюзи стала питать к жениху необъяснимую неприязнь. По ее словам, Стимсу было наплевать на исчезновение ее матери. Собственно, если разобраться, то ему было наплевать гораздо меньше,

чем кому-либо другому, но он, что пазывается, был сам себе не рад. Теперь Сьюзи со слезами на глазах и в голосе обо всем советовалась с полицейским Кассиди. Связавшись с Бюро несчастных случаев, тот, к своему удивлению, узнал, что за последнее время в городе резко возросло число без вести пропавших жителей. В душе Кассиди пробудилось служебное рвение, он решил, что случай с миссис Блепп наводит его на след, и стал наблюдать.

К концу четвертого дня описываемых событий жилье таксиста было похоже на склад: чемоданы, пакеты, аккумуляторные батареи, саксофоны в футлярах, продукты питания. Чемоданы высились вдоль одной из стен, от пола до потолка. К концу пятого дня вторая стена тоже наполовину скрылась за чемоданами, пакеты приходилось складывать под кроватью. На шестой день Стимс понял, что вещи девают больше некуда.

Именно в этот день он увидел в газетах крупные заголовки:

ПРОПАЛО 52 ЧЕЛОВЕКА! ПРОДЕЛКИ ЧУДОВИЩА?

В тексте излагались такие факты: за последние несколько дней в неизвестном направлении скрылось пятьдесят два человека обоего пола и самого разного возраста. Сообщения о новых случаях исчезновения людей с городских улиц продолжают поступать. Уже составлен внушительный список несчастных, которых, по всем признакам, уничтожить было не труднее, чем задуть пламя свечи...

Стимс с пристрастием изучал списки исчезнувших.

— Да я их знать не знаю! — взвыл он, обращаясь к чемоданам. — Когда они лезут ко мне в такси, я не спрашиваю, как их зовут! Меня это не касается! —

И тут он привел излюбленный довод, по его мнению разбивающий наголову всякие обвинения: — А что прикажете мне делать — подышать с голоду? Поставить машину в гараж и повесить замок?

Газетные отчеты подчеркивали, что ни у кого из этих людей не было никаких причин для исчезновения. Одни пропали часов в одиннадцать утра, другие за полночь. Но прослеживалась общая тенденция: люди «проваливались сквозь землю» на пути следования из одного конца города в другой. Некоторых в последний раз видели, когда они садились в такси, в связи с чем доведенные до отчаяния родственники требовали от полиции принятия самых решительных мер по отношению к таксистам: задержания, допросов с пристрастием и т. д.

— Чего захотели! — возмутился Стимс, прочитав и об этом. — Мало того, что из-за этой старой карги Сьюзи меня знать не желает! Так теперь хотят распускать всех пассажиров! А ведь все это проклятые писаки-коммунисты — это их выдумки и козни!

В сердцах скомкав газету, он отправился в пивную. Как мы уже упоминали, Стимс считал, что за кружкой пива как-то легче думается, что было, конечно, заблуждением.

После нескольких кружек пива, когда гнев его достиг наивысшей точки, Стимс нашел в справочнике телефон одной из редакций, опустил монету и набрал номер:

— Вы что себе думаете?! — заорал он в микрофон. — Печатаете байки про то, как люди исчезают из такси? Хотите честных таксистов оставить без куса хлеба? Толкаете на преступление?

Швырнув трубку на рычажок и не переставая браниться, он направился к автомобилю. Не успел Стимс проехать и трех кварталов, как его остановил пожилой толстяк. Расположившись поудобнее, он развер-

нул вечернюю газету и спросил с деланным испугом:
— Надеюсь, вы не «Чудовище за рулем»?

Стимс бешено рванул рычаг переключения передач; первую сотню метров он проехал шипя, словно перегретый пар, рвущийся из паровозной трубы. Потом заговорил тоном человека, с трудом подавившего ярость. Он отзывался о газетных репортерах в выражениях настолько едких, что по сравнению с ними серная кислота показалась бы водичкой. С убийственным сарказмом рассуждал он о людях, позволяющих себе издеваться над честными тружениками, единственная вина которых в том, что они вынуждены добывать себе пропитание. Стимс говорил все громче, с нарастающей обидой. И к моменту, когда ему пришлось остановиться перед красным светофором — было девять часов сорок пять минут вечера, — он уже ораторствовал в полную силу своих легких. На перекрестке двух оживленных улиц со всех сторон сияли огнями витрины магазинов, лицо нашего героя было хорошо освещено.

Рядом остановилась машина полицейского патруля. «Это он», — сказал Кассиди своему водителю и, выйдя из машины, заглянул в окошко Стимса.

— Вы, капиталисты, — пронзительно кричал тот, — думаете, раз у вас деньги в кармане, значит, вы можете издеваться над рабочим человеком! Вот такие, как вы, и ведут страну к гибели!

— Послушай, — вмешался Кассиди, — с кем ты споришь?

Стимс чуть не подпрыгнул на своем сиденье — и этот здесь! Одна неприятность за другой. Но вслух огрызнулся:

— Да вот этот тип, позади меня, спросил, не убил ли я кого в своей машине, — и все из-за этой чертовой статейки...

— Какой тип? — Кассиди внимательно осмотрел машину. — Где это — позади тебя?

Стимс обернулся. Никакого «типа» позади не было. Вместо него на куске замши лежали:

слуховой аппарат, часы, авторучка с монограммой, серебряные монеты, три брючные пуговицы, зубцы от застежки-молнии, пряжка от ремня.

Кассиди жестом приказал полицейской машине следовать за ним, сел за спиной Стимса и захлопнул дверцу.

— В полицию, — приказал оп. — Я уже несколько дней слежу за тобой, голубчик. После того как пропала мать Сьюзи, в твоём такси перебивалась уйма народа. Больше никого из них не видели. Мы едем в полицию. И не вздумай пробовать свои штучки на мне.

Стимс чуть не задохнулся от возмущения: какая чудовищная несправедливость! Однако послушно свернул к полицейскому участку, патрульный автомобиль следовал по пятам.

Наконец, обретя дар речи, шофёр закричал:

— Да в чём я виноват, черт побери?!

Вопрос остался без ответа.

Теперь, по прошествии определенного времени, Стимс снова в состоянии говорить обо всем, что произошло в те дни. В его квартире произвели обыск; в комнате, под кроватью, в кладовке полиция обнаружила вещи, когда-то принадлежавшие всем тем, кто имел неосторожность воспользоваться услугами таксиста. А таких набралось семьдесят два человека. Только личные вещи Кассиди, его револьвер, свисток и личный знак, паручники, кастет и прочие аксессуары полицейской службы, были выставлены в специ-

альной витрине участка в память о его беззаветной преданности долгу.

Водитель Стимс прославился моментально: вся страна узнала, что именно он и есть тот самый таинственный убийца, «Чудовище за рулем». Его провал объясняли тем, что неутомимый полисмен, воодушевленный любовью к дочери одной из жертв, потеряв покой и сон, распутывал следы преступлений, пока наконец не разоблачил «Чудовище». А потом и сам стал его добычей. Не помогла даже полицейская машина, шедшая следом, бампер к бамперу: Кассиди исчез так же бесследно, как и все остальные.

Итак, Стимсу предъявили обвинение в убийстве семидесяти одного человека — их было бы семьдесят два, заметь хоть кто-нибудь исчезновение мистера Байндера. Несмотря на отчаянные крики протеста со стороны обвиняемого, его упрятали за решетку.

Однако в благословенной стране, известной под названием Соединенных Штатов Америки, справедливость в конце концов торжествует — как правило. Особенно в тех случаях, когда дело принимает широкую огласку. Итак, защитником Стимса был назначен некий адвокат по имени Ирвинг Каслмен, который незамедлительно привлек внимание суда к тому факту, что на всей территории страны до сих пор не обнаружено ни одного трупа, следовательно, ни один из пропавших не был умерщвлен. Возникал вопрос об отсутствии *corpus delecti* — состава преступления, в связи с чем защитник требовал немедленного освобождения заключенного из-под стражи. Судебные власти выдвинули встречное обвинение — в грабеже, подкрепив его актом, в котором перечислялись все до единого предметы, найденные в квартире таксиста. Каслмен отвел и это обвинение, возразив, что еще ни один человек не заявил в полицию об ограблении. А может быть, говорил адвокат, все эти вещи были

шоферу подарены? Кто мог это опровергнуть? И он продолжал настаивать на освобождении. Лишь после того, как полицейские подговорили толпу зевак собраться у стен тюрьмы и требовать суда Линча, защитник дал свое согласие на то, чтобы Стимс оставался в заключении.

Сенсация нарастала, как снежный ком. Журналисты, репортеры, постоянные авторы раздела светской хроники и происшествий, подняли страшную шумиху вокруг личности Стимса. Его сравнивали со знаменитыми убийцами — Ландрю, Криппеном, Жилем де Ре, с Синей Бородой, — отмечая неизменно, что по количеству жертв он превзошел их всех. Издательства наперебой предлагали огромные гонорары за подробную биографию Стимса («Историю жизни и преступлений»), и адвокат настоятельно советовал ему принять предложения, чтобы по крайней мере оплатить судебные издержки. Три ученых психоаналитика усматривали предпосылки для преступных склонностей обвиняемого в том, что еще в детстве окружающие подавляли его как личность, не давая выхода естественным порывам. Четвертый же психоаналитик объяснял преступность его натуры как раз тем, что в детстве эту личность не подавляли. Социологи утверждали, что не Стимс, а вся страна, все общество должны бы оказаться на скамье подсудимых, так как именно они за все в ответе. Крупнейшая телефонная компания «Белл» обещала в день суда предоставить самый большой коммутатор в распоряжение прессы.

Имя Сьюзи мелькало во всех газетных заголовках. Нет, она фигурировала не как певичка Стимса, а как возлюбленная Кассиди, теперь безутешная навек. Но появились три другие женщины, утверждавшие, что давно состоят в браке со Стимсом. Еще двадцать девять прислали заключенному письма с предложением руки и сердца.

И вдруг дело приняло совершенно неожиданный оборот.

В здание полицейского участка, прихрамывая, вошел Кассиди. Да, да, собственной персоной, и при этом в состоянии полного морального и физического изнеможения. Полицейский рассказал, что каким-то непонятным образом вылетел из такси, в котором направлялся в участок. Очнувшись, он обнаружил пропажу своего личного знака, свистка, револьвера, наручников, кастета и других вещей. Ботинки распались на части, как только он оторвал ноги от земли, — видимо, в них не осталось гвоздей. О чем он и считал необходимым написать рапорт...

Еще через час на одной из улиц нашли пожилого толстяка, лежавшего на тротуаре почти без признаков жизни. Он рассказал, что позволил себе подшутить над шофером, после чего, не успев он и глазом моргнуть, как оказался на мостовой. В карманах не осталось ни слухового аппарата, ни авторучки, ни часов, а на брюках — ни одной пуговицы.

В скором времени один за другим на улицах города стали появляться прочие «жертвы Чудовища» — вид у каждого был в большей или меньшей степени растерзанный. Ни у кого из них не осталось ни одного металлического предмета. Никто не подозревал, что его долго разыскивали: «Я сел в такси, из которого меня вышвырнули, вслед за чем и явился в полицию, чтобы заявить о нанесенном оскорблении». За четыре часа прибыло девять человек из тех, кто «пропал» примерно пять дней назад; через шесть часов появилось еще пятнадцать, отсутствовавших шесть или семь дней. Через сутки «нашлось» пятьдесят девять человек из семидесяти одного. На очной ставке со Стимсом все утверждали, что именно он по-

винен в их злоключениях. Однако это был еще не конец.

Проявив незаурядную проницательность, полиция отметила следующую закономерность: чем позже исчез из поля зрения человек, тем раньше он объявился. И когда в участок влетела разъяренная миссис Блепп, крича, что злодей Стимс, с которым ее дочь отныне не будет иметь никакого дела, украл у нее обручальное кольцо, туфли и зачем-то вытащил пластинки из корсета, всем стало ясно, что конец близок.

Он был не просто близок — он уже наступил. Мистер Байндер очнулся на проезжей части оживленной улицы и подумал, как все, что вывалился из такси. Потом он вспомнил, что упал на кусок мягкой замши, которой любовался третьего мая часов в пять вечера, когда ехал к Макфаддену. Теперь же в городе была ночь, ни такси, ни замши, оставшейся на сиденье, не было и в помине, в карманах у него не оказалось ни часов, ни мелочи, а брюки сваливались. Байндер поплелся домой: расстояние не превышало двух кварталов. Из груды газет, накопившихся под дверью, он с удивлением узнал, что уже 14 мая, и прочел о событиях последних дней.

Таддеус Байндер заварил чаю покрепче, налил себе стакан и стал сосредоточенно думать. Он вспомнил, что, выйдя из дому, сел в такси и, развернув сверток, стал внимательно рассматривать замшу, которая как раз перед этим помогла ему доказать, что проницаемость предметов вполне осуществима на практике. После чего сам же сквозь эту замшу и «провалился». А теперь вернулся к реальной действительности через одиннадцать с половиной дней.

Опираясь на свои технические знания и практический опыт, Байндер без особого труда смог объяснить все случившееся. Однако вопрос представлял интерес не только с научной точки зрения; приходи-

лось считаться и с юридической его стороной. Семьдесят один человек мог подать на Байндера в суд — при этой мысли он содрогнулся. Впрочем, его имя не фигурировало в списках пропавших — он был одинок и никто не заявил о его «гибели». (Ни одной вещицы не осталось от него и в квартире Стимса, так как тот успел отнести в ломбард его часы.)

Поразмыслив о том, что ему делать, Байндер пришел к самому разумному выводу: он решил держать язык за зубами.

И все же на следующий день он направился к своему другу, мистеру Макфаддену.

— Боже мой, жив и невредим! — воскликнул тот. — А я считал тебя жертвой «Чудовища». Где же ты пропадал?

— Попробую тебе объяснить. Выслушай меня, Джордж.

Таддеус Байндер рассказал другу о том, что, судя по всему, ему удалось разгадать тайну проникаемости одного физического тела сквозь другое. Атомы, из которых состоят твердые вещества, даже такие, как сталь, говорил он, очень малы, а расстояние между ними сравнительно велико. Иными словами, между атомами любого самого твердого тела столько же пустоты, сколько между атомами, скажем, облаков: нейтроны и космические лучи проходят сквозь них совершенно свободно. С другой стороны, два облака так же не могут проникнуть одно сквозь другое, как и два твердых тела. Но если атомы облаков не «разлетаются», потому что они «подвешены» в частицах воздуха, то атомы твердых тел скреплены между собой электромагнитными полями, которые каждый из них создаст. Однако, если отнять у поля его сопротивляемость, в структуре твердого тела появится уйма «пробелов», сквозь которые может проникнуть другое тело, не менее твердое. Это позволит двум и бо-

лее объектам одновременно находиться в одном и том же месте.

— Именно к этому я и стремился в своих опытах, — продолжал мистер Байндер. — Целиком уничтожить сопротивляемость полей, мешающую проникновению «чужих» атомов, я не смог, мне удалось лишь слегка ее нейтрализовать. Я обработал кусок оленьей кожи, ранее служившей покрывалом, таким образом, что мог «пропихнуть» через нее почти все. Я говорю «почти», потому что металл не захотел мне подчиниться, металл оставался на своем месте. Я обработал замшу особым образом — «намагнитил» ее, если хочешь, разумеется не навсегда, — и повез к тебе, чтобы показать, как я заставляю вещи проникать друг в друга.

— Ну и где же ты пропадал с тех пор? То есть если всему этому верить.

— Сейчас расскажу. Ты знаешь, что электромагнитные поля держат каждый атом на своем месте с помощью сил, действующих друг на друга в трех взаимно перпендикулярных направлениях: горизонтальном, вертикальном и поперечном. Если между ними пытается втиснуться «чужой» атом, поля его выталкивают. Когда я их нейтрализовал, они тем не менее продолжали выталкивать, действуя по тем же взаимно перпендикулярным направлениям. В новом же направлении под прямыми углами они их втягивали.

— В новом направлении под прямыми углами? — скептически переспросил мистер Макфадден. — Но ведь это означает четвертое измерение.

— Это и было четвертое измерение, Джордж, но совершенно неожиданное: измерение во времени. Когда я упал на замшу, ее атомы, действуя на те, из которых состою я, заставили меня двигаться во времени. Они забросили меня вперед, в двенадцатый

день с того самого момента. А для вас этот день наступил только сегодня.

Макфадден молчал. Он медленно, тщательно набивал свою трубку табаком. Потом зажег ее и затянулся, не произнося ни слова. Макфаддена вообще, как мы уже отмечали, было не так-то легко в чем-нибудь убедить.

— Но атомы вещества, обработанного таким образом, — продолжал Байндер, — постепенно теряют свои свойства. Поэтому каждый день они засылали людей на все меньшую и меньшую временную дистанцию. Судя по сообщениям в газетах, последние «подопытные» оказались всего лишь в послезавтрашнем дне. А сейчас, возможно, атомы в моей замше вернулись в прежнее состояние и больше никого не пропустят.

— Ты думаешь? — в голосе Макфаддена прозвучала легкая издевка.

— Боюсь, что так оно и есть. Я мог бы, конечно, добиться полной проницаемости, но ведь от нее нет никакой практической пользы. Лучше я займусь множимостью.

— Множимостью? А это что еще такое?

— Понимаешь, — начал Байндер с энтузиазмом, — существует философское понятие, согласно которому один и тот же предмет способен одновременно находиться в нескольких местах. Джордж, ты представляешь, какне в этом таятся возможности?

Так вот, в последнее время стало известно, что мистер Таддеус Байндер работает над проблемой, таящей в себе, по его же словам, огромные перспективы. Он целиком посвятил себя делу прогресса научно-философской мысли. Он и сейчас так же свеж и приятен в общении, как и раньше, этот мистер Байп-

дер. Однако, быть может, кому-то и следовало бы положить конец его деятельности. Он ведь и сам не отдает себе отчета, какими колоссальными способностями обладает. Теперь вот, извольте радоваться, придумал какую-то множимость...

Конечно, можно было спросить мнение Стимса на этот счет, в конце концов он на себе испытал результаты подобных опытов. Однако не стоит, пожалуй. Всякий раз, когда кто-нибудь упоминает историю с «Чудовищем», Стимс приходит в волнение, начинает говорить на высоких нотах и не может остановиться. Голос его звучит раздраженно, потом делается пронзительным, в углах рта появляется пена. Впрочем, у Сьюзи Блепп и полицейского Кассиди совсем другие воспоминания об этой истории.

Чертовски трудно понять, кто из них прав.

Джоан Айкен

Пять зеленых лун

Этот маленький городок был, разумеется, густо населен и, как все подобные ему места, настолько красив и интересен, что для его описания понадобилась бы целая жизнь. Но мы расскажем лишь об одном майском утре, когда дети были в школе, выстиранное белье красовалось на веревках, почтовые фургоны пробирались по узким переулкам за город — в общем, на всех многочисленных улицах, во дворах, домах и магазинах городка жизнь, крепкая и сложная, как корни трав, шла обычным чередом.

Мистер Мэкинз, кондуктор автобуса, сидел в маленьком общем дворике у двери своей квартиры, курил трубку и читал «Дэйли миррор», поскольку его смена начиналась лишь в полдень. Предвидя скорое наступление жаркой погоды, он держал ноги в растворе горчицы и марганцовки, палитом в полнэттиленовый таз, и вся его фигура удобно располагалась в раскладном полотняном кресле.

Сэм, большой черпый пес из квартиры Кингов, лежал рядом, положив морду на лапы и с наслаждением распластавшись на теплом асфальте.

Мисс Баулинг, соседка Мэкинза, полила цветы на клумбе посреди двора, а слепой старик, мистер Тэт-

чер, в панаме и темных очках, методически вытряхивал половик, перед тем как взять свою белую палку и, постукивая ей, пройти по тихим городским улочкам за покупками для себя и внучки Люси, медицинской сестры в соседней больнице.

Вот так все выглядело внешне. Что же касается невидимого глазом, то мистер Мэкина раздумывал, греть или не греть чайник, чтобы приготовить чашку чая для жены Лил, которая скоро должна была вернуться из гостиницы, где она стирала. Пес Сэм с нетерпением ждал возвращения из школы одиннадцатилетнего Майкла Кинга. Рита Баулинг, хорошенькая, но болезненная и преждевременно поблекшая женщина, мысленно принимала решение расстаться со своим мужем Фредом. Недавно овдовевшая миссис Кинг, которая, уйдя в свое горе, довольно неласково относилась к сыну Майклу, читала «Ежедневный гороскоп» в затхлой, выходящей на север комнате со спущенными занавесками, а потом собиралась нанести визит ветеринару. Что же касается старика Тэтчера, то он раздумывал, захочет ли Люси съесть на ужин хороший кусочек пикши.

С улицы появился патер Фогарти, зашедший навестить Фреда Баулинга.

— Доброе утро, Гарри! Какие у вас здесь прекрасные махровые гиацинты! — Он залюбовался маленьким двориком, который от стены дома до асфальта дорожки был обрамлен яркой, словно ситец, каймой цветов. — Их запах доносится до середины улицы. Доброе утро, миссис Баулинг, Фред дома?

— Ах! Какой смысл говорить с ним, отец мой! — уныло проговорила Рита и выпрямилась над клумбой. — Вы с таким же успехом могли бы...

И в этот момент случилось нечто совершенно неожиданное и невероятное.

С яркой бесшумной вспышкой, такой яркой и бесшумной, что, казалось, свет всей Вселенной устремился в одном направлении и был тут же отброшен, что-то приземлилось посреди двора, превратив в жалкую слизь махровые гиацинты Мэкинза и нарциссы миссис Баулинг.

Трое из четверых находившихся во дворе людей инстинктивно отпрянули назад и уставились на странный сверкающий предмет, лежавший во дворе. Больше, чем на что-либо другое, он походил на утиное яйцо, только, разумеется, гигантского размера. Превышая рослого патера Фогарти, чуть просвечивающее «яйцо» застряло среди нарциссов. Раздался слабый треск.

— Боже правый! — произнес мистер Мэкинз и вынул трубку изо рта. — Ну и яйцо! Какой чертов цыпленок вылупится из него?

— Это ракета! — завопила Рита Баулинг, — спорю на что угодно — там внутри русские!

— В высшей мере непонятно! — сказал патер Фогарти; он осторожно приблизился к упавшему во двор предмету и коснулся его рукой. Предмет слегка качнулся. — Да он совсем легкий! Вы думаете, что...

— Берегитесь! — предупредил Гарри Мэкинз, — внутри кто-то есть. Вы правы, Рита: это межпланетный корабль.

Действительно, сквозь полупрозрачную оболочку яйца было видно, что внутри кто-то шевелится.

— Может, принести молоток? — предложил Мэкинз.

— В чем дело? Что происходит? — нетерпеливо спросил старик Тэтчер.

— О Гарри! Что это? — взвизгнула Лил Мэкинз, появляясь во дворе с продуктовой сумкой в руках.

— Постойте, постойте, — сказал патер Фогарти, — он вылезает!

Крошечное острое лезвие, напоминающее циркульную пилу, аккуратно распилило оболочку по линии трещины. На глазах изумленных людей часть яйцевидной поверхности откинулась и в отверстии показались пальцы руки. Потом рядом просунулась ступня, за ней вторая, затем нога и наконец вывернулись наружу туловище и голова молодого мужчины. Он выпрямился и недоуменно оглядел стоявших перед ним людей, которые в свою очередь смотрели на него во все глаза. Незнакомец был очень худ. Под копной светло-каштановых волос — нос неопределенной формы, мягкий рот и широко расставленные серые, ничего не выражающие глаза. За спиной у него торчали белые крылья.

— Вы говорите по-английски, молодой человек? — осведомился патер Фогарти, чувствуя, что ему подбает сделать первый шаг.

— Он, должно быть, ангел! — громким шепотом возвестила Лил Мэкинз.

— Что тут происходит? Скажите же мне: что случилось? — допытывался слепой мистер Тэтчер.

— Это остров Альбиона, сэр? — спросил молодой человек, обращаясь к патеру Фогарти.

— Да... полагаю, что так... Разрешите узнать, откуда вы прибыли?

Священнику удалось ловко объединить в этом вопросе почтительность, радушие и некоторую угрожающую настороженность. «Если вы ангел, — казалось, говорил он, — я, разумеется, готов проявить профессиональное внимание и завязать отношения. Но хоть я и обладаю добрым сердцем, меня не проведешь».

— Моя родина — Марс, — скромно ответил молодой человек.

— Марс! — вскрикнула миссис Мэкинз, — он марсианин!

— И много вас летит сюда? — спросил ее супруг, кинув острый взгляд на голубое небо, чтобы разглядеть, не спускаются ли оттуда еще какие-нибудь желтовато-белые яйца.

— Это — нашествие марсиан! Мы обречены! — визжала миссис Мэкинз.

— Заткнись, Лил, — добродушно сказал Мэкинз. — Они сперва прислали бы разведку, верно? Ну, а пока займемся этим молодчиком. Значит, вы не ангел, молодой человек? В таком случае отправляйтесь-ка обратно на Марс и передайте, чтобы они поискали для вторжения какое-нибудь другое место. Мы любим жить по-своему.

— Да что же это, что?! — выходил из себя слепой.

— Это — нашествие марсиан, — терпеливо объясняла раздражительному старику миссис Баулинг.

Разбуженный суматохой, из окна высунулся Фред Баулинг:

— Бог ты мой! — только и вымолвил он.

— Это — нашествие марсиан, Фред! — крикнула ему жена.

Молодой марсианин прижал ладони ко лбу.

— Нет, нет... Вы ошибаетесь, уверяю вас! — серьезно сказал он. — Я не посягаю на вас, и я не ангел.

— Кто же вы в таком случае?

— Меня зовут Онил. Я эмигрант.

В это мгновение во дворе появился полицейский Биолл, который следовал кратчайшим путем на свой участок.

— Что тут происходит? — спросил он. — А это еще откуда взялось? Ставлю вас в известность, что тут не проезжая дорога и стоянка запрещена.

— Извините, — чуть слышно произнес марсианин, — я совершенно выбился из сил. Если вы скажете мне... — Он беспомощно оглядел окружающих его людей, взглянул на их удивленные, но не враж-

дебные лица и повторил: — Я эмигрант... — сделал шаг вперед и, пошатнувшись, упал на остатки нарциссов.

— Готов, — сказал мистер Мэкинз, — придется отвезти его в больницу.

— Моя машина стоит в конце переулка, — сказал патер Фогарти, — я заберу его с собой. У вас найдется какой-нибудь пиджак, Гарри, чтобы прикрыть это... эти крылья? Лишние толки нам ни к чему.

«Одиннадцать часов девять минут утра, — записал в своей книжке полицейский Биолл. — Межпланетный корабль с Марса приземлился во дворе Винера. Марсианин доставлен в больницу».

Просто диву даешься, как быстро жители городка свыклись с тем фактом, что в одной из палат местной больницы лежит марсианин. (Как выяснилось, его недомогание было вызвано тем, что он не сразу приспособился к земной атмосфере. При наличии кислородной маски он чувствовал себя хорошо.)

Само собой разумеется, что как в больницу, так и во двор Винера устремился непрерывный поток людей, каждому хотелось взглянуть на корабль, который пришлось оставить на месте, — он был слишком велик, чтобы его можно было провезти по узкому переулку. Но, по всеобщему молчаливому согласию, известие об удивительном событии не должно было распространяться за пределы городка.

— Мы вовсе не хотим, чтобы половина страны явилась сюда глазеть на него, — говорил патер Фогарти.

— Да уж, этого мы не хотим, — вторил Гарри Мэкинз.

Так как у Онила не было ни родных, ни друзей, которые могли бы навещать его в больнице, жители

дома стали по очереди носить ему фрукты и поверять свои заботы. Он выслушивал их с добродушно-бесстрастным вниманием и в ответ говорил такое, что они вряд ли сами знали о себе.

— Как, по-вашему, должна ли я уйти от Фреда? — спрашивала Рита Баулинг.

— Вы же, собственно, совсем этого не хотите. Почему бы вам не приучить его играть в шахматы?

— Что бы Лил хотелось получить в подарок ко дню рождения? — вслух размышлял Гарри Мэкинз.

— Форму для пудинга. Знаете, такую красную, со стеклянным верхом.

— Что мне купить Люси на ужин? — спрашивал старик Тэтчер.

— Хороший кусочек трески и тонко наструганный жареный картофель из лавочки «Красный лев».

— Вы отбиваете у меня хлеб, — шутил патер Фогарти.

— Я так счастлив, что попал сюда! — Онил любовно поглядывал из окна своей палаты на живую изгородь, усыпанную цветамп боярышника, и нескольких самодовольных, откормленных желтых кур.

— Скажите, что побудило вас покинуть Марс и переселиться на нашу довольно отсталую планету?

— Марсиане слишком далеко зашли в своем развитии, — пояснил Онил. — Для них нет ничего неизвестного. Это просто ужасно! Только и остается, что воспитывать друг друга.

— Могу вам посочувствовать. Здесь такое не сойдет.

Фогарти встал и уступил место сестре Люси Тэтчер, которая принесла завтрак для больного.

В сопровождении Сэма в палате появился юный Майкл Кинг с пучком редиса. Мальчик и пес уселись на натертый пол, прямо в пятно солнечного света.

— Расскажите еще про ваше путешествие, —

попросил Майкл, и Люси задержалась, чтобы послушать, делая вид, что вытирает чайной салфеткой пыль с подоконника.

— Космос — это почти джунгли. Каждая звезда или планета — потенциальное Нечто, могущее поглотить вас. Я несея среди этих джунглей, высматривая такое место, где у людей еще есть время читать книги, слушать музыку, заниматься вязанием и сплетничать с соседями, пришивать пуговицы.

— А на Марсе есть пуговицы?

— Нет. У нас особые застежки.

— Рассказывайте дальше!

— Я приметил вдали славную маленькую планету, где было пять зеленых лун, четыре голубых океана и три потухших вулкана...

— ...и серая куропатка на грушевом дереве, — подсказала Люси, усевшись на подоконник. Солнце позолотило ее светлые волосы, и вокруг них вспыхнул нимб.

— Но на ней не было жителей, и я подумал, что буду там слишком одинок. А потом увидел вашу планету и услышал крик кукушки... Ведь на Марсе нет кукушек... И я подумал: вот этот мир — для меня.

— Расскажите еще про ту маленькую планету. Как она называется?

— Сайрен. На ней есть птицы, есть яблони, но людей нет.

— Я полечу на нее, когда вырасту и стану космонавтом, — сказал Майкл. — Правда, Сэм, мы полетим?

Сэм застучал хвостом по полу.

— Пора готовить вас к приходу врача, — сказала Люси.

Она убрала поднос и пригладила Онилу крылья.

Доктор Бентинк был по обыкновению ласков и деловит.

— Я думаю, скоро вы сможете обходиться без кислородной маски, — сказал он, — но помните: первое время никаких резких движений. Намерены устраиваться на работу в нашем городе? Только имейте в виду: работа не должна быть очень утомительной для вас. Скажем, библиотекарь, банковский клерк... Что-нибудь в этом роде. Сестра Тэтчер, вы не видели, куда я положил свои очки? А-а! Благодарю вас. Ну-с, до свидания, молодой человек!

Вечером в палату явился Фред Баулинг с шахматной доской под мышкой.

— Ума не приложу, что делать с Ритой! — сказал он, расставляя фигуры. — Право, я иногда думаю, что она сведет меня с ума. Клянусь богом, не знаю, что у нее в голове!

— Считайте, что вам повезло, — сказал Онил и передвинул ферзя.

— Как прикажете вас понимать?

— Сами подумайте, каково было бы вам, если бы вы знали это... Купите-ка ей лучше проигрыватель на те деньги, что вы выиграли в бильярде.

— Э-э... да, конечно. Я что-то не припомню, что говорил вам об этом... Но мысль недурна. Рите проигрыватель понравится, да и я всегда хотел его иметь. Тогда мы наверняка сможем вместе слушать пластинки, вместо того чтобы спорить... Кстати, этот мальчуган Майкл ужасно расстроен, — продолжал Фред, ставя слона перед своим королем.

— Да?

— Его собака пропала. Вы, верно, знаете, что для него значил Сэм. Потому-то он и не пришел навесить вас сегодня вечером. Помчался на велосипеде обыскивать окрестности.

В дверях показалась ночная сестра.

— Вам пора уходить, мистер Баулинг, — сказала она.

— Смилуйтесь, сестра! Я же в цейтноте... Сестра Тэтчер позволила бы мне остаться.

— Сестра Тэтчер балует этого пациента.

Но даже ночная сестра не прочь была посидеть в соседней палате и послушать, как устроены на Марсе стиральные машины.

Три дня спустя Онилу позволили немного погулять. Он прошелся по улицам, чтобы взглянуть на свой корабль и поболтать с Гарри Мэкинзом, который по своему обыкновению принимал во дворе ножную ванну.

— Мы совсем свыклись с ним, — сказал Гарри, кивая на блестящий полупрозрачный шар, — напоминает нам Британский фестиваль.

Лил принесла им по чашке чая и печенье. Мимо, направляясь в лавку, протопал старик Тэтчер.

— Разве на Марсе нет слепых? — спросил Гарри, заметив беспокойство в глазах Онила, когда тот повернулся и посмотрел вслед старику.

— Да, у нас слепых нет. Но не в этом дело... Могли бы я предостеречь его? — чуть слышно пробормотал марсианин.

— Предостеречь? От чего?

— Видите ли, его внучка Люси — мой друг...

— Конечно. И очень славная девушка к тому же. Но в чем дело, Онил?

Молодой человек покачал головой и перевел разговор на Майкла.

— Все еще не нашел собаку, — сказал мистер Мэкинз. — Вы бы зашли к нему.

Когда они кончили пить чай, Онил постучал в дверь, и ему отворила тонконосая пучеглазая миссис Кинг, которая, казалось, искренне обрадовалась, увидев его.

— Хоть бы вы уговорили моего сынишку. Он так расстроился из-за этой проклятой собаки, хотя я го-

ворпла ему, и не раз, что такая собака слишком велика, во всяком случае для нашей квартиры.

Майкл Кинг лежал на черном шерстяном половике, который пять лет служил подстилкой Сэму.

— Не разговаривает, не ест ничего, — шептала мать.

— Собака не нашлась?

— Нет. Майкл, мистер Онил и мистер Мэкинз зашли проведать тебя. Встань же!

Услышав имя своего друга, мальчик медленно повернулся. Онил был потрясен его видом. Казалось, Майкл похудел на несколько фунтов.

— Сэм, наверно, погиб... Я знаю. Иначе он давно бы нашел дорогу домой.

— Это неверно, Майкл, — сказал Онил.

— Нет, верно, и мама говорит.... А если он умер, я тоже не хочу жить.

— Не смей так говорить, Майкл, это грешно! — поджимая губы, сказала миссис Кинг.

У Онила был смущенный вид.

— Вы хотите, чтобы я помог ему, миссис Кинг?

— Конечно! Может, хоть вы чуть его образумите.

— Так вот, Майкл, твоя мать обманывает тебя, когда говорит, что не знает, где находится собака. Она сама отдала Сэма ветеринару, который нашел для него место на ферме в девяти милях отсюда.

— Что?!

Майкл, побелев, уставился на мать, которая расплакалась от досады и чувства вины.

— Неправда! Это ложь! Кто вам сказал? Откуда вам это известно? На нашей улице никто об этом не знает, уж я позаботилась!

— Где находится ферма? — спросил Майкл, не обращая ни малейшего внимания на слова матери.

— В Норт-Дине, ферма Пинголда.

Майкл стрелой вылетел за дверь. Онил и Мэкинз

последовали за ним, предоставив миссис Кинг беспомощно протестовать в пустой комнате.

— Я не могла иначе... Кормить собаку обходится так дорого...

— Правильно ли вы поступили? — сказал мистер Мэкинз, вновь опуская ноги в таз. — Пожалуй, паренек больше не будет верить матери. А впрочем... довольно-таки подлую штуку она сыграла с сынишкой. Но как вы об этом узнали?

— О-о! — Онил устало прикрыл глаза рукой. — Я читаю человеческие мысли.

— Да неужели? — Мэкинз задумчиво побоятал ногами в воде. — Значит, вы знаете все, что таится во мне?

— Знаю.

— Над этим стоит задуматься. А может, вы знаете... когда я умру?.. — продолжал Гарри с тревожным любопытством.

Онил страдальчески посмотрел на него, но ничего не сказал, ибо в этот момент Лил, растрепанная и обессиленная, вбежала во двор, упала на стул рядом с мужем и залилась слезами.

— Ох! Несчастный старик!.. Какой ужас... какой ужас! У меня чуть руки и ноги не отнялись...

— Отчего, Лил? Что случилось?

— Бедный мистер Тэтчер... попал под мотоцикл, когда переходил Хай-стрит... Боже правый, как мы скажем об этом несчастной Люси?

Гарри Мэкинз медленно повернул голову и пристально посмотрел на Онила.

— Вы... вы сказали, что могли бы предостеречь его... Вы это имели в виду?

— Предостеречь — да, но не предотвратить.

— О господи! — прошептал Мэкинз. — Бедняга...

Подумать только: жить, обладая такой способностью.

Он вынул поги из таза, сунул их в туфли и тяжело зашагал в дом.

В тот вечер никто не пришел навестить Онила в больницу.

— Они боятся, — грустно сказал он Люси Тэтчер, которая пришла на ночное дежурство (она предпочла не прерывать работу, если никто против этого не возражает). — Боятся, что я скажу, когда они умрут.

— А я не боюсь, — отозвалась она и нежно прикрыла его крыло простыней.

— Они больше не придут ко мне.

Но он ошибся. Пришел патер Фогарти и после нескольких ничего не значащих фраз приступил к делу.

— Сын мой! — сказал он. — Если жизнь на Марсе такова, я вполне понимаю, почему вам захотелось его покинуть. Это, наверно, ужасно. Я привык к тому, что мои мысли доступны господу богу. Но не соседям!.. Вы сами видите, как обстоят дела.

— Да, — печально ответил Онил. — Теперь вы не захотите, чтобы я оставался здесь. А я так надеялся, что смогу быть полезным в библиотеке!

— Вы найдете себе место еще где-нибудь. Подыщите что-нибудь подходящее, благо у вас есть великолепный космический корабль. Я заделал в нем трещину и на вашем месте не стал бы здесь задерживаться, а улетел бы, как только почувствовал в себе силы. Конечно, все мы очень сожалеем. Никто на вас не сердится, просто никому не хотелось бы больше с вами встречаться. Поэтому прощайте, дорогой друг. Пришлите нам весточку, чтобы мы знали, как вы устроились на новом месте.

И патер Фогарти удалился.

Люси Тэтчер принялась молча вынимать из ящика кое-какие мелочи, принадлежавшие Онилу.

— Ну что ж, — сказал он, — сегодня отличная

лунная ночь для полета. А она выглядела очень уютной, эта маленькая планета, где светят пять зеленых лун... И серая куропатка сидит на грушевом дереве... Если бы только она не была такой необитаемой!

— Я еду с вами, — сказала сестра Тэтчер.

— Люси, вам не следует даже думать об этом!

— Вы меня не остановите! — решительно заявила Люси, — мне все равно... мне не важно, если... если вы знаете, что я думаю...

Взгляд ее был так светел и прекрасен, когда она стояла, освещенная луной, прижимая полдюжины носовых платков и кусок мыла к белому накрахмаленному нагруднику, что это решило дело.

Час спустя, когда Майкл задумчиво возвращался на велосипеде из Норт-Динна в сопровождении бежавшего рядом Сэма, он увидел, как яйцевидный корабль, гигантский мяч для игры в регби, взмыл ввысь и навсегда покинул их двор.

В первую минуту мальчик огорчился при мысли, что потерял друга, но потом утешился.

— Ничего, Сэм, — сказал он, обращаясь к верному псу, — через восемь лет я буду достаточно взрослым и смогу стать космонаutom. Вот тогда мы с тобой полетим на ту планету и увидим пять зеленых лун, четыре голубых океана и три потухших вулкана...

А еще они увидят двух голубей и серую куропатку, сидящую на грушевом дереве.

Джудит Меррил

Сквозь гордость, тоску и утраты

*В последних сумерках,
в прощальном свете...*

Серым бетоном простиралась огромная равнина, плоская и голая. Ее однообразие нарушалось лишь сооружением в центре. Там, словно в мышеловке из дерева и металла, покоился хвост конусообразного космического корабля.

Нос корабля, кроваво-красный в лучах заходящего солнца, пронизывал разреженный воздух далеко в вышине. От высоко расположенного грузового люка спиралью извивалась эстакада. Она пересекала бетонированную площадку и тянулась к месту, где жили и работали люди, построившие эту огромную космическую птицу: двадцать строений в форме кубов, вылитых из того же бетона, что и основание, на котором они покоились.

За одним из освещенных окон сидели небольшими группами в разных концах зала мужчины и женщины, не спешившие покончить с ужином. Некоторые машинально барабанили пальцами по столу, другие, не сумев преодолеть волнение, приближались друг к другу, выходили в мертвенно бледный свет сумерек, чтобы немного погодя вернуться назад.

Слова песни преследовали ее. Слова, написанные два столетия назад, но удивительно, до нелепости соответствующие тому, что происходило сейчас, слова,

© Перевод на русский язык, «Мир», 1978

найденные человеком, которому приходилось ждать до рассвета. И они, эти давнишние слова, не покидали ее, они вытесняли другие, те, что она прятала для сегодняшнего вечера. Слова, которые она должна произнести совсем скоро, вот-вот.

«Я решила тебе сказать сейчас».

В зеркале на стене Сью видела свои губы, которые будто бы произнесли эти слова сквозь застывшую на лице маску общепринятых приличий, одинаково хорошо помогающую утаить и бледность страха, и румянец желания. Она видела свои шевелящиеся губы, но звуки не достигали слуха.

Он не услышал. В зеркале ей было видно, как он сидел, отвернувшись к окну, и безотрывно смотрел на металлическое чудовище, притаившееся в ожидании, чтобы совершить прыжок на рассвете.

«Он даже забыл, что я здесь».

Эта мысль, горькая и жестокая, придала ей решимость. Она отпила глоток все еще слишком горячего кофе, продолжая поверх чашки смотреть на знакомый наклон плеча, на чуть откинутую назад голову.

«Нет, он бы заметил, если бы я ушла», — подбодрила она себя. Кофе показался ей совсем горьким.

— Я решила сказать тебе сейчас, — произнесла она опять. И на этот раз она знала совершенно точно, что сказала вслух. — Я решила не оттягивать дальше этот разговор, — продолжала она, наблюдая, с какой неохотой он поворачивается к ней.

— Конечно, малыш. В чем дело?

Она покачала головой и с преувеличенной заботливостью жены сказала:

— Пей кофе. На Марсе его не будет, ты же знаешь.

Он тряхнул головой, как бы сбрасывая с себя остатки сна, и широко раскрытыми глазами с удивлением посмотрел на чашку кофе. Затем пожал плеча-

ми, поднес чашку ко рту, нехотя сделал глоток, поставил чашку на стол и опять повернулся к окну.

Внезапно снаружи вспыхнул яркий свет, и она тоже повернулась, чтобы через его плечо посмотреть, как прожекторы, пробив ночь, заплесали на стальном корабле. Она глядела то на мужчину, сидящего рядом, то на воплощенную в сталь мечту, стоящую в центре бетонированного поля, пытаясь увидеть то, что увидел он, и быть очарованной так же, как был очарован он. Но то была лишь его мечта. Она к ней больше не имела отношения.

*Сквозь все границы,
что дальше и ближе...*

Он смотрел в окно, ни о чем не думая и стараясь ничего не чувствовать. Он не желал знать, просто не хотел давать ей возможности сказать ему. В любом случае, что бы ни было, сейчас это не имело значения. Ничего существенного. И корабль снаружи был убедительным тому доказательством. Межпланетный корабль, символ торжества настоящего дела, огромная башня воплощенной мечты. В грохоте и сверкании огня устремится он ввысь на рассвете, унося в себе через черноту пространства к планете Марс пять сотен жизней, пятьсот пылинок человечества. Летят в основном супружеские пары, как он и Сью. Здоровые и умелые, многие годы готовившие себя к предстоящей работе, истинные мужчины и истинные женщины, наделенные мускулами и умом, чувством юмора и смелостью, которые не откажут в момент опасности.

Всю жизнь он готовился к сегодняшнему дню. Всю жизнь и последние пять лет с Сью.

А стремилась ли она?

В конце концов, посмотри в лицо фактам, черт

возьми! Он чувствовал на себе ее взгляд и с трудом удерживался, чтобы не обернуться. Она просто испугалась. Разволновалась. Вполне естественно. С женщинами такое случается, и нечего морочить себе голову. Надо лишь перетерпеть последнюю ночь. Совсем немного после двух месяцев ожидания, с тех пор как они получили свидетельства о допуске к полету. Все эти девять недель он видел напряженные линии вокруг ее рта, делающие губы жесткими и сердитыми. Девять недель она редко смотрела ему в глаза и слишком часто говорила, что любит. Девять недель он уговаривал ее не волноваться, успокаивал, хотя она ни разу не высказала прямо свои опасения, ни разу не призналась в них.

*Скажи мне:
я вижу, я вижу...*

— Уилл, — произнесла она в отчаянии, и имя прозвучало как молитва.

Он взял ее за руку:

— В чем дело, малыш?

Он не обернулся, не посмотрел на нее. Его слова были обращены к окну, к космическому кораблю и свету прожекторов снаружи.

— Что-то случилось?

Да! Внезапно ее захлестнула волна неистовой ярости, дрожью прошла по телу, ударила по вдруг одеревеневшей спине, отозвалась в пальцах ног, до боли сжала руку в кулак. Когда наконец волнение передалось ему, он повернулся и с робкой, чуть глуповатой улыбкой встретил ее глаза, горящие каким-то внутренним огнем и в упор смотрящие на него.

И опять случилось то, что случалось много раз прежде.

«Я люблю тебя, Уилл!» И, кажется, трудно вздох-

нуть, и чувствуешь, как руки хотят позвать и опускаются вдоль тела, и тебя захватывает чувство физического успокоения, мгновенно расслабляющее мышцы и клетки, и гнев уходит так же быстро, как наступил.

Пять лет вместе. Пять лет каждодневной близости, большого обоюдного чувства, которое не стало слабее даже после того, как что-то вдруг разъединило их.

— Прости меня, малыш, — отозвался он, — я отвлекся и, кажется, не расслышал, что ты мне говорила.

— Я люблю тебя, Уилл.

Он прищурился и изучающе оглядел ее лицо. Две новые складки пролегли у губ.

— Ты говоришь так, словно хоронишь меня. Почему? Чем ты так расстроена?

«Ты заметил? Наконец ты заметил». Она почти произнесла это вслух, но ей помогла песня, все еще никак не покидавшая ее.

Сквозь гордость, тоску и утраты...

— Извини, — сказала она.

С испугом он увидел мерцающую звездочками пелену, набежавшую на ее глаза.

— Почему ты плачешь?

Помимо его воли это вышло как ворчание.

— Я не плачу.

Она потеряла глаза.

— Ну, тогда все в порядке. Тогда не нужно ни о чем беспокоиться. Все чудесно, и все довольны, правда?

Он опять отвернулся к окну, и в это время приемник над дверью кашлянул и прохрипел официальным тоном: «Всем колонистам явиться для проверки и инструктажа в девять часов. Всем, имеющим белые кар-

точек и желтые карточки резерва, явиться в административное здание через сорок пять минут».

У нее была холодная рука. Он через сплетенные пальцы пытался передать ей свое тепло, свои мысли, свои надежды. И на мгновение ему показалось, что он достиг успеха. Но приемник загремел опять: «Объявление. Родственники отъезжающих имеют возможность остаться на ночь. Все лица, имеющие специальные разрешения и желающие остаться до взлета корабля, должны зарегистрироваться для получения спальных мест...»

Дальше он не слышал. Она внезапно рванула руку, и он вдруг понял все, о чем пытался не думать даже наедине с собой.

— Осталось совсем мало времени, — проговорила она незнакомым звенящим голосом.

— Я слышал. Но что случилось, Сью? Что ты хочешь сказать?

Ее вдруг посветлевшие глаза стали большими и теплыми. Огромные карие глаза, в которых можно утонуть. Они смотрели на него прямо, как раньше. Честно. В глазах ее была любовь... сумасшедшая любовь. И нет места никаким сомнениям, когда она вот так смотрит на него.

— Я не лезу, — сказала она.

— Вот как... Я так и думал.

Он ничего не почувствовал, совсем ничего. Видел свою руку, все еще трогательную ее ладонь, но не ощущал ни кончиков своих пальцев, ни нежности ее кожи.

— Что ж, хорошо, что ты решилась сказать, — выговорил он наконец, обнаружив, что еще в состоянии произносить какие-то слова.

— Куда ты?

— Я выйду. Немного пройду.

— Хорошо. — Она начала подниматься, и он с трудом сдержался, чтобы не заставить ее сесть.

— Послушай, Сю, — сказал он ровным, обыденным голосом. — Я хочу цемного побыть один.

И, не дожидаясь ответа, прежде чем она сообразит, сидеть ей или встать, он быстро отошел. Выйдя из освещенного зала в темноту, он остановился на ступенях и разжег трубку. Покури, Уилл. Покури свою трубку, насмеялся он над собой, и горькая гримаса искажала его лицо. На Марсе ты уже не сможешь позволить себе этого.

Почему она молчала так долго? Он сознательно бередил рану. Сколько времени она обманывала, лгала, притворялась? Сколько это продолжалось после того, как она уже все решила? К чему этот вопрос! Он знает, когда все случилось. В тот самый день, когда они получили белые карточки, дающие право лететь, в тот самый вечер, который они так радостно отметили. Но почему? Зачем ей понадобилось лгать?

*Сквозь ночь и сквозь
звезд караты...*

Песня стала уже частью ее самой, изменялась и складывалась в слова, которые она хотела услышать...

*Сквозь гнев, сквозь
пустые слова
я вижу: любовь жива...*

Твердой походкой она вышла из кафетерия и встала на ступенях. Она вся дрожала. В окружившей ее мгле можно было видеть лишь корабль в центре, залитый яркими снопами огней.

Она не могла определить, где же Уилл, и стояла в нерешительности. «Уилл, — с мольбой просила она, — Уилл, вернись! Я ведь тебе еще ничего не сказала. Пожалуйста, Уилл!»

Он сказал, что все знает. Может быть, он просто думал, что все знает. А на самом деле он ничего не знает. И может быть, так и надо. Может быть, ему лучше не знать. Тогда он улетит, ненавидя ее, как сейчас. Уйдет без сожалений.

«Ты летишь на Марс, Уилл. Один. Я не могу быть с тобой. Неужели ты не понимаешь? Мне не разрешили лететь. Мою кандидатуру отклонили. Забраковали...»

Открыв сумочку, она пащупала на самом дне, под пудреницей и носовым платком, розовую карточку. Если ее вынуть, то все равно в темноте ничего не прочтешь. Да и к чему? Она помнит текст наизусть, она видит в нем каждую строчку, как только закроет глаза.

«Сьюзен Барт, — гласили аккуратные впечатанные в разделы слова. — 3-45-A-7821. Не допускается. Пункт 44-B-3 медицинских требований. Затверждение в левом легком».

И все. Две машинописные строчки на розовой карточке. И конец любви, планам, надеждам, всему, чем она жила.

Ему скажут, уверяла она себя. Ему все равно скажут потом, когда он будет на корабле. Или после приземления на Марсе. Все равно он об этом узнает. И не нужно ему говорить сейчас. Так для него будет легче.

*В красном блеске лучей
на ракете...*

Нет смысла больше ждать. Лучше не видеть его. Она стояла одна, глядя в темноту и дрожа от холода.

Проволока, идущая вдоль противостормового барьера, врезалась ему в руки. Он с трудом заставил себя разжать израненные пальцы. Какая трусость!

Его охватила припадок бессильного гнева. Обман и трусость!

— Нервничаешь, друг?

Словно тугая пружина толкнула его и повернула лицом к непрошеному утешителю. Исцарапанные руки сжались в кулаки.

— Возможно, — сказал он с вызовом.

Перед ним стоял один из колонистов, которого он встречал несколько раз, но не знал даже его имени, — коренастый, русоголовый, открывающий слишком много зубов в улыбке.

— Я вышел, чтобы побыть минутку один, без жены, — добродушно сообщил тот. — Она меня замучила. Не разговор, а прямо детская считалочка. Эни-бени-терберьени. И через слово о том, что нас ждет там. Интересно, твоя жена тоже так?

— У меня... Я не женат...

— Нет, серьезно? А я не знал, что летят и холостки. Как же так? Если бы я знал... Мы с Кларой и поженились потому, что оба хотели улететь.

— Бывает.

— Да... Постой! Что ты сказал? Что ты имеешь в виду?

— Знаешь что? Проваливай-ка отсюда, коротышка, если не хочешь неприятностей, — холодно пропизнес Уилл.

— Неприятностей? Что ж, я могу взять немного, если у тебя излишек, — предложил тот.

Несколько мгновений они неподвижно стояли лицом к лицу.

Колонист хотел показать, что уйдет, когда сочтет нужным, а не потому, что его прогнал Уилл.

— Ушла к другому? — с ехидцей спросил он, но, кажется, и сам почувствовал, что зашел слишком далеко.

Твердо решив не связываться, Уилл стерпел под-

бадривающий хлопок по спине и с облегчением услышал звук удаляющихся шагов.

— Другой? Не может быть! А впрочем, почему бы нет? Другой... Ну конечно, другой! Это все объясняет. Ему, дураку, нужна была такая развязная обезьяна, как этот коротышка, чтобы все понять.

Два месяца он переживал, искал ответа на мучительные сомнения, замечал все, даже самые маленькие перемены в ней. Что-то появилось в ней неестественное. Он тогда решил, что она испугалась. Винил в этом себя. Старался серьезно не задумываться о переменах в их отношениях, которые подмечал, старался затолкать их вглубь, спрятать в своем сознании.

*В ярости бомб,
рождающих пламя...*

Песня сводила ее с ума. Песня и воспоминания разрывали душу. Этот проклятый конверт пришел, когда Уилла не было дома. Она открыла его, внутри лежали две карточки. Уилла и ее. Белая и розовая. Белая, означавшая успех, розовая — неудачу. Ну да... Конечно! Ту же самую песню передавали по радио, пока она стояла на кухне, тупо глядя на разноцветные куски бумаги, до нелепости не похожие друг на друга. Впервые их разъединило что-то. Впервые в их жизни одного ожидала радость, другого — горе. И звучала эта песня. А потом и она закончилась, и стали передавать объявления. И только тут смысл того, что случилось, стал постепенно открываться ей.

«Я не лечу, — твердила она, словно вызубренный урок, — я не могу лететь». Она не показала Уиллу карточки, когда он пришел домой. Она должна была вначале подумать, решить, что делать, как об этом сказать. Потому... Потому что, осознав свою неудачу, свое горе, она начала осознавать и нечто другое.

Если она скажет ему правду, он тоже останется дома и звездными ночами будет выходить на крыльцо, на их маленькую лужайку. Будет курить свою трубку и смотреть в небо. Как делал прежде. Только теперь это будет по-другому. Он будет стоять и смотреть в небо один, и ее не будет рядом, и его рука не будет держать ее руку. А потом, вернувшись в дом, он будет избегать смотреть на нее. Он будет ненавидеть.

Когда она это поняла, решение пришло само собой.

«Ты полетишь, Уилл. Я хочу тебе счастья. Всем сердцем. Ты должен утолить сокровенную жажду твоей жизни, осуществить заветное стремление. Даже если беда иссушит меня».

И пусть мысль об этом похожа на мелодраму.

К вечеру она отпечатала для себя белую карточку. Конечно, по этой подделке ей не попасть на корабль, но карточка выглядела вполне прилично, чтобы обмануть Уилла. Она показала их ему вместе. И они отправились ужинать в ресторан. Чтобы отметить радостное событие. И даже немного выпили лишнего. Вместе.

Когда он заснул, она встала и вышла во двор. И смотрела на небо одна. Сидела на мягкой траве и плакала. А потом он проснулся, обнаружил, что ее нет рядом, и тоже вышел. Увидел ее, понял по-своему. Взял на руки и отнес в дом. И был веселым и нежным, смешным и сильным. Они пили какао на кухне, и он подшучивал над опасностями, которые ждут их впереди, пытаясь вселить в нее уверенность, убедить, что вместе они преодолеют все.

С тех пор она не плакала. С тех пор она держала себя в руках. Старалась ни днем, ни ночью не думать ни о чем, кроме любви к Уиллу. Она уже не была самой собой, старалась ничем себя не выдать. Она бы-

ла живой ложью, которая, если не убьет их обоих, даст ему то, о чем он мечтает.

И вот сейчас наконец ему можно было все рассказать. Можно, потому что менять решение уже поздно. Сейчас у него нет времени, чтобы передумать. Он бы уже не остался сейчас.

Но он не захотел слушать. Что ж, может это и к лучшему.

Где он сейчас? Почему не пришел?

«Я могу больше не увидеть его», — вдруг подумала она. Чудовищная мысль всей громадой навалилась на нее, ударила и сломала. Это невозможно! Такого не может случиться: больше не видеть его!

— Уилл, я здесь.

Он чуть было не прошел мимо.

— А... Привет!

Какие обычные слова. Какие пустые, обычные слова. Как будто он просто выходил погулять. В обычный вечер. Как будто еще будет завтра.

— Давай попрощаемся, — произнес он, и даже в темноте можно было различить его каменное лицо. — Тебе нет смысла оставаться здесь до утра. Ты, конечно, поставила их в известность о своем решении? Как я понимаю, мне ты сказала последнему?

Значит, так. Он вне себя. В нем говорит лишь обида. Его не переубедить, да и не нужно.

— Я бы хотела остаться, — сухие губы едва слушались ее. — Но мы можем попрощаться сейчас, если ты так хочешь.

— Да, я так хочу.

Он легонько взял ее за плечи, наклонился и целомудренно поцеловал ее в лицо.

— Нет. Нет. Не так, Уилл. Нет.

Ее собственная боль, обида и печаль исчезли при виде его горя.

— Уилл, пожалуйста, — сказала она твердо, —

выслушай меня. Всего одну минуту. Я хочу объяснить тебе...

— Лучше не надо, Сью.

Она медленно вздохнула, облизала запекшиеся губы, зажмурилась, чтобы унять красные пятна, заплакавшие в глазах, и проговорила снова:

— Мне надо тебе объяснить. Я... Я не...

— Я не хочу слышать! — закричал он.

Его лицо напряглось, подбородок задрожал, пальцы впились ей в плечи. Он пытался сдержаться, сохранить видимость спокойствия.

— Я... — попыталась она опять, но больше не смогла вымолвить ни слова. С трудом можно было лишь различить: — Уилл, я...

— Прекрати, — сказал он, а затем неожиданно мягко добавил: — Ничего, малыш, я понимаю.

И вдруг она ощутила его руки у себя на спине, и он, не совладав с нахлынувшим чувством, прижал ее к себе. Крепко, крепко. Так, что стало невозможно дышать.

Он понимает. Но что он понимает? Он не знает, что случилось. Как он может знать? Да и его гнев показывает, что он ни о чем не догадывается.

«Я ненавижу тебя, — подумала она, пытаюсь устоять на месте. — Ненавижу за то, что ты такой сильный, что так хочешь лететь!»

— Хорошо, — сказала она тихо. — Я больше не буду.

Она улыбнулась. Она продолжала улыбаться. Вот так, наверное, и нужно прощаться. И больше ничего не надо. После этого мгновения он, конечно, понял, что она его любит. И неважно, почему она не летит, он должен понять, что она его любит, будет любить всегда.

Она увидела, как он повернулся и пошел прочь. И вдруг почувствовала, что по крайней мере частица ее

всегда будет с ним, куда бы он ни улетел, где бы он ни был.

Шесть тяжелых удаляющихся в сторону шагов по бетону, и все затихло... Он повернулся. Нет, оглянулся, чтобы сказать:

— И передай ему от меня, чтобы он был достоин этого!

Сначала в эту очередь. Поставить печати на документах. Сделать уколы. Теперь сюда. Медицинская проверка.

— Вы понимаете, мистер Барт, довольно редкий случай, когда муж решает лететь один, если его жену не пропустили.

Улыбайся. Нет. Не так. Веди себя должным образом. Подумаешь об этом позже. Теперь иди сюда. Поставь штамп на эту бумагу. Встань в этот ряд.

«...не пропустили!»

Наконец все процедуры закончены. Еще час до отлета. Кто-то разносит кофе. Предлагают таблетки. Успокаивающие? Возбуждающие? Он не знал. Он проглотил таблетку и одним глотком выпил кофе.

«Не пропустили?..»

Но она ничего не сказала ему об этом... Она никогда... У нее ведь была белая карточка, такая же, как у него.

Он встал, чтобы поискать кого-нибудь, кто может все объяснить. И вспомнил слова, которые сейчас сказал врач-психиатр. Вспомнил нотку сомнения в его голосе, когда он говорил, что Сью... Если сейчас Уилл начнет спрашивать и обнаружится, что он не знал...

Он обязан был знать.

Не пропустили? Почему? Что с ней?

«Осел! Какой же я осел, — думал он. — Что я паделал!»

«Я люблю тебя, Уилл», — сказала она. А он кричал на нее. Может быть, он еще сумеет повидать ее. Может быть, она все-таки осталась. Кто-то должен это знать!

*В вихре звезд
иль на нашей планете...*

Стрелки часов сливались в полосы, а цифры казались звездами, и она никак не могла понять, который час. Она не знала, сколько еще осталось ждать. Стараясь не скрипеть, она повернулась на узкой складной койке. Лежать было невмоготу.

Впрочем, если она сейчас выйдет и будет одной из первых, она сможет подойти прямо к проходу. Она знает, где они пойдут. И тогда она будет очень близко к нему, почти может прикоснуться, когда он пройдет мимо.

Еще час до рассвета. Хотя, видимо, не одна она подумала об этом.

В кафетерии уже горел свет, и посетители торопливо пили кофе. Она пришла вовремя. Встала в толпу ожидающих и начала, как могла, протискиваться вперед. К тому времени, когда показался оркестр и музыканты принялись настраивать инструменты, она стояла у самого прохода. Оркестр заиграл, и с ней чуть не случилась истерика. Все вокруг начали петь. Она тоже запела.

*Скажи мне: я вижу
в пришедшем рассвете...*

Только пока еще не было настоящего рассвета. Солице еще не взошло. Как только оно покажется,

огромный корабль исчезнет. Он будет наполнен людьми, и среди них — Уилл. Он также станет частицей того человеческого самопожертвования, которое утолит голод дракона и заставит его улететь.

А вот и жрецы, пасущие это стадо жертв. Жрецы в обыкновенных костюмах: президенты компаний, ученые, газетчики.

Прямо за ними двигались их пленники. Пять сотен голов, пятьсот пар рук и ног. Настолько одинаковые в своих белых комбинезонах, что не различить.

Один из них что-то сказал. Его имя было Уилл. Он заметил ее. Он сказал...

«Он ничего не знает. Он ненавидит меня. Он думает...» Она не могла вспомнить, что же такое он думает. Что-то очень плохое. Ужасное. Ведь она хотела рассказать ему. Объяснить. Сделать, чтобы все было понятно.

«Что же он мне сказал? Что он проговорил, когда проходил мимо?»

Она закрыла глаза и стала вспоминать его лицо, движения губ, стараясь не слышать ни шума вокруг, ни оркестра, ничего. Стараясь не отвлекаться. Она должна узнать по его губам, что он сказал. Она же знает их малейшие движения, все вместе и каждое в отдельности.

Первое слово было «малыш». Второе — «люблю».

Но этого не могло быть! Он ее ненавидит. Она неправильно соединила произнесенные им звуки.

Заголосила сирена, и воздух наполнился грохотом. И люди закричали:

— Назад!

— Что вы делаете! Назад!

— Взрыв... нуль... назад!

Ее хватали за ноги, сжимали руки, но не могли удержать. Она освободилась. Побежала вперед. Быстрее, быстрее, чтобы ее не догнали.

Но уже никто не пытался ее догнать.

Она должна была сделать так, чтобы он узнал. И узнать самой. Что он сказал... она сказала... можно сказать... нужно сказать.

Малыш... люблю...

— Я люблю тебя, Уилл, — прошептала она, когда взрыв потряс воздух и бетон содрогнулся под ногами, возвещая о прощальном прыжке дракона. Затем пламя омыло ее и бросило на дрожащую землю. Она лежала ничком, устремив взгляд в сторону Уилла, который сейчас, несомненно, мог видеть ее сквозь пламя, на котором стоял.

И последней мыслью была счастливая уверенность: ему скажут. Он узнает.

И последнее, что она еще услышала, были слова, заканчивающие песню:

Свободных и храбрых знамя...

Васил Димитров

Елка для всех

(новогодняя фантастическая шутка
по Айзеку Азимову)

Сьюзен Келвин пробудилась ото сна. С годами она становилась все более квалифицированным специалистом по пробуждению — по крайней мере, своему собственному. Сначала она видела какой-то слабый свет, потом ее сознание выплывало из бездны сна, словно водолаз, всеми силами устремляющийся к поверхности. Наконец она открывала глаза и некоторое время не могла сообразить, где находится.

— Стареешь, деточка, — пробормотала Сьюзен, обращаясь к себе самой, и сунула ноги в холодные туфли.

Когда-то пробуждение было одной из немногих ее радостей. В юности, а потом и в молодости Сьюзен просыпалась, полная оптимизма и хорошего настроения, готовая обнять всех близких. Позже пробуждение превратилось в прелюдию к тяжелому, утомительному дню, редко приносящему что-либо приятное. Трудно было предложить корпорации «Юнайтед Стейтс Роботс энд Микэникл Мен» что-нибудь интересное — разумеется, кроме ее позитронных роботов. Пробуждение давно уже перестало приносить Сьюзен радость — тем более в такой день, как сегодня. Сьюзен мрачно взглянула на календарь. Было 31 декабря 2062 года. Придется вычеркнуть из жизни

© «Орбита», 1974

© Перевод на русский язык, «Мир», 1978

еще один год, а это не может быть причиной для веселья. Восемьдесят лет — это восемьдесят лет, какими бы оптимистическими ни были прогнозы врачей. Предстоит теперь читать поздравительные открытки, писать ответы, принимать уверения в самых искренних чувствах...

— Чувства, вот еще! — она передернула плечами и отправилась на кухню. День обещал быть неприятным.

В коридоре Сьюзен Келвин вдруг остановилась. Ей вспомнилось, что вчера она встретилась с руководителем научного отдела корпорации «Юнайтед Стейтс Роботс» Альфредом Лэннингом и обедала с ним. Вспомнилась и его несколько странная просьба.

Корпорация освоила новую серию позитронных роботов с углубленной эмоциональной связью и повышенным чувством контакта с человеком. Целая серия из двенадцати роботов стояла в крайней камере, где специалисты фирмы вводили в них последние эмоциональные мнемोगраммы, а потом ушли, оправдываясь наступающим праздником. С роботами ничего не случится, если они останутся часов на десять одни; но так как для закрепления программ в их мозгу требовалось сравнительно большое время, то могли возникнуть нежелательные флуктуации. Какие именно — Лэннинг и сам не мог сказать толком, но ему нужна была абсолютная уверенность. А потому, зная характер Сьюзен — простите, доктора Келвин, — он попросил ее побыть это время с роботами. Тем более что она бывший Главный робопсихолог корпорации, самый ценный из сотрудников фирмы и так далее и тому подобное...

Сердито прервав Лэннинга, Сьюзен Келвин согласилась побыть с роботами на время закрепления программы. Но теперь она жалела, что согласилась. Если бы еще что-нибудь скучнее скучного новогоднего

вечера, так это новогодний вечер, проведенный с роботами. Она сняла трубку и сообщила на завод, что через несколько часов придет в крайнюю камеру.

Еще при входе в камеру — в сущности, это была роскошно обставленная комната — у Сьюзен возникло впечатление, что роботы поразительно кого-то ей напоминают, но кого именно, она не могла припомнить. Едва она открыла дверь, как роботы окружили ее и наперебой принялись представляться. И только когда она села в кресло, а они выстроились перед ней полукругом, Сьюзен вспомнила, на кого они похожи. Они были похожи на детей, собравшихся вокруг учительницы. И по росту, и по интеллекту роботы почти не отличались от десятилетнего ребенка. Мысль об учительнице ей понравилась, и глаза у нее заблестели. Она подалась вперед и заговорила:

— Дети... (Келвин едва заметно улыбнулась своему обращению: «Стареешь, деточка»). — Дети, нам предстоит провести вместе десять часов. Имейте в виду, что это — часы новогодней ночи, и то, как они проходят, само по себе отличает их от остальных часов года. Что вы предлагаете?

Роботы зашумели, потом собрались тесной кучкой и тихо зашумели между собой. Через несколько минут они снова выстроились полукругом перед креслом и хором ответили:

— Мы хотим елку и деда Мороза!

Сьюзен Келвин была неприятно поражена. Конечно, она знала, что на Новый год принято устраивать елку с игрушками и украшениями, и даже подозревала, какая роль во всей этой истории предназначена деду Морозу: по всей вероятности, он раздает подарки. Но желание роботов не понравилось ей по двум причинам. Первая была чисто профессиональной. Роботов с подобным эмоциональным характером она видела впервые, и это до некоторой степени ее стесня-

ло. Вторая причина была личная. Сьюзен Келвин, как всякий весьма самостоятельный человек, не любила выполнять чужие желания, тем более желания, имеющие эмоциональную окраску. Она думала, что роботы захотят ознакомиться с некоторыми частными случаями Трех Законов Роботехники, с которыми могут встретиться в дальнейшем. Но их желание было настолько странным, что ей оставалось только подавить свое недовольство и неопределенно кивнуть головой.

— Гм, елку. Елку, игрушки, подарки и деда Мороза — так? Ничего не поделаешь, попробую это организовать. Но во всяком случае вам придется довольствоваться первыми двумя компонентами. Все-таки мой пел не позволяет мне играть роль деда Мороза.

Роботы впились в Келвин рубиновыми глазами.

— Елка будет, но вам придется помочь мне развесить игрушки. Впрочем, это не представит для вас большого труда.

Сьюзен Келвин позвонила в дежурный магазин и заказала большую елку с соответствующим набором украшений. После этого она обратилась к роботам:

— Почему вы выбрали именно елку?

Один из роботов вышел вперед.

— Как нам представляется, к самым сложным для моделирования чувствам у человека относятся его предрассудки — вернее, его вера в какие-нибудь нереальности. И хотя человек сам сознает их абсурдность, он испытывает сильные эмоциональные переживания именно в те мгновения, когда пытается создать реальную обстановку для нереального события. Нам, как высокоспециализированным искусственным существам, хочется ощутить эмоциональное воздействие, создаваемое новогодней ночью и ее неповторимой атмосферой.

Сьюзен Келвин закусил губу. Она этого не понимала, и такое отсутствие сообразительности задело ее

профессиональное самолюбие. Она просто не имела права быть застигнутой врасплох интеллектуальными проявлениями какого бы то ни было робота. В конце концов, до ухода на пенсию она была Главным робо-психологом корпорации. «Пора уже забыть об этом, деточка», — подумала Келвин, наблюдая роботов.

— Ты прав, — сказала она наконец. — Ничего не поделаешь, вы получите свой урок нереальной эмоциональности.

Служители дежурного магазина робко позвонили у двери. Впервые им случалось приносить елку на заводы «Юнайтед Стейтс Роботс». Их смущение подбодрило Келвин, и она властно распорядилась, куда поставить елку и заказанные пакеты. Служители ушли, недоуменно озираясь, а роботы принялись украшать елку под руководством бывшего Главного робо-психолога. В данном случае это руководство ограничилось представлениями Сьюзен Келвин об осевой и центральной симметрии, и она, используя пирамидальную форму елки, распорядилась развешивать украшения снизу вверх в уменьшающейся арифметической прогрессии. Подумав немного и оглянувшись на свою долгую жизнь, Келвин решила, что ее первый опыт по украшению елки не так уж и плох.

Елка заблестела разноцветными огнями, заискрился золотой дождь, закачались пестрые стеклянные шары. Роботы окружили нарядное дерево, и глаза у них радостно блестели. Келвин попыталась припомнить какую-нибудь новогоднюю песенку, но задушила еретическую мысль еще в зародыше. Сама мысль о Сьюзен Келвин, поющей перед новогодней елкой в окружении танцующих роботов, была несовместима с ее гипертрофированным интеллектом.

— Ну, дети, — спросила она, — теперь, надеюсь, вы довольны? Какова степень эмоционального воздействия?

Тот же робот снова выступил вперед и ответил ва всех!

— Мы очень довольны! Именно этого мы и ожидали. Огромная доза необъяснимой веселости, не противоречащая принципу причины и следствия. Теперь остается только, чтобы пришел дед Мороз и принес нам подарки. Тогда мы будем совершенно довольны.

Сьюзен Келвин нахмурилась.

— Дед Мороз...

Громкий стук в дверь оборвал длинную тираду, которую она собиралась произнести перед своими питомцами. Дверь медленно открылась и в крайнюю камеру вошел... настоящий дед Мороз. Келвин окаменела, а роботы захлопали в ладоши.

— Дед Мороз, дед Мороз!

Сьюзен Келвин не могла произнести ни слова от удивления и только смотрела на деда Мороза и собравшихся вокруг него роботов. Он ласково улыбался, покачивая длинной, белой бородой, и уверенными руками развязывал мешок.

— Ну-ка, посмотрим, кто из вас самый умный? Сколько будет, если сумму 741 и 395 возвести в квадрат?

— 87 045 143 025! — почти выкрикнул робот ИР-3. (Серия называлась «Интеллектуальные роботы», и у каждого из двенадцати был свой порядковый номер.)

— Bravo, мой мальчик. — Дед Мороз отечески погладил его по голове и вручил миниатюрную модель расширяющейся Вселенной.

— А теперь кто скажет мне, сколько в нашей Галактике звезд?

Самым близким к истине оказался робот ИР-7; он получил искусственного морского змея с бассейном.

— А каковы направление и напряженность магнитного поля у Меркурия?

Счастливый эрудит выхватил из рук деда Моро-

за модель субзвездолета и тотчас же начал заводить ее ключиком. Один за другим все роботы получили подарки и, преодолев первоначальное состояние сильного возбуждения, снова окружили елку.

Келвин не могла оторвать глаз от деда Мороза. Было в его облике что-то удивительно знакомое, хотя она была уверена, что никогда не видала его прежде. Большие роговые очки, закрывавшие почти треть лица, также казались ей знакомыми. Но самой знакомой была улыбка. Легкая, добродушная, она успокаивала человека, внушала ему чувство довольства и уверенности в себе.

Роботы снова обступили Келвин, и тот, кого они уполномочили отвечать за всех, вышел вперед.

— Доктор Келвин, мы совершенно довольны проведенным вечером и считаем, что полученный эмоциональный потенциал будет играть доминирующую роль в нашей будущей деятельности. Эта ночь раскрыла перед нами еще одну, не известную роботам сторону человеческой природы. Мы благодарим вас!

Сьюзен смущенно пожала плечами.

— Я... я, в сущности, почти ничего... Это он...

Она обернулась к деду Морозу. Но он был уже у двери и готовился незаметно исчезнуть. И вдруг Сьюзен, как молния, осенило прозрение. Она кинулась за одетым в красное человеком и нагнала его у самой наружной двери. Он обернулся и в некотором смущении произнес:

— Ну что ж, до свиданья и счастливого Нового года, дочь моя.

Сьюзен Келвин глядела на него с благодарностью, и жесткие серые глаза ее смягчились.

— Счастливого Нового года и вам, доктор Азимов, — сказала она и крепко пожала руку человека, известного всему миру под именем литературного отца великой Сьюзен Келвин и ее позитронных роботов.

Гордон Диксон

Машины не ошибаются (опыт фантастической аллегии)

Теперь вы предупреждены.

Клуб шедевров

Просьба не сгибать, не свертывать,
не портить карточку.

М-р Уолтер Э. Чайлд должен 4 доллара 98 центов.

Дорогой клиент,

Прилагаем ваш последний заказ: «Похищенного ребенка» Роберта Луи Стивенсона.

*Клуб шедевров
1823, улица Мэнди,
Чикаго, Иллинойс*

*437, Вудлаун-роут,
Пэндок, Мичиган
16 ноября 1965*

Господа,

я недавно писал вам по поводу перфорированной карточки, которую вы мне прислали, выписав счет за «Кима» Редьярда Киплинга. Я вскрыл пакет лишь после того, как отправил чек на указанную сумму. В пакете я обнаружил книгу, в которой не хватало половины страниц. Я отослал вам ее обратно с просьбой либо прислать другой экземпляр, либо возвратить деньги. Вместо этого вы послали мне «Похищенного

ребенка» Роберта Луи Стивенсона. Не желаете ли вы прояснить суть дела? Высылаю вам экземпляр «Похищенного ребенка».

С уважением

Уолтер Э. Чайлд

Клуб шедевров
Вторичное уведомление
Просьба не сгибать, не свертывать,
не портить карточку.

М-р Уолтер Э. Чайлд должен 4 доллара 98 центов за книгу «Похищенный ребенок» Роберта Луи Стивенсона. Если указанная сумма была перечислена на наш счет, просим не принимать во внимание это уведомление.

*Клуб шедевров
1823, улица Мэнди,
Чикаго, Иллинойс*

*437, Вудлаун-роут,
Пэндок, Мичиган
21 января 1966*

Господа,

могу ли я напомнить вам о моем письме от 16 ноября 1965 года? Вы продолжаете засыпать меня карточками по поводу книги, которую я не заказывал. Учтите, что в действительности это ваш клуб должен мне деньги.

С уважением

Уолтер Э. Чайлд

*М-ру Уолтеру Э. Чайлду
437, Вудлаун-роут,
Пэндок, Мичиган*

*Клуб шедевров
1823, улица Мэнди,
Чикаго, Иллинойс
1 февраля 1966*

Дорогой сэр,

мы неоднократно напоминали вам относительно сум-

мы, которую вы должны за книги. Оплата этой суммы в размере 4 доллара 98 центов сильно просрочена. Такое положение дел нас особенно огорчает, ибо наша сторона с должным пониманием отнеслась к вашей просьбе и предоставила вам кредит на обычных условиях. Если мы незамедлительно не получим полного расчета, будем вынуждены возбудить дело и передать его в Бюро взысканий.

Искренне ваш

Сэмьюэл П. Граймс, генеральный секретарь

*М-ру Сэмьюэлу П. Граймсу
Клуб шедевров
1823, улица Мэнди,
Чикаго, Иллинойс*

*437, Вудлаун-роут
Пэндок, Мичиган
5 февраля 1966*

Дорогой мистер Граймс,

настоятельно прошу вас не присылать мне более перфорированных карточек и писем на бланках. Не могли бы вы дать мне ответ, исходящий от человеческого существа. Еще раз повторяю: это не я должен вам деньги, а вы мне. Не исключено, что именно я обращаюсь в Бюро взысканий, чтобы возбудить дело против вашего клуба

Уолтер Э. Чайлд

*М-ру Уолтеру Э. Чайлду
437, Вудлаун-роут,
Пэндок, Мичиган*

*Федеральное общество
взысканий
88, улица Принс,
Чикаго, Иллинойс
8 апреля 1966*

Дорогой сэр,

вы по-прежнему игнорируете неоднократные вежливые напоминания об уплате вашего долга Клубу ше-

девров. Ставлю вас в известность, что ваша задолженность с учетом процентов и налогов теперь составляет 7 долларов 51 цент.

Если мы не получим указанной суммы до 11 апреля сего года, то вынуждены будем обратиться к адвокатам для немедленной передачи дела в суд.

Эзичел Б. Хаш, президент

*М-ру Уолтеру Э. Чайлду
437, Вудлаун-роут,
Пэндок, Мичиган*

*Адвокатская контора
Мэлони, Маони,
Макнамара и Пруит
89, улица Принс,
Чикаго, Иллинойс
29 апреля 1966*

Дорогой сэр,

ваш долг Клубу педеров был передан нам в целях возмещения законным путем. В настоящее время сумма долга достигает 10 долларов 1 цента. Если вы перечислите на наш счет эту сумму до 5 мая сего года, дело будет приостановлено. В противном случае мы вынуждены будем взыскать деньги через суд.

Убежден, что вы предпочтете кончить дело мирным путем и избежать ареста, который, будучи занесен в вашу анкету, повредит вашей репутации.

Искренне ваш

Хэгторн М. Пруит, мл., адвокат

*М-ру Хэгторну М. Пруиту, мл. 437, Вудлаун-роут,
Адвокатская контора Мэлони, Пэндок, Мичиган
Маони, Макнамара и Пруит 4 мая 1966
89, улица Принс,
Чикаго, Иллинойс*

Дорогой сэр,

вы не можете себе представить, какое удовольствие я испытал, получив наконец письмо от живого челове-

ческого существа, которому смогу объяснить всю эту дурацкую ситуацию.

Все это дело не стоит и выеденного яйца, о чем я подробно писал в моих письмах Клубу шедевров. Но я с таким же успехом мог бы втолковывать это электронной вычислительной машине, которая выпускает перфорированные карточки.

А суть сводится к следующему: я заказал в Клубе один экземпляр романа Редьярда Киплинга «Ким» стоимостью 4 доллара 98 центов. Вскрыв пакет, который они мне прислали, я обнаружил, что в присланной книге не хватает половины страниц, хотя я заранее перевел в адрес Клуба чек на оплату. Я вернул книгу, требуя либо полноценного экземпляра, либо возвращения денег. Вместо этого мне прислали экземпляр книги «Похищенный ребенок» Роберта Луи Стивенсона, который я не заказывал и который они пытались заставить меня оплатить.

Я до сих пор питаю надежду получить от Клуба деньги за экземпляр «Кима», который не получил. Вот и вся история. Может быть, вы сумеете мне помочь и заставите их внять голосу рассудка.

Искренне ваш

Э. Чайлд

P. S. Сразу же по получении я отослал экземпляр «Похищенного ребенка», но это не решило дела. Мне даже не удосужились сообщить, дошла ли до них посылка...

*М-ру Уолтеру Э. Чайлду
437, Вудлаун-роут,
Пэндок, Мичиган*

*Адвокатская контора
Мэлони, Маони, Макнамара
и Пруит*

*89, улица Принс
Чикаго, Иллинойс*

9 мая 1966

Дорогой сэр,

у меня нет никаких данных, подтверждающих тот факт, что купленная вами в Клубе шедевров книга была отослана обратно. Мое воображение отказывается верить тому, чтобы, если подобный случай действительно имел место, Клуб шедевров обратился к нам за помощью, стремясь возместить сумму, которую вы ему должны.

Если мы не получим окончательного расчета через три дня, то есть 12 мая сего года, наша адвокатская контора будет вынуждена начать судебное дело.

Искренне ваш

Хагторн М. Пруит, мл.

*М-ру Уолтеру Э. Чайлду
437, Вудлаун-роут,
Пэндок, Мичиган*

*Суд первой инстанции
Чикаго, Иллинойс*

Настоящим ставим вас в известность о том, что сегодня, 26 мая 1966 года, суд г. Чикаго приговорил вас к уплате штрафа в сумме 15 долларов 66 центов, включая судебные издержки. Выплата штрафа может быть оформлена через наш суд либо через кредитора, подавшего жалобу. В последнем случае кредитор обязан написать подтверждение, а суд должен его зарегистрировать, чтобы освободить вас от всех принудительных мер в связи со штрафом.

*Суд первой инстанции
Чикаго, Иллинойс*

Просьба не сгибать, не свертывать,
не портить карточку.

Приговор по делу об уплате штрафа в сумме 15
долларов 66 центов был вынесен сегодня, 26 мая
1966 года.

Ответчик Уолтер Э. Чайлд, проживающий по ад-
ресу 437, Вудлаун-роут, Пэндок, Мичиган.

Просьба зарегистрировать решение суда

Суд Пикуэйна, Пэндок, Мичиган

Отношение: код 941

*М-ру Сэмьюэлю П. Граймсу,
генеральному секретарю
Клуба шедевров
1828, улица Мэнди,
Чикаго, Иллинойс*

*437, Вудлаун-роут
Пэндок, Мичиган
31 мая 1966*

М-р Граймс,

это дело мне порядком надоело. Завтра еду в Чикаго,
где надеюсь вас увидеть. Мы наконец разберемся раз
и навсегда, кто кому должен и сколько.

Ваш Уолтер Э. Чайлд

*Секретарь суда Пикуэйна
1 июня 1966*

Гарри,

прилагаемая перфорированная карточка из суда пер-
вой инстанции Чикаго против Э. Уолтера имеет но-
мер кода серии 1500 и, следовательно, относится к
вашему уголовному, а не к моему гражданскому от-
делу. А посему я передаю ее вашей электронной ма-
шине. Как дела?

Джо

Уголовный архив

Пэндок, Мичиган

Просьба не сгибать, не свертывать,
не портить карточку.

Обвиняемый: (Чайлд) Э. Уолтер

Дата: 26 мая 1966

Адрес: 487, Вудлаун-роут, Пэндок, Мичиган

Преступник: код 1566 (исправленный) 1567

Преступление: похищение ребенка

Дата: 16 ноября 1965

Примечание: на свободе.

Арестовать немедленно.

*Управление полиции
Чикаго, Иллинойс*

*Управление полиции
Пэндок, Мичиган*

Обвиняемый Э. (первое полное имя неизвестно) Уолтер, разыскиваемый в соответствии с вашим решением об аресте за похищение ребенка по имени Роберт Луи Стивенсон 16 ноября 1965 года.

По сообщению местного информационного центра, указанное лицо бежало из своей резиденции 437, Вудлаун-роут, Пэндок, и, возможно, находится в вашей зоне. Вероятная явка: Клуб шедевров, 1823, улица Мэнди, Чикаго, Иллинойс. Подозреваемый не вооружен, но считается опасным. Немедленно арестуйте его и предупредите нас о поимке...

*Управление полиции
Пэндок, Мичиган*

Ответ на наше прошение арестовать Э. Уолтера (первое полное имя неизвестно), затребованное в Пэндоке по коду 1567, дело о похищении.

Преступник арестован в административном помещении Клуба шедевров. Действуя под именем Уолтера Энтони Чайлда, он пытался вытянуть 4 доллара 98 центов у некоего Сэмьюэля П. Граймса, служащего этого общества.

Решение: ждем ваших указаний.

*Управление полиции
Чикаго, Иллинойс*

*Управление полиции
Пэндок, Мичиган*

Отношение: Э. Уолтер, он же Уолтер Энтони Чайлд, обвиняемый в похищении ребенка, ваша зона.

Отношение: ваша перфорированная карточка с извещением о приговоре 27 мая 1966 года.

Просьба переписать перфорированную карточку из наших уголовных архивов, высланную вашему электронному отделу.

*Уголовные архивы
Чикаго, Иллинойс*

Просьба не сгибать, не свертывать,
не портить карточку.

Обвиняемый (исправление — недостающая карточка заменена)

Код 456789

Юридическая карточка: очевидно, плохо заполнена и непригодна

Приказ: явиться в суд к судье Джону Александру Макдивоту, зал заседаний, 9 июня 1966 года.

*Отдел судьи
Александра Дж. Макдивота
2 июня 1966*

Дорогой Тони,

мне передали дело, по которому должен состояться суд в четверг утром, но копия, очевидно, плохо выполнена.

Необходима дальнейшая информация (отношение Э. Уолтер: приговор № 456789, Уголовный отдел). Например, что было с жертвой похищения? Имело ли место насилие?

Джек Макдивот

Отдел розыска карточек

Тонио Малагази

Повт. отнош.: приговор № 456789

3 июня 1966

Испытала ли жертва насилие?

Карточка

*Федеральный отдел статистики
Сектор информации*

*Отдел розыска
карточек*

*Управление полиции
Чикаго, Иллинойс*

Обвиняемый: Роберт Луи Стивенсон

Запрос: соответствующая информация

*Управление полиции
Чикаго, Иллинойс*

*Отдел розыска карточек
Отдел уголовных архивов
5 июня 1966*

Обвиняемый: ваш запрос о Роберте Луи Стивенсоне (карточка № 189623)

Дело: Р. Л. Стивенсон скончался. В возрасте 44 лет.

Нужна ли дальнейшая информация?

А. К., федеральное управление статистики

*Федеральное управление статистики
Отдел информации*

Обвиняемый: отнош.: карточка № 189623

Дальнейшая информация не требуется.
Спасибо.

Тонио Малагази *Отдел розыска карточек,*
Отдел розыска карточек *Отдел уголовных архивов,*
 Управление полиции
 Чикаго, Иллинойс

7 июня 1966

Повт. отнош.: приговор № 456789.
Жертва скончалась.

Отдел розыска карточек

7 июня 1966

Судье Александру Дж. Макдивоту
Отнош.: приговор № 456789

Дорогой Джек,

жертва похищения, очевидно, была избита до смерти.

Учитывая странный недостаток информации об убийце и жертве, а также о возрасте жертвы, полагаю, что речь идет о сведении счетов. Это вам для сведения. Меня прошу не называть.

Вместе с тем имя Стивенсона смутно мне что-то напоминает. Возможно, это кто-то из банды восточного побережья, потому что Стивенсон ассоциируется у меня с пиратами — несомненно, бандиты из доков Нью-Йорка — или с похищенным сокровищем. Но, как я уже писал, это умозаключение не для вашего управления. Могу ли я быть вам чем-либо полезен?

С сердечным приветом

Тони Малагази, отдел розыска карточек

*Майкл Р. Рейнольдс,
адвокат суда
49, улица Уотер,
Чикаго, Иллинойс*

8 июня 1966

Дорогой Тим,

очень огорчен, что нельзя выбраться на рыбалку. Сегодня утром меня вызывают в суд для защиты человека, которого завтра будут судить по обвинению в похищении ребенка.

Конечно, при желании я мог бы избавиться от этого дела, да и Макдивот, который ведет заседание, сумел бы, вероятно, меня заменить. Но эта история — самая невероятная, которую ты когда-либо слышал. Похоже, подсудимый был обвинен, а затем признан виновным в результате ряда ошибок, о которых долго рассказывать. Он же не только не виновен, но потерпел бесспорный убыток от одного из самых больших здешних книжных клубов. Таким делом я с удовольствием займусь. Трудно поверить, но приходится признать, что и в эпоху господства карточек и электронных вычислительных машин совершенно невинный человек может оказаться в таком положении.

Не думаю, чтобы дело отняло у меня много времени. Я потребовал свидания с Макдивотом за час до начала разбирательства, ибо только ему можно объяснить суть происходящего. Затем мне придется обсудить с моим клиентом вопросы, связанные с убытками и их возмещением. Перенесем рыбалку на следующее воскресенье?

Твой Майк

*Майкл Р. Рейнольдс,
адвокат суда
49, улица Уотер,
Чикаго, Иллинойс
10 июня 1966 года*

Дорогой Тим, очень спешу. Никакой рыбалки в следующее воскресенье. Весьма огорчен.

Ты не поверишь, как все обернулось. Мой клиент, невинный, как ягненок, только что приговорен к смертной казни за убийство. Суд не нашел смягчающих обстоятельств, поскольку жертва «похищения» умерла. Да, я объяснил историю Макдивоту. Мне не составило труда убедить его в том, что моего клиента нельзя было упрятать за решетку даже на секунду. Но, представь себе, Макдивот был бессилен что-либо сделать. А все потому, что этот человек был уже объявлен виновным на основании данных карточек ЭВМ. Поскольку юридических карточек не существует (сейчас у меня нет времени останавливаться на этом подробно), судья вынужден был пользоваться доступными карточками. Ему ничего не оставалось, как приговорить обвиняемого либо к пожизненному заключению, либо к смерти. Согласно уголовному кодексу, за смерть похищенной жертвы преступника казнят. По новым законам благодаря введению усовершенствованной системы электронных карточек сроки апелляции сокращены. Это сделано для того, чтобы ликвидировать неразумную отсрочку и избавить приговоренных от лишнего беспокойства. В моем распоряжении пять дней, в течение которых я могу послать апелляцию, и десять дней для того, чтобы получить положительный ответ.

Разумеется, я не буду связываться с апелляцией, а обращусь прямо к губернатору для помилования. После этого, надеюсь, с этим мрачным фарсом будет

покончено. Макдивот со своей стороны уже написал губернатору, объяснив всю смехотворность судебного решения, но добавив, что у него не было выбора. Нас двое, и мы должны добиться помилования в кратчайший срок. Я буду бороться до конца... И мы все-таки поедem на рыбалку.

С сердечным приветом

Майк

*М-ру Майклу Р. Рейнольдсу Резиденция губернатора
адвокату суда штата Иллинойс
49, улица Уотер, 17 июня 1966
Чикаго, Иллинойс*

Дорогой мистер Рейнольдс,

в ответ на ваше прошение о помиловании Уолтера Э. Чайлда (Э. Уолтер) позволю себе сообщить вам, что губернатор еще в отъезде. Он вернется в будущую пятницу. По его возвращении я представлю ему ваше прошение и ваши письма.

Искренне ваша

Клара Б. Джилкс, секретарь губернатора

*М-ру Майклу Р. Рейнольдсу
49, улица Уотер,
Чикаго, Иллинойс*

Дорогой Майк,

где же помилование? Через пять дней я должен быть казнен!

Уолт

*М-ру Уолтеру Э. Чайлду
Блок-камера Е,
тюрьма штата Иллинойс*

29 июня 1966

Дорогой Уолт,

губернатор вернулся, но его тут же вызвали в Белый дом, чтобы он высказал свое мнение о федеральной канализационной системе. Я расположился на лестничной площадке, с тем чтобы перехватить его, как только он возвратится.

Не скрою от вас, положение действительно очень серьезное. Это письмо передаст вам тюремный сторож Магрудер. Советую вам выслушать его внимательно. Прилагаю письма ваших близких, умоляющих вас следовать советам Магрудера.

Ваш Майк

*М-ру Майклу Р. Рейнольдсу
49, улица Уотер,
Чикаго, Иллинойс*

30 июня 1966

(письмо передано Магрудером)

Дорогой Майк,

когда я разговаривал с Магрудером в камере, ему сообщили, что губернатор наконец вернулся в Иллинойс и будет в своей резиденции завтра, в пятницу, рано утром. Значит, до субботы у вас будет время заставить его подписать помилование и принести бумагу в тюрьму вовремя, чтобы остановить казнь. Я отказался от предложения Магрудера устроить мне побег, так как он не гарантировал мою безопасность и не мог сказать, все ли сторожа будут удалены с моего пути в момент, когда я попытаюсь бежать. Не исключено, что меня могут убить. Но, полагаю, теперь все обойдется. В самом деле, должна же ко-

гда-нибудь рухнуть под собственной тяжестью вся эта чудовищная история.

С сердечным приветом

Уолт

Крайне срочно

Для суверенного штата Иллинойс

Я, Губерт Дэниел Уилкинс, губернатор штата Иллинойс,

наделенный властью и правами, соответствующими этой должности,

могущий, повинаясь голосу совести, помиловать тех, кто несправедливо приговорен или заслуживает помилования,

провозглашаю 1 июля 1966 года, что Уолт Э. Чайлд (Э. Уолтер), находящийся в настоящее время в тюрьме по причине ошибочного судебного решения о преступлении, которого он не совершал, целиком и полностью прощается в вышеуказанном преступлении.

Обязываю власти, охраняющие вышеупомянутого Уолта Э. Чайлда (Э. Уолтера), в каком бы месте он ни содержался, освободить его, не чиня никаких препятствий.

Отдел междепартаментских сообщений

Просьба не сгибать, не свертывать,
не портить карточку.

Губернатору Губерту Дэниелу Уилкинсу

Основание: помилование Уолтера Э. Чайлда от 1 июля 1966 г.

О несоблюдении правил оформления документации

Дорогой сэр,

вы забыли указать ваш справочный номер. Настоятельно просим вторично представить документ с этой

карточкой и формуляром № 876, подтверждающим ваше право писать «крайне срочно» на документах. Формуляр № 876 должен быть подписан вышестоящим начальником.

Дата открытия Службы сообщений — вторник 5 июля 1966 г.

Примечание. В случае отсутствия формуляра № 876 с подписью вышестоящего начальника вы будете привлечены к ответственности за превышение полномочий и подвергнуты аресту.

Исключений нет. Вы предупреждены.

Виртуоз

— **С**эр!

Маэстро продолжал играть, не поднимая глаз от клавиш.

— Да, Ролло?

— Сэр, я хотел бы, чтобы вы объяснили мне устройство этого аппарата.

Маэстро перестал играть, теперь он отдыхал, откинув на спинку стула худое тело. Его длинные гибкие пальцы свободно лежали на клавиатуре.

— Аппарат? — Он повернулся и посмотрел на робота с улыбкой. — Ты имеешь в виду рояль, Ролло?

— Машину, которая издает различные звуки. Я хотел бы получить о ней кое-какую информацию. Как она действует? Каково ее назначение? Эти данные отсутствуют в моей оперативной памяти.

Маэстро зажег сигарету. Он предпочитал делать это сам. Одним из его первых приказов Ролло, когда робота доставили ему на дом два дня назад, было игнорировать заложенные в него по этому поводу инструкции.

— Я бы не называл рояль машиной, Ролло, — улыбнулся он, — хотя в чисто техническом смысле ты прав. Это действительно машина, предназначенная

для воспроизведения звуков различной тональности и высоты, как одиночных, так и сгруппированных.

— Я уже усвоил это путем визуального наблюдения,— заметил Ролло своим медным баритоном, который более не вызывал легкой дрожи в спине Маэстро.— Проволоки различной толщины и степени натяжения подвергаются ударам обернутых в войлок молоточков, которые приводятся в движение при помощи ручного управления рычагами, расположенными на горизонтальной панели.

— Весьма хладнокровное описание одного из самых благородных творений человеческого гения,— сухо заметил Маэстро.— Ты превратил Моцарта и Шопена в лабораторных техников.

— Моцарт? Шопен? — Дюралевый шар, служивший Ролло головой, сиял ровным светом и был лишен всякого выражения, его безупречно гладкая поверхность нарушалась лишь парой оптических линз.— Эти термины не содержатся в моих ячейках памяти.

— В твоих — конечно, нет, Ролло,— мягко сказал Маэстро.— Моцарт и Шопен — не для вакуумных трубок, предохранителей и медных проводов. Они — для плоти и крови и человеческих слез.

— Я не понимаю, — загудел Ролло.

— Ладно, я объясню,— сказал Маэстро, лениво выпуская дым из ноздрей.— Это были два человека, сочинявшие и рисовавшие последовательный ряд нот. Ноты эти означали различные звуки, которые потом издавались при помощи фортепьяно или других инструментов — машин для производства звуков определенной длительности и высоты. Иногда эти инструменты, как мы их называем, играют или управляются индивидуально, иногда группируются в так называемые оркестры, и в этом случае звуки слышатся одновременно — получается гармония. Иными слова-

ми, звуки находятся по отношению друг к другу в упорядоченной математической зависимости, в результате чего...— Маэстро вскинул руки вверх.— Бог мой! — воскликнул он со сдавленным смешком.— Вот уж не думал, что мне когда-нибудь придется читать такую сложную и совершенно бессмысленную лекцию, чтобы объяснить роботу, что такое музыка!

— Музыка?

— Да, Ролло. Звуки, которые производит эта машина и многие другие из этой же категории, называются музыкой.

— А какова цель музыки, сэр?

— Цель? — Маэстро раздавил сигарету в пепельнице, а затем повернулся к роялю и несколько раз согнул и разжал пальцы.— Слушай, Ролло.

Тонкие пальцы плавно скользнули по клавиатуре и начали ткать начальные узоры «Лунного света», нежные и хрупкие, как паутинка. Ролло стоял неподвижно; флуоресцирующий свет лампы над пюпитром рояля отбрасывал голубоватое бриллиантовое сияние на башенную громаду робота, отражаясь в его мерцающих янтарных линзах.

Маэстро снял пальцы с клавиш, и тонкое, неуловимое кружево мелодии медленно и неохотно растаяло в тишине.

— Клод Дебюсси,— сказал Маэстро.— Один из «механиков» давно прошедших времен. Он изобразил эту последовательность тонов много лет назад. Они тебе понравились?

Ролло ответил не сразу.

— Звуки хорошо организованы,— наконец промолвил он.— Они не раздражали мой слуховой аппарат, как некоторые другие.

Маэстро рассмеялся.

— Ролло, ты даже сам не представляешь, какой ты великолепный критик!

— Эта музыка, — загудел Ролло, — имеет целью доставлять людям удовольствие?

— Именно так, — ответил Маэстро. — «Звуки, хорошо организованные, которые не раздражают слуховой аппарат, как некоторые другие». Бесподобно! Эти слова достойны быть высеченными на мраморе над входом в Нью Карнеги-холл.

— Я не понимаю. Почему мое определение...

Маэстро махнул рукой:

— Неважно, Ролло. Не обращай внимания.

— Сэр!

— Да, Ролло?

— Эти листы бумаги, которые вы иногда кладете перед собой на рояль. Это что — планы, чертежи, указывающие, какие именно звуки и в каком порядке следует издавать на фортепьяно?

— Совершенно верно. Каждый звук мы называем нотой, а комбинации нот — аккордом.

— Значит, каждая черточка означает звук, который нужно воспроизвести?

— Ты как нельзя более прав, мое дорогое металлическое создание.

Ролло стоял неподвижно, переваривая сказанное. Маэстро почти физически ощущал движение колесиков внутри герметического шара.

— Сэр, я тщательно исследовал свои блоки памяти и не обнаружил там никаких специальных или хотя бы приблизительных инструкций по этому поводу. Я хотел бы научиться производить эти ноты на фортепьяно. Я прошу вас ввести в ячейки моей оперативной памяти принципы зависимости между этими черточками и рычагами ее панели.

Маэстро взглянул на Ролло с любопытством. Лицо его медленно расплылось в улыбке.

— Bravo! — воскликнул он. — Сколько лет ученики прилежно зубрили эту науку, ломали себе пальцы,

пытаясь открыть замки высокого искусства! Но теперь у меня такое чувство, что ты, Ролло, станешь самым блистательным студентом. Облечь Музу в металл, втиснуть ее в машину... Я охотно принимаю вызов! — Он встал, дотронулся до руки Ролло, ощутив под холодным металлом скрытую мощь. — Садись, мой Персональный Робот системы Роллейндекс, модель М-3. Мы заставим Бетховена перевернуться в гробу или же откроем новую эру в истории музыки!

Через час с небольшим Маэстро зевнул и посмотрел на часы.

— Уже поздно, — сказал он. — Мои стариковские глаза не столь неутомимы, как твои, друг мой. — Он тронул Ролло за плечо. — Теперь в твоих блоках памяти заложены полные, фундаментальные знания музыкальной грамоты. Это был неплохой ночной урок, особенно если вспомнить, сколько времени потратил я сам, чтобы овладеть всей этой суммой информации. Завтра мы попытаемся приспособить твои внушающие страх пальчики для работы на клавишах.

Он потянулся.

— Я пошел спать. Не забудь погасить свет и запереть дверь.

Ролло поднялся со стула.

— Да, сэр, — прогудел он. — У меня к вам еще просьба.

— Что я могу сделать для своего блистательного ученика?

— Можно мне сегодня ночью попробовать произвести звуки на фортепьяно? Я буду вести себя тихо, чтобы не беспокоить вас.

— Сегодня ночью? Да ты сошел... — Маэстро улыбнулся. — О, прости меня, Ролло. Не так просто привыкнуть к мысли, что ты не нуждаешься во сне. — Он в нерешительности почесал подбородок. — Ну хо-

рошо. Я думаю, настоящий педагог не должен отбивать у нетерпеливого ученика охоту к приобретению знаний. Но, пожалуйста, Ролло, будь осторожен.

Он погладил полированное красное дерево.

— Мы с этим инструментом дружим уже много лет. И я бы очень не хотел, чтобы ты выбил ему зубы своими пальцами, больше похожими на кузнечные молоты. Легче, друг мой, как можно легче!

— Да, сэр.

Маэстро лег спать с легкой улыбкой на губах, смутно представляя себе робкие, неуверенные звуки, которые родятся в результате попыток Ролло.

Затем он окунулся в густой серый туман, в тот призрачный мир полудремы, где реальность похожа на сон, а грезы — реальны. Словно невесомые облака, сотканые из звуков, кружились и текли в его сознании, покачивая на мягких волнах... Что это было? Туман рассеялся, и теперь он купался в алом бархатистом сиянии, музыка заполнила все его существо, он растворялся в ней без остатка...

Он улыбался. О мои воспоминания! Благодарю тебя, благодарю...

Внезапно он вскочил, откинул одеяло и присел на край кровати, прислушиваясь. Потом ощупью нашел в темноте одежду, всунул худые ноги в шлепанцы и, не в силах подавить произвольную дрожь, тайком подкрался к двери своего кабинета. Он замер у двери в ночном одеянии, тонкий и хрупкий.

Свет, горевший над пюпитром одиноким оазисом в темной комнате, отбрасывал жутковатые тени. Ролло высился над клавиатурой, чопорный, негнувшийся, ничем не похожий на человека. Его зрительные линзы были направлены куда-то в пространство, поверх теней. Массивные ноги нажимали на педали, пальцы металась по клавиатуре, мерцая в свете лампы, — они

словно жили сами по себе, независимо от машинного совершенства его тела.

Пюпитр был пуст. На стуле лежали закрытые ноты бетховенской «Аппассионаты». Раньше они были — Маэстро помнил точно — в стопке нот на рояле.

Но Ролло играл ее! Он создавал ее заново, вдыхал в нее жизнь, закалял в горниле серебристого пламени. Время потеряло смысл, оно остановило свой бег, замерев высоко над землей, в поднебесье.

Маэстро не замечал, как слезы текут из его глаз, пока Ролло не закончил сонату. Робот повернулся и посмотрел на Маэстро.

— Вам понравились эти звуки? — прогудел он.

Губы Маэстро дрогнули.

— Да, Ролло, — вымолвил он наконец. — Они мне понравились.

Он почувствовал комок в горле.

Маэстро поднял ноты дрожащими пальцами.

— Это... — пробормотал он. — Уже?..

— Я добавил их к своим хранилищам знаний, — ответил Ролло. — Я применил к этим чертежам принципы, которым вы меня обучили. Это было не очень трудно.

Маэстро проглотил комок в горле, прежде чем заговорил.

— Это было не очень трудно... — тихо повторил он.

Старый музыкант медленно опустился на скамейку рядом с Ролло, молча глядя на него, словно видел впервые.

Ролло поднялся. Маэстро положил пальцы на клавиши, казавшиеся ему теперь непривычными и чужими.

— Музыка! — Он вздохнул. — Я всегда слышал ее именно такой в глубине своей души! И я знаю — Бетховен тоже!

Он посмотрел вверх на робота с растущим возбуждением.

— Ролло, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Нам надо будет завтра немного повозиться с твоими блоками памяти.

В эту ночь он не сомкнул больше глаз.

На следующее утро он вошел в кабинет быстрыми энергичными шагами. Ролло чистил ковер пылесосом. Маэстро предпочитал ковры новым непылящимся пластикам, которые, по его мнению, оскверняют ноги. В пустыне современной антисептической действительности дом Маэстро был, в сущности, оазисом анахронизмов.

— Итак, ты готов работать, Ролло? — спросил он. — Нам с тобой предстоит масса дел. У меня в отношении тебя грандиозные планы!

Ролло не отвечал.

— Я попросил их всех прийти сюда сегодня днем, — продолжал Маэстро. — Дирижеров, пианистов-концертантов, композиторов, импресарио. Все столпы музыки. Пусть они только услышат твою игру!

Ролло выключил пылесос и стоял молча.

— Ты будешь играть им здесь же, сегодня. — Маэстро говорил возбужденно, не переводя дыхания. — Я думаю, снова «Аппассионату». Да, именно ее. Я хочу видеть их лица! Затем мы устроим сольное выступление, чтобы представить тебя публике и критикам, а потом ты исполнишь фортепьянный концерт с одним из крупнейших оркестров. Мы организуем трансляцию концерта по телевидению на весь мир! Ты только подумай об этом, Ролло, только подумай! Величайший пианист-виртуоз всех времен — робот! Это столь же фантастично, сколь и великолепно! Я чувствую себя первооткрывателем новых миров!

Он ходил по комнате как в лихорадке.

— Затем мы запишем тебя на пластинки, разумеется. Весь мой репертуар, Ролло, и еще сверх того. Много сверх того!

— Сэр?

Лицо Маэстро сияло, когда он смотрел на робота.

— Да, Ролло?

— Вложенные в меня инструкции дают мне право пресекать любые действия, которые я расцениваю как вредные для моего хозяина. — Робот тщательно подбирает слова. — Сегодня ночью вы плакали. Это один из признаков, которые я, согласно инструкции, должен учитывать, принимая решения.

Маэстро схватил Ролло за его массивную, превосходно отлитую руку.

— Ролло, ты не понимаешь! То была минутная слабость. Пустяк, глупость!

— Прошу прощения, сэр, но я вынужден отказаться. Я больше не смогу подойти к роялю.

Маэстро уставился на робота, не в силах поверить.

— Ролло, это невозможно! Мир должен услышать тебя!

— Нет, сэр.

Янтарные линзы робота, казалось, излучали мягкий свет.

— Рояль — не машина, — загудел он своим мощным нечеловеческим голосом. — Но для меня он — машина. Я могу превращать ноты в звуки в одно мгновение. За какую-то долю секунды я могу постичь весь замысел композитора. Для меня это очень просто...

Ролло величественно возвышался над печально поникшим Маэстро.

— Но я также в состоянии понять, — монотонно гудел он, — что это... что музыка — не для роботов. Она — для людей. Для меня музыка действительно очень проста. Но... она не была задумана простой!

Фургон

При свете керосиновой лампы Очаровательный Малыш подсчитывал дневную выручку. Как обычно, очень скудную. Публика больше не интересовалась двухголовыми чудовищами.

— А как хорошо было там! — вздохнула голова чтобы мечтать.

— Ну, если дело и дальше пойдет так же, вернуться вряд ли удастся, — ответила голова чтобы думать.

Очаровательный Малыш встал. Обе его головы касались потолка фургона.

— Пора бы наконец подкрасить фургон, потолок совсем облупился, — заметила голова чтобы мечтать.

— А зачем? Все равно он развалится раньше, чем пайдется горючее для взлета, — сердито буркнула голова чтобы думать.

Он посмотрел на свои руки, на свою серую пергаментную кожу. Идиоты, они меня презирают за то, что я никогда не снимаю маску, — знали бы они, кто я такой, — а ты всего лишь ярмарочная диковинка, не делающая сборов, — когда-то я был пилотом первой кометы — когда-то, вот именно когда-то, давненько это было — может быть, Жюли не была бы такой же

стокой, знай она правду, — и тебя убили бы или заперли, чтобы узнать, откуда ты явился.

Голова чтобы мечтать закрыла глаза, лишь бы не видеть больше этой серой кожи.

За окном послышался смех Жоли. У нее была палатка с лотереей по ту сторону проулка. Очаровательный Малыш поднял занавеску и выглянул головой чтобы мечтать.

Она была очень красива, хотя только с одной головой, и посетители смеялись вместе с ней. Очаровательный Малыш тоже очень хотел бы посмеяться. Но ведь Жоли смеялась как раз над ним.

— Хорош бы ты был на Мексосе, герой, если бы заинтересовался моноцефалкой, — сказала голова что-то думать.

— Да, на Мексосе это было бы довольно глупо.

И голова чтобы думать вновь перенеслась на Мексос. Она видела огромный город, по которому змеились тысячи серебряных каналов, а все улицы были покрыты цветами. Здесь цветы вянут, если по ним ходить. На Мексосе жил маленький народ моноцефалов, игра природы, существа с одной головой, способные делать только что-нибудь одно — или мечтать, или думать. Они бывали замечательными художниками и выдающимися учеными, так как ничто не отвлекало их от работы. И все-таки они были неполноценными. К счастью, на Мексосе жили и другие — гармоничные бифефалы. И более редкие трицефалы, которые могли не только мечтать и думать, но и субиколлировать — а это, как всем известно, особенно изящное действие. Они были очень забавны, хотя из-за их третьей головы на них никогда нельзя было особенно полагаться. А главное, там были зу, которые радовали сердце своими нескончаемыми песенками, похожими на хрустальные колокольчики в звенящих залах.

Голова чтобы мечтать грустно посмотрела на потолок фургона. За ним скрывался механизм, который мог бы когда-нибудь вернуть их на Мексос. Если удастся найти горючее. Очаровательный Малыш растянулся на полу фургона и унесся вдаль... Только голова чтобы мечтать не уснула, но это было неважно, потому что головы чтобы мечтать никогда до конца и не просыпаются. Она смотрела в окошко и вспоминала звезды, мириады разноцветных звезд.

— Чечевица подгорает, — прервала ее грезы голова чтобы думать.

Очаровательный Малыш снял чечевицу с керосинки и съел ее головой чтобы думать, — потому что голова чтобы мечтать любила только рагу из домашнего единорога и фаршированные бернаши. А где их было взять?

После ужина он раскрыл потолок фургона, чтобы еще раз посмотреть на бесполезный атомный реактор. А потом пошел задать корм лошади.

— Здравствуй, — сказала лошадь.

— Здравствуй, — сказал Очаровательный Малыш.

— Как поживаешь? — вежливо спросила лошадь.

— Спасибо, хорошо, а ты? — ответил Очаровательный Малыш.

— Хватит дурака валять, — вмешалась голова чтобы думать. — Лошади не разговаривают.

Голова чтобы мечтать ответила грубостью, и голова чтобы думать сердито замолчала. Лошадь тоже умолкла.

После вынужденного приземления жизнь Очаровательного Малыша текла с обескураживающей монотонностью. Он переезжал с ярмарки на ярмарку с этим фургоном и пыльным патром. Так он по крайней мере был менее заметен. А кроме того, сначала он надеялся, показывая себя на ярмарках, заработать деньги, много денег. Но очень скоро вынужден был

смириться с очевидностью: нет, таким способом ему не заработать на обогащенный уран, необходимыми для реактора. Тогда он взвесил возможность добыть нужную сумму другим способом, правда не совсем законным, но зато более действенным. Однако существо, чьи две головы возвышаются над землей на два метра десять сантиметров, — слишком видная фигура и вряд ли может рассчитывать на успешное ограбление банка. Честно говоря, его голова чтобы мечтать представила такие возможные последствия этой попытки, что волосы на голове чтобы думать встали дыбом.

Однако в это утро случилось нечто, перевернувшее всю его жизнь. На первый взгляд не произошло ничего из ряда вон выходящего: что могло быть на Мексосе более привычным, более естественным, чем песенка зу? Да, но Очаровательный Малыш был на Земле. А на Земле песенка зу не была ни привычной, ни естественной.

У Очаровательного Малыша были две отдельные слуховые системы, а потому он мог очень точно определить место всякого звука, который слышал.

Песенка зу доносилась из палатки Жоли!

Его голова чтобы думать напряженно размышляла. Что может означать присутствие зу в палатке Жоли? Она покосилась на голову чтобы мечтать, но та, видимо, просто недоумевала. Тогда Очаровательный Малыш решил сам все выяснить и перешел через проулок.

Через щель ему удалось увидеть в запертой палатке зу. Никаких сомнений: голубая шерсть, длинный шелковистый хвост и две головы, которые ласкались друг к другу, все время мурлыча свою нежную песенку.

— Почему мы не можем так же дружить, как зу? — шепнула голова чтобы мечтать.

— Не болтай зря, сейчас не до того, — оборвала ее голова чтобы думать. — Прежде всего надо узнать, как зу сюда попал, — ведь это значит, что на Земле есть еще один мексианин.

Очаровательный Малыш тихонько свистнул. Мордочки зу замерли в неподвижности, потом, насторожившись, повернулись в его сторону. Маленькие оранжевые глазки лихорадочно забегали. Наконец зу уловил сквозь стенку инфракрасное излучение, исходящее от тела Очаровательного Малыша, гибко прыгнул вперед и стал ластиться к нему через щель.

— Здравствуй, я Очаровательный Малыш, — шепнул мексианин.

— Здравствуй, я Сирлисунитави, я зу, посмотри на мою правую голову, правда, она красивая? — сказала левая голова зу.

— Здравствуй, я Сирлисунитави, я зу, посмотри на мою левую голову, правда, она красивая? — сказала правая голова зу.

— Какая прелесть! — сказала голова чтобы мечтать.

— Э нет! Все это и без того достаточно запутано, — сказала голова чтобы думать. — Смотри, но молчи.

— Ты поиграешь со мной? — спросил зу.

— Конечно. Что ты тут делаешь?

— Я зу. Я тебя люблю. Посмотри на мою...

С этими зверьками вечно одна и та же история: они прелестны, но совершенно глупы. Очаровательный Малыш попытался придумать самый простой и понятный вопрос...

— Не трогай моего хорька! Ты мне его отдал, и теперь он мой! — закричала Жоли.

Очаровательный Малыш не услышал, как она подошла к нему сзади. «Какая у нее легкая походка!» — сказала про себя голова чтобы мечтать, но вслух за-

говорила другая голова — она, запинаясь, пробормотала:

— Это не хорек, это зу.

Жоли расхохоталась.

— Хорек или зу, все равно он мой!

— А можно, я иногда буду его навещать? Я ему ничего плохого не сделаю. Только буду свистеть, чтобы он пел, — сказал Очаровательный Малыш.

Но Жоли рассердилась.

— Он и один прекрасно поет! Думаешь, я не понимаю твоих уловок? Ты просто ищешь предлога таскаться сюда, чтобы видеть меня. Иди, иди, чудовище! Хорош же ты, наверное, под маской, что никогда ее не снимаешь. Убирайся, не то я позову Клавдия, и он вправит тебе мозги.

Очаровательный Малыш грустно удалился. Клавдий думает, что он очень сильный, потому что он содержит балаган с кетчерами, но, если бы я захотел, я мог бы одним ударом кулака оторвать ему голову — это было бы очень забавно — а если полиция тебя схватит, они сразу увидят, что ты вовсе не в маске — да и вообще она этого не стоит; надо же быть идиоткой, чтобы спутать зу с хорьком, хорьки ведь не псют — да, но у нее чудесные глаза, яркие, как воронки, освещенные изнутри, — такие штучки надо было говорить, когда она была рядом, а не сваливать весь разговор на меня — но я не смею: я боюсь, что не найду слов или что сломаю их, когда буду связывать в букет, ведь они такие хрупкие, и все же могут поранить, как стекло, — ну, замолчи, мне надо подумывать.

Жоли сказала, что он сам дал ей зу. Для человека все мексиане, конечно, были бы на одно лицо. Значит, на Земле есть еще одно похожее на него существо, которое имело наглость делать Жоли подарки. Может быть, его ищут? Нет. Его бы уже нашли —

его портрет выставлен перед входом в шатер. А может быть, этот другой мексианин оставляет на ярмарках зу, чтобы собирать сведения? Необходимо было найти возможность расспросить Сирлисунитави.

Жоли посадила зу в клетку, чтобы он своими тремя привлекал внимание зевак. Там с ним совершенно невозможно поговорить так, чтобы она ничего не заметила...

— Сирли, приходи ко мне, будем играть, — просвистел он. У зу очень острый слух; несмотря на праздничный гомон ярмарки, Сирли услышал зов. Он вытянул мордочки и начал нюхать воздух.

— Осторожно! — поспешил заметить Очаровательный Малыш. — Если моноцефалка заметит, она тебя не пустит.

Сирли подождал, пока хозяйка отвернется, потом выломал три прута клетки и скользнул наружу.

— Здравствуй, я Сирлисунитави, поиграем, поиграем?

— Здравствуй. Откуда ты? — сказала голова чтобы думать.

— Здравствуй. А во что ты умеешь играть? — сказала голова чтобы мечтать.

— Я из палатки напротив. Я умею играть в цветы, в облака, в фейерверк, в глаза девушек, в углеродные снежинки, в сталактиты...

— В ледяные или известковые?

— И в те, и в другие. Я очень люблю играть в сталактиты.

— Мы поиграем, если ты хочешь, — сказала голова чтобы думать. — Но сначала скажи мне, где ты был до палатки с лотереей.

— Да везде, с Линофриной...

— А где Линофрина теперь?

— Не знаю. Она хорошо играет в горящий камин. Она мне сказала, что не может взять меня с собой, по-

тому что туда, куда она идет, зу нельзя. Я помню только...

— Так я и знала, что он тут! Отдай моего хорька! — Жоли была в ярости.

— Это не хорек... — начала голова чтобы думать.

— А почему она не играет со мной? — спросил Сирли.

— Наверное, не умеет, — просвистел Очаровательный Малыш.

И Жоли удалилась, неся зу в руках.

Даже голова чтобы мечтать была разочарована. То, что Жоли спутала его с женщиной, не делало чести ее проницательности. В эту минуту голова чтобы думать легко могла бы уничтожить любовь головы чтобы мечтать, но она была озабочена другим. Совершенно необходимо было узнать все, что известно Сирли.

Линофрина, как и он сам, вынуждена была скрываться на ярмарках — в любом другом месте ее сразу заметили бы. Но в таком случае почему она избавилась от Сирли? Ведь все любят зу, любят проходящие в их глазах образы и их хрустальное воркование.

Линофрина хотела, чтобы зу не знал, чем она занимается, — вот единственное возможное объяснение. Она опасалась неумолчной болтовни зверька, хотя люди, видимо, и не понимают его языка. Значит, она отправилась на поиски какого-то тайника. А единственное, чего она не могла постоянно возить с собой, — это радиоактивное горючее. Она избавилась от Сирли, отдав его первому встречному. Несомненно, она торопилась потому, что ее контейнер был поврежден и утратил непроницаемость...

— Погоди, погоди, у тебя же нет никаких доказательств и даже намеков, чтобы сочинять такую историю, — перебила голова чтобы думать.

— Конечно, но все очень сходится, верно?

Голова чтобы думать не могла не согласиться:

— Действительно, бывают минуты, когда мне правится следить за твоими рассуждениями.

— Это просто самолюбование, — ответила голова чтобы мечтать, стараясь не показать, как она польщена, — но тем не менее, прежде чем принять твою теорию, надо поговорить с Сирли.

Ночью зверек прибежал опять. Когда зу хочет играть, его ничто не остановит.

Очаровательный Малыш дал ему цветок кувшинки, и Сирли с наслаждением покусывал лакомство, а мексианин тем временем почесывал ему плечо в том месте, где расходятся шеи.

— Что говорила тебе Линофрина перед тем, как ушла?

— Она сказала, что мы скоро вернемся домой. Наверное. Но для этого надо кое-что сделать, а потом она будет искать машину для возвращения. А где это — дом?

— Ты не помнишь? Это далеко. Очень далеко. Там все счастливы.

— А я всегда счастлив, я меня люблю. Я красивый зу. Поиграем?

— Да, — сказал Очаровательный Малыш и устремил взгляд в глаза Сирли. В них были пестрые каскады и колокольчики и лучи солнца вспыхивали радугами в мыльных пузырях; а в его глазах зу видел серебряные каналы и улицы, вымощенные цветами.

После терпеливых расспросов Очаровательному Малышу удалось узнать историю Линофрины. Она, как и он, совершила вынужденную посадку на Земле, но ее корабль разбился. Однако у нее был запас атомного топлива. А у Очаровательного Малыша был реактор. Вместе они могли бы улететь и увезти с собой Сирли.

— Надо найти Линофрину, — сказала голова чтобы думать.

— Это очень просто, — сказала Сирли. — Она замной вернется. Она мне велела смотреть повсюду, не встретится ли где-нибудь еще мексианин. Она и оставила меня на ярмарке потому, что мексиане любят ярмарки. Она будет тебе рада. Ей, наверное, скучно одной. Поиграем еще?

У головы чтобы думать вдруг возникли всякие безумные идеи, и в том числе желание придушить извивающуюся зверушку с небесно-голубой шерстью. Но она сдержалась: ведь ей самой пришлось начать их знакомство с этого вопроса.

После этого существование Очаровательного Малыша стало по-прежнему монотонным. Если не считать того, что теперь он играл с Сирли. Если не считать того, что он чаще видел Жоли, так как она каждое утро приходила за своим хорьком. Если не считать того, что Клавдий неоднократно грозился проверить с помощью кулака, которая из его голов — настоящая. Если не считать того, что он ждал Линофрину.

И однажды утром Жоли и Клавдий явились в фургон, твердо решив на сей раз рассчитаться с похитителем хорька. Но они ушли немедленно и без зу, потому что в фургоне было два Очаровательных Малыша. Конечно, они знали, что это какой-то фокус, но впечатление все равно было довольно сильное.

В тот же день Очаровательный Малыш уехал, не позаботившись захватить с собой свой шатер. Между делом он исподтишка лягнул балаган Клавдия, который воспользовался этим случаем, чтобы рухнуть. А Жоли так никогда и не узнала, кто усыпал ее палатку кувшинками.

Линофрина была приятной спутницей. Она совершенно бессовестно строила ему глазки, но это вов-

се не было неприятно голове чтобы мечтать. Да и другой тоже, что очень улучшало общую атмосферу.

И они отправились в тряском фургоне за атомной батареей, которая была спрятана в одном из гротов неподалеку от Дордони.

Очаровательный Малыш еще раз проверил, хорошо ли закрыты иллюминаторы, и выбросил на обочину мебель, которая не была им нужна, и жестяную коробку со скудными сбережениями. Больше она ему не понадобится. Потом он пошел выпрячь лошадь.

— Здравствуй. Я оставлю тебя в лесу. Тебе больше не придется таскать этот фургон, — сказал Очаровательный Малыш.

— О, это было вовсе не трудно. Эти специальные сплавы — просто чудо легкости, — ответила лошадь.

— Да ты и в самом деле говоришь? — удивилась голова чтобы думать.

— Конечно, только очень редко — я по натуре чрезвычайно молчалива, — сказала лошадь, прядая ушами.

— Ну, счастливо. А может быть, ты хочешь полететь с нами? Ты же знаешь, в фургоне места хватит.

Однако лошадь отклонила приглашение, хотя была явно тронута.

— Спасибо, но я уже старею. Я предпочту окончить свои дни тут, на родине. Скажи всем остальным от меня «до свидания». От слова «прощай» я становлюсь печальной, как уличный фонарь ночью. Счастливого пути!

Она удалилась мелкой рысцой, стараясь не оглядываться, чтобы не увидеть, как будет взлетать фургон.

На фотографии, сделанной в двух тысячах километров от поверхности Земли, был обнаружен фургон, плавающий в космическом пространстве. Конечно, это был какой-нибудь грубый трюк, вроде двухголовых чудовищ на ярмарках.

Мексос был таким же, каким он его оставил: каналы, цветущие улочки, сверкающие фасады, наивные или озабоченные моноцефалы, насмешливые трицефалы — и бицефалы, которые устроили горячую встречу двум вернувшимся братьям. Сирлисунитави смотрел во все стороны сразу — он и забыл, что может быть столько партнеров для игр.

В течение трех недель — а на Мексосе, где все счастливы, недели тянутся очень долго — один праздник сменялся другим. Очаровательный Малыш спал только одной головой, то одной, то другой по очереди — чтобы не упустить ничего из этих многоцветных зрелищ. Никогда он так не развлекался. Но, как гласит мексианская пословица, и самому лучшему на свете тоже приходит конец, разве только оно не самое лучшее на свете, и в общем это не так уж плохо.

И вот обычная жизнь вновь спокойно потекла в своих берегах.

Линофрина была прелестна, и ее подруги — тоже. И все же Очаровательный Малыш иногда чувствовал себя не в своей тарелке. Тогда он с Сирли или совсем один уходил гулять вдоль каналов. Скоро это вошло у него в привычку.

Чтобы понять свое настроение, он думал о Земле, о той убогой жизни, которую там вел, о тех трудностях, которые ему пришлось преодолеть, чтобы улететь оттуда, о безнадежности, которая иногда охватывала его вечерами, когда он сидел в фургоне при свете керосиновой лампы...

— Да, но у Жоли были такие красивые глаза, и от нее так приятно пахло нугой и помидорами, — сказала голова чтобы мечтать. — И там была лошадь, а дети так весело смеялись на карусели, карабкаясь на розовых поросят.

И тогда впервые за всю свою далеко не короткую жизнь голова чтобы думать разразилась потоком жалобных проклятий.

Источники

- A. J. Deutsch*, A Subway Named Moeblus, из сб. Best SF 4, ed. by E. Crispin, London, 1961.
- Marshall King*, Beach Scene, из ант. The Best of Sci-Fi, London, 1963.
- Isaac Asimov*, Key Item, из ант. Buy Jupiter and Other Stories, N. Y., 1975 (рассказ впервые опубликован в 1968 г.).
- William Morrison*, Bedside Manner, из ант. Great Science Fiction About Doctors, N. Y., 1963.
- Fredric Brown*, Man of Distinction, из сб. F. Brown, Honeymoon in Hell, 1963.
- C. M. Kornbluth*, Gomez, Best SF Stories by C. Kornbluth, 1968.
- Mildred Clingerman*, Winning Recipe, из сб. A Cupful of Space, N. Y., 1961.
- James Cox*, Rain, Rain, Go Away, из сб. Fantastic Stories of Imagination, vol. 11, № 6, June 1962.
- Zenna Henderson*, Something Bright, из ант. The Best of Sci-Fi, London, 1963.
- Gianni Rodari*, Il principe gelato, из сб. Gipi in televisione et altre storie, Milano, 1972.
- Pierre Gamarra*, La machine d'Onésime, L'Humanité Dimanche.
- Clifford D. Simak*, Horrible Example, Analog, 1961, July.
- Jack Lewis*, Who's Cribbing? из ант. Fifty Short Science Fiction Tales.
- Murray Leinster*, The Middle of the Week After Next, из ант. Out of This World, N. Y., 1960.
- Joan Aiken*, Five Green Moons, из Ellery Queen's Mystery Magazine, 1962, March.
- Judith Merril*, So Proudly We Hail, из ант. Star Science Fiction, 1953; Rockets to Where? из ант. SF: 59.

Васил Димитров, Елхата за всички, Орбита, № 52, 1974.

Gordon R. Dickson, Sleight of Wit, Analog, I, 1963.

Herbert Goldstone, Virtuoso, из ант. Science-Fiction Thinking Machines, N. Y., 1954.

Christian Léouridè, La roulette, Fiction, № 228, Decembre 1972.

Содержание

<i>Вс. Ревич. Есть контакт!.. Нет контакта . . .</i>	5
<i>А. Дж. Дейч. ЛЕНТА МЁБИУСА. Пер. с англ. Т. Шин- карь</i>	17
<i>Маршалл Кинг. НА БЕРЕГУ. Пер. с англ. С. Василь- евой</i>	41
<i>Айзек Азимов. НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ. Пер. с англ. И. Можейко</i>	63
<i>Уильям Моррисон. ЛЕЧЕНИЕ. Пер. с англ. Р. Рыбкина</i>	68
<i>Фредрик Браун. ВАЖНАЯ ПЕРСОНА. Пер. с англ. К. Сецина</i>	91
<i>Сирил Корнблат. ГОМЕС. Пер. с англ. Т. Хейфец . .</i>	104
<i>Милдред Клиngerмен. ПОБЕДОНОСНЫЙ РЕЦЕПТ. Пер. с англ. Н. Галь</i>	139
<i>Джеймс Кокс. ДОЖДИК, ДОЖДИК, ПЕРЕСТАНЬ... Пер. с англ. Ю. Эстрина</i>	146
<i>Зенна Гендерсон. ЧТО-ТО БЛЕСТЯЩЕЕ. Пер. с англ. З. Бобырь</i>	165
<i>Джанни Родари. ПРИНЦ-ПЛОМБИР. Пер. с ит. Л. Вер- шинина</i>	188
<i>Пьер Гамарра. МАШИНА ОНЕЗИМА. Пер. с фр. Г. Не- прыхиной</i>	196
<i>Клиффорд Саймак. ДУРНОЙ ПРИМЕР. Пер. с англ. С. Васильевой</i>	203
<i>Джек Льюис. КТО У КОГО УКРАЛ. Пер. с англ. М. Литвиновой</i>	228
<i>Мюррей Лейнстер. НА ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ. Пер. с англ. Э. Башиловой</i>	235
<i>Джован Айкен. ПЯТЬ ЗЕЛЕННЫХ ЛУН. Пер. с англ. А. Шапошниковой и М. Копелянской</i>	260
	339

Джудит Меррил. СКВОЗЬ ГОРДОСТЬ, ТОСКУ И УТРАТЫ. Пер. с англ. С. Фурцевой	274
Васил Димитров. ЕЛКА ДЛЯ ВСЕХ. Пер. с болг. З. Бобырь	291
Гордон Диксон. МАШИНЫ НЕ ОШИБАЮТСЯ. Пер. с англ. В. Николаевой	298
Герберт Голдстоун. ВИРТУОЗ. Пер. с англ. В. Волина	315
Кристиан Леурье. ФУРГОН. Пер. с фр. П. Гурова . .	324
Источники	337

Книги,
выпущенные издательством «Мир» в серии
«ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА»

1965 год

- Ф. Каишшаи.* Телечеловек. Пер. с венг.
Р. Бредбери. Марсианские хроники. Пер. с англ.
Экспедиция на Землю. Пер. с англ.
Туннель под миром. Пер. с англ.
Ф. Поол и С. М. Корнблат. Операция «Венера». Торговцы космосом. Пер. с англ.
Ч. Оливер. Ветер времени. Пер. с англ.
К. Занднер. Сигнал из Космоса. Пер. с нем.
С. Лем. Охота на Сэтавра. Пер. с польск.
П. Несвадба. Мозг Эйнштейна. Пер. с чешск.

1966 год

- Белая пушинка. Пер. с рум.
К. Фялковский. Пятое измерение. Пер. с польск.
Ф. Хойл и Д. Эллиот. Андромеда. Пер. с англ.
Р. Шекли. Паломничество на Землю. Пер. с англ.
Р. Уормсер. Пан Сатирус. Пер. с англ.
А. Азимов. Путь марсиан. Пер. с англ.
Г. Гаузер. Мозг-гигант. Пер. с нем.
К. Чапек. Средство Макропулоса. Война с саламандрами. Пер. с чешск.

1967 год

- К. Борунь.* Грань бессмертия. Пер. с польск.
С. Лем. Непобедимый. Килбериада. Пер. с польск.
Как я был великаном. Пер. с чешск. и словацк.
Р. Бредбери. Вино из одуванчиков. Пер. с англ.
Луна двадцати рук. Пер. с итал.

М. Кэйдун. В плену орбиты. Пер. с англ.
К. Саймак. Прелесть. Пер. с англ.
Пришельцы ниоткуда. Пер. с франц.
Времена Хокуса. Пер. с япон.

1968 год

Человек, который ищет. Пер. с болг.
Гости страны фантазии. Сб. научно-фантастических произведений писателей-нефантастов
Г. Каттнер. Робот-зазнайка. Пер. с англ.
К. Саймак. Все живое. Пер. с англ.
Случай Ковальского. Пер. с польск.
Пиршество демонов. Сб. научно-фантастических произведений ученых

1969 год

Карточный домик. США глазами фантастов. Пер. с англ.
Е. Жулавский. На серебряной планете. Рукопись с Луны.
Пер. с польск.
Фантазии Фридьеша Каринти. Пер. с венг.
Звезды зовут. Сб. научно-фантастических рассказов о космосе
Музы в век звездолетов. Сб. научно-фантастических рассказов об искусстве
Э. Нортон. Саргассы в космосе. Пер. с англ.
М. Фрейн. Оловянные солдатики. Пер. с англ.
Продается Япония. Пер. с япон.

1970 год

Вавилонская башня. Пер. с польск.
Г. Гаррисон. Тренировочный полет. Пер. с англ.
Бандагал. Пер. с итал.
А. Клар. Космическая Одиссея. 2001 год. Пер. с англ.
С. Комацу. Похитители завтрашнего дня. Пер. с япон.
Огненный цикл. Сб. научно-фантастических произведений о контактах с внеземными цивилизациями
Пески веков. Сб. научно-фантастических рассказов о времени.

1971 год

Я. Вайсс. Дом в 1000 этажей. Пер. с чешск.

С. Лем. Навигатор Пиркс. Голос неба. Пер. с польск.

Стальной прыжок. Сб. скандинавской фантастики.

М. Крайтон. Штамы «Андромеда». Пер. с англ.

Шутник. Сб. научно-фантастических произведений о роботах.

Фантастические изобретения.

Через Солнечную сторону. Сб. научно-фантастических рассказов о планетах Солнечной системы.

1972 год

К. Саймак. Заповедник гоблинов. Пер. с англ.

Х. Клемент. Экспедиция «Тяготение». Пер. с англ.

Дж. Финней. Меж двух времен. Пер. с англ.

Космический госпиталь.

Дальний полет. Сб. научно-фантастических произведений о мыслящих обитателях космоса.

Двое на озере Кумран. Пер. с итал.

1973 год

С. Лем. Солярис. Эдем. Пер. с польск.

Нежданно-негаданно. Сб. юмористических научно-фантастических рассказов.

Э. Рассел. Ниточка к сердцу. Пер. с англ

1974 год

Практичное изобретение. Сб. научно-фантастических рассказов о фантастических изобретениях

Ф. Браун, У. Тенн. Звездная карусель. Пер. с англ.

Симпозиум мыслелетчиков. Пер. с польск.

1975 год

К. Педлер, Дж. Дэвис. Мутант-59. Пер. с англ.

Человек-компьютер. Сб. научно-фантастических произведений.

1976 год

А. Азимов. Сами боги. Пер. с англ.

А. Кларк. Свидание с Рамой. Пер. с англ.

1977 год

Братья по разуму. Сборник научно-фантастических повестей.

С. Комацу. Гибель дракона. Пер. с япон.

ИБ № 1749

ПЯТЬ ЗЕЛЕННЫХ ЛУН

Редактор И. Хидекель

Художник Ф. Инфанте

Художественный редактор Л. Безрученко

Технический редактор М. Страшнова

Корректоры В. Постнова, Н. Спичкина

Сдано в набор 04.01.78. Подписано к печати 01.03.78. Формат 70×100^{1/32}. Бумага типограф. № 2. Обыкновенная гарн. Высокая печать. 5,38 бум. л. 13,98 уол. печ. л. Уч.-изд. л. 13,82. Зак. 50.

Тираж 75 000 экз. Цена 1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Зарубежная

фантастика

1 р. 50 к.

